

Сызранская городская организация
Союза писателей России

Сызранская излучина

Литературно-художественный
альманах

№ 6

**Ваш
Взгляд**
Альманах
СЫЗРАНЬ
2018

УДК 82-194
ББК 84(2Рос=Рус) 6-5
С95

Издание подготовлено:

Сызранской городской организацией Союза писателей России,
редакционно-издательским советом при главе г.о. Сызрань
и издательством «Ваш Взгляд»

С95 Сызранская излучина: Литературно-художественный альманах /
сост. О. Портнягин. – Сызрань: Ваш Взгляд, 2018. – 328 с.

ISBN 978-5-904048-99-0

В шестой номер литературно-художественного альманаха
«Сызранская излучина» по установившейся традиции вошли
проза, поэзия, публицистика как уже известных читателям, так
и новых местных и иногородних авторов.

УДК 82-194
ББК 84(2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-904048-99-0

© Сызранская городская организация
Союза писателей России, 2018
© Ваш Взгляд, 2018

К ЧИТАТЕЛЮ

Каждый предыдущий выпуск «Сызранской излучины» посвящался каким-либо важным событиям в жизни нашего города, губернии, всей страны. 2017-й был объявлен Годом экологии в России. Нельзя сказать, что шестой номер нашего альманаха посвящён именно этой масштабной акции. Но то, что во многих произведениях звучат темы любви к родному Среднему Поволжью, тревоги за сохранение окружающей среды, – абсолютная правда.

Впрочем, значение слова «экология» давно уже вышло за рамки привычных взаимоотношений живых организмов с окружающей средой. Об этом напоминает нам и поэт Вячеслав Харитонов, чьё 75-летие мы отмечаем в мае 2017 года:

*Создаётся не богами
Экология души.*

Действительно, экология души создаётся ещё и литературой. Но не низкопробным чтивом, а произведениями, ведущими к свету, любви, доброте, заставляющими нас размышлять о смысле жизни и своём предназначении в ней. Именно к этому призывают читателей стихи и проза большинства авторов шестого номера «Сызранской излучины» в преддверии 335-летия нашего прекрасного города, которое мы будем праздновать в 2018 году.

Вячеслав Харитонов:
«В поэзии, как и в жизни,
ничто человеческое мне не чуждо»

Вячеслав Харитонов – член Союзов писателей и журналистов России. Лауреат литературных премий: городской – «Признание», областной – им. Виктора Багрова, Всероссийской – «Мастер». На протяжении многих лет возглавляет сызранское лит-объединение. Является членом общественного совета местной Думы и редакционно-издательского совета при главе города. Произведения В. В. Харитонova печатались в центральных изданиях, областной, городской, районной и заводской прессе, а также в газетах и журналах Поволжья, Подмосковья, Урала и Сибири, в коллективных сборниках. Он – автор четырёх книг стихотворений: «Околица» (1985 г.), «Полустанок» (2004 г.), «Всплески» (2011 г.) и «Полынок» (2012 г.). Более 1800 его не только поэтических, но и прозаических, публицистических и литературоведческих произведений размещены на сайте Стихи.ру Интернета.

Жизненный и творческий путь поэта отмечен рядом наград. В их числе медали: «Ветеран труда», «Дети войны»; юбилейные: «XX лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «65 лет Победы», «В. И. Ленин. 140 лет», «90 лет ВЛКСМ»; знаки: «Куйбышев – запасная столица» и «За заслуги перед городом» 2-й степени. Так что коренному сызранцу есть о чём рассказать своим читателям в год своего 75-летия. С юбиляром побеседовал его давний соратник по литературным делам Олег Портнягин.

– Вячеслав, мы знакомы с тобой более сорока лет. И мне, и другим почитателям твоего творчества хорошо известно, где ты родился, учился и так далее. Но всё же напомним...

– Я – коренной волжанин. Родился в Сызрани 14 мая 1942 года. Отец, Владимир Иванович, сражался на фронте. А мать, Антонина Ивановна, бедовала с четырьмя сынишками в расположенном на улице Молотова коммунальном домике на две семьи, без каких бы то ни было удобств. В честь Вячеслава Михайловича я и получил своё имя. Тогда Молотов ещё был в большом почёте. Старший мой брат Михаил, несмотря на протесты мамы, бросил школу и десятилетним мальцом пошёл в ученики сапожника, чтобы хоть как-то помочь семье. Выручала нас и бездетная тётка Анна Ивановна Коновалова, проживавшая в Старой Соловчихе и работавшая продавщицей в сельмаге. Я гостил у неё каждое лето и, можно сказать, «с молоком» своей второй матери (как я и называл её позже) впитал в себя все прелести и особенности деревенской далеко не простой жизни. А в городе – единственным из братьев – прошёл через детсадовское воспитание, в результате чего с отличием окончил семилетку и поступил в швейно-трикотажный техникум. По окончании его распределился в Казахстан, в Семипалатинск, прознав, что там проходил ссылку Достоевский. Работать я начинал помощником мастера на чулочно-прядельном комбинате. Вернувшись в Сызрань, поступил на завод пищевых концентратов. Трудился наладчиком брикетирующих автоматов, пока не призвали в армию. Служил три года в Московском округе ПВО – в зенитно-ракетной артиллерии. Уйдя в запас сержантом, связал свою судьбу с «Тяжмашем». Работал на оборонку и космос. Стал

активным сотрудником заводской многотиражки и членом городского литобъединения.

В 1967 году поступил на очное отделение филфака в Свердловский пединститут. Занятия успешно совмещал с работой кочегаром котельной, сторожем, лаборантом кафедр психологии и физкультуры и даже сотрудником вузовской многотиражки «Народный учитель». По окончании института в 1971 году вернулся в Сызрань. Поступил на завод пластмасс. Здесь прошёл непростой путь от рядового аппаратчика до инженера-технолога и начальника смены одного из ведущих цехов пенополиуретанового производства. На какое-то время стал мастером ОТК сборочно-сварочного цеха на заводе тяжёлого машиностроения. А позже по рекомендации известного сызранского поэта и журналиста Анатолия Ульянова был принят в редакцию районной газеты «Красное Приволжье». Словом, изрядно поварившись в рабочем котле промышленного производства, с головой окунулся в сферу производства сельскохозяйственного. Равно как и в трудовую, культурную и общественно-политическую жизнь района.

– Вячеслав, а когда и как всё-таки ты почувствовал в себе способности к стихотворчеству? Многие мальчишки и девчонки пробуют свои силы в поэзии. Но как юному созданию понять, что оно занимается не рифмоплётством, а именно словесным творчеством?

– На встречах с такими ребятами я вспоминаю, как и с чего сам начинал. В четвёртом классе начальной школы учительница Прасковья Григорьевна Янина однажды собрала трёх отличников: Колю Лычёва, Колю Хрущёва и меня. «Давайте, – говорит, – протащим наших неучей, нерях, прогульщиков и прочих разгильдяев в стенгазете стихами». И мелом на доске написала: «Бой даём мы разгильдиям...» А теперь, мол, думайте, как продолжить, сами. Но сколько мы ни напрягали мозги – ничего у нас не вышло. Так и разошлись, несолоно хлебавши. Но меня самолюбие заело: неужели мы такие уж тупые? О нерадивых одноклассниках я, конечно, писать не стал. Но зато сочинил небольшое стихотворение про Волгу. Я тогда уже ходил на неё рыбачить с ночёвкой вместе с братьями и друзьями. И это было мне куда как ближе. Записал стихи печатными буквами, чтобы по почерку

не узнали, и подкинул учительнице на стол. Долго она выспрашивала, кто же автор творения? Я, само собой, не признался. Да и стихов больше не писал длительное время. А вот уже учась в техникуме, прервал молчание. Прислали к нам преподавательницу литературы, окончившую МГУ. На первый же урок она принесла с собой старые (с ятями и твёрдыми знаками в конце слов) журналы «Современник», в которых были опубликованы произведения классиков, и дала задание написать дома сочинение на тему «Мой любимый поэт». Я, хотя и читал запоем, будучи записан сразу в трёх библиотеках, всё же как-то обходился без любимого автора. Пошёл в библиотеку, нашёл стенд с надписью «Поэзия» и... растерялся. Взял наугад сборник раннего Есенина. Открыл и прочёл:

*Пахнет рыхлыми драчёнами
У порога в дёжке квас,
Над печурками точёными
Тараканы лезут в паз.*

Фу, какая гадость! Взял другой томик. Блок. И вот удача – его стихотворение «Скифы». Увлёкся. А тут ещё и стихи о Прекрасной Даме, потрясающая «Незнакомка». И сочинение удалось на славу. Его потом читали и по другим группам. А я не только заинтересовался поэзией, но и сам начал рифмовать, постигать, насколько это возможно, азы творчества. Со скрипом, но всё-таки осилил статью Маяковского «Как делать стихи». У него есть чему поучиться. Правда, метод «делания стихов» Маяковского мне не особенно-то нравится. Ближе позиция, когда они в голове словно рождаются сами. Хорошо об этом сказал Андрей Вознесенский:

*Стихи не пишутся – случаются,
Как чувства или же закат.
Душа – слепая соучастница.
Не написал – случилось так.*

С ещё большим напрягом осваивал «Поэтический словарь» Квятковского. Это воистину кладёз стихотворного искусства. На примерах из произведений классиков подробно разбираются все стили и приёмы, с помощью которых создаются образы, рассказывается о ритме, рифме, многом другом, из чего и состоит поэзия. Так что настоятельно советую молодым постараться изучить словарь от корки до корки. А ещё – читать как можно больше произведений других поэтов, «хороших и разных», как сказал тот же Маяковский. А на первых порах, пока не выработались свой стиль и язык, не стоит стесняться подражать им. Стилизация – это тоже хорошая школа. Так я, насколько себя помню, и делал, хотя и нечасто, а не спешил сразу же в редакцию в надежде на скорейшую публикацию.

– А когда ты впервые опубликовался и где?

– В довольно солидном возрасте – в 1963 году в окружной газете Московского округа ПВО на «Боевом посту» в канун Нового года. Стихотворение называлось соответственно: «Идут солдаты». После этого был принят в армейское литобъединение при той газете, им руководил московский поэт Юрий Леднёв. Его же одновременно со мной посещали Анатолий Богданович и Игорь Ляпин, возглавивший впоследствии Союз писателей СССР. А первый свой сборник стихов «Околица» я издал только в 1985 году в Куйбышеве.

– По себе знаю: за первыми публикациями, а уж тем более – после выхода в свет первого сборника, наступает очень ответственный момент. Нужно доказывать, что ты пришёл в литературу не зря. Как это было у тебя?

– Мне особенно-то этим заниматься не приходилось. Стихи мои регулярно печатали и в армейской газете, и в городской, и в районной – в Сызрани, и в периодике малых городов Урала, когда я учился в Свердловске. А в Куйбышеве приняли в секцию поэзии при Союзе писателей СССР. Печатался я также в «Волжском комсомольце» благодаря Анатолию Ардатову, руководителю «Молодой Волги», и в областной «Волжской коммуне». Мои стихи стали регулярно появляться в куйбышевских «Днях поэзии» и других изданиях.

– А кого ты, Вячеслав, считаешь своими учителями в литературе?

– На первых порах – Блока, Фета и Есенина, которого после первой осечки полюбил, пожалуй, сильнее других. Об авторе «Скифов» я уже говорил. А Фет подкупил меня вечными темами любви и природы, тонкостью чувств и умением экономными средствами (без единого глагола, например, одними назывными предложениями) нарисовать целостную и законченную картину:

*Чудная картина,
Как ты мне родна,
Снежная равнина,
Полная луна,
Свет небес высоких
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.*

Я благодарен всем руководителям литобъединений, в которых довелось состоять. В армейском – Юрию Макаровичу Леднёву. В институтском – Науму Лазаревичу Лейдерману, критику журнала «Урал» и преподавателю литературы античной и двадцатого века. В сызранском городском – Николаю Михайловичу Овчинникову, Надежде Ивановне Подлесовой, передавшей мне руководство литобъединением. В Самарской писательской организации – Борису Сергеевичу Соколову, Ивану Ефимовичу Никульшину и многим другим как уже ушедшим от нас, так и ныне здравствующим поэтам и прозаикам.

– По стихотворениям поэта можно понять, что его интересует, волнует, тревожит... Твои – не исключение. И всё-таки: к чему больше лежит у тебя душа?

– Отвечу словами классика марксизма: «ничто человеческое мне не чуждо». Лес, река – мои стихии. Отсюда стихи о грибной охоте и рыбалке, а также о «братьях наших меньших», бережном отношении к природе. Как любого здравомыслящего человека, волнуют меня вопросы добра и зла, войны и мира, любви и семейного благополучия. Интересует меня и история, начиная с седых времён и кончая

сегодняшним днём. Близки мне и патриотическая тематика, и проблематика воспитания подрастающего поколения, и вопросы науки и искусства. И это – далеко не полный перечень пристрастий.

– Творчество многих сызранских писателей известно далеко за пределами родного города. Некоторые из кожи лезут вон, чтобы о них узнали в иных краях России, даже за рубежом. Другим довольно и своей малой родины. Как ты ко всему этому относишься?

– Я никогда особо не задавался такой целью. Где жил, там и творил. Хотя отнюдь не против расширения ареала своего творчества. В годы армейской службы к нам в лито приехал как-то редактор многотиражки из Анадыря. Я дал ему несколько своих стихов, и он, напечатав их, прислал мне газеты с невероятно далёкой Чукотки. Помню, как тогда радовался...

– Твоё словесное творчество – это не только литература, но и журналистика. Не мешают ли они друг другу?

– Подобный вопрос задавал мне в своё время Борис Зиновьевич Сиротин, безусловный авторитет в поэзии не только для меня. Я тогда в своей районке «Красное Приволжье» рекорды ставил по строчкам и разнообразию жанров. Писал очерки и фельетоны, не говоря уж об аналитических статьях и репортажах. Сиротину же ответил, что журналистика даёт общение с интересными людьми, обогащает жизненным опытом. Да и руку набиваешь, форму постоянно поддерживаешь. Хотя и угроза есть невольно перейти на газетные штампы и официальный стиль. Слава Богу, что со мной этого не случилось. Более того, симбиоз журналистики и поэтического творчества всегда помогал мне в редактировании книг моих земляков и коллективных сборников на самые разные темы.

– В 2018 году мы будем отмечать 20-летие городской организации Союза писателей России. Что дало тебе это творческое объединение?

– Прежде всего дружбу с творчески одарёнными людьми и духовное взаимообогащение. У нас в городе появились собственные литературные издания. Мы вышли из затянувшегося (из-за развала СССР) кризиса, когда на несколько лет распалось литобъединение и трудно было добиваться выхода в свет нашим авторам как в поэзии, так и в прозе. Всё изменилось с появлением в городе журнала «Сызрань»

и газеты «Сызрань литературная», а чуть позднее – и одноимённой антологии. После этого заметно изменилось отношение городских властей к местным писателям.

– И как же ты, Вячеслав, оцениваешь взаимоотношения местных писателей и городских властей?

– В целом положительно, хотя некоторые прежние издания и почили в бозе. Я имею в виду журнал «Сызрань» и газету «Сызрань литературная». Однако их с успехом заменил литературный альманах «Сызранская излучина», ставший ежегодным. За счёт города был издан и ряд книг – художественных и публицистических, причём не только отдельных авторов, но и коллективных. Многие наши писатели, в том числе и я, стали лауреатами городского конкурса «Признание», награждены знаками «Куйбышев – запасная столица» и «За заслуги перед городом». Безусловно порадовало меня и присвоение литературных премий: областной – имени Виктора Багрова, Всероссийской – «Мастер».

– Что хотел бы ты пожелать себе, товарищам по перу, читателям?

– Себе – того же, чего и всем: творческих успехов, щедрых спонсоров, верных друзей, неослабного внимания со стороны властей, государства, доброго здоровья, счастья и долголетия! Остальное приложится.

ГРИБНИК

Рассказ

Как-то в выходной я решил махнуть за грибами. Сидел в переполненном вагоне электрички и лениво посматривал в окно. Из состояния лёгкой задумчивости меня вывел хриплый голос. Это по проходу вагона медленно продвигался небритый человек с пустым рукавом. Мятая кепка дрожала в его протянутой здоровой руке.

Нищий производил двоякое впечатление: с одной стороны – брезгливой досады, а с другой – острой жалости. И в зависимости от того, что перевешивало на весах сознания пассажиров, одни попросту отворачивались, а другие лезли в карман за серебром и медью. И, может быть, отвернувшись было бы гораздо больше, если бы не медали, позвякивавшие под лацканом выдавшего вида пиджака инвалида.

Я тоже зазвенел мелочью. А мой сосед по скамейке, пожилой и молчаливый человек, бросив монету в протянутую кепку, вздохнул и вполголоса обронил:

– Докатился фронтовичок!..

После этого за всю дорогу он больше не проронил ни слова.

Вышли мы на одной станции. Но из-за невольной возникшей к этому «ворчуну» неприязни я повернул от него в противоположную сторону.

«Стоит ли винить ветерана? Ведь никто не знает, как сложилась его судьба после войны, – размышлял я. – Может, и опуститься-то ему в какой-то степени помогли мы сами своим убийственным равнодушием?..»

Но вот уже обступили меня со всех сторон сосны и берёзы, начали понемножку попадаться грибы. Осенние щедрые краски; скупые, но радостные эпизоды: то шустрая ящерица, зелёной струйкой скользнувшая под пенёк, то любопытная пичужка с забавным глазком-бусинкой, доверчиво усевшаяся на соседний куст рябины – постепенно отвлекли меня от мыслей о побирающемся инвалиде.

Корзина час от часу наполнялась. Я вошёл в азарт и, когда взглянул на часы, понял, что забыл даже перекусить. Между тем время уже диктовало: пора на станцию, на электричку.

Вот и станция. Несколько человек расположились неподалёку от водокачки на поблёкшей, изрядно ошипанной и загаженной гусьями

луйайке. В ожидании электрички грибники приканчивали оставшиеся припасы, щедро подбрасывая объедки крутящимся поблизости собакам, а наиболее предприимчивые откупоривали традиционную бутылку. Воскресный запрет на спиртное в местном сельмаге уже был напрочь забыт: уборочная закончилась, а кто же из приезжих лишит себя удовольствия обмыть грибное счастье? Да и продавцы разве поступятся планом?

Чуть в сторонке от общей массы ожидающих, в буйных зарослях лопухов валялся какой-то человек. Возле него тускло поблёскивала ядовито-зелёным боком порожняя бутылка и белела разбросанная там и сям яичная скорлупа. Шустрая собачонка, брезгливо обнюхав огрызки огурцов и остатки ещё какой-то снеди, недовольно фыркнула и ретировалась восвояси.

– А наш фронтовик-то неплохо устроился, – раздался за моей спиной знакомый голос. – Как говорится, тепло, светло и мухи не кусают...

Оглянувшись, я узнал своего утреннего попутчика. Он стоял, небрежно набросив на одно плечо пиджак, а в свободной руке держал полную корзину грибов. Да каких! Среди них особенно выделялись белые, способные привести в восторг даже самого заядлого и удачливого грибника.

– Красавцы! Где набрали? – невольно вырвалось у меня.

– По ту сторону железнодорожной линии, – он кивком головы указал в направлении, противоположном тому, откуда я только что пришёл. – Там километрах в шести есть знаменитое местечко. Опята я попозже на вырубках собираю, а за белыми именно туда наведываюсь...

Мы взяли билеты и, вновь сойдясь, разговорились. Электричка опаздывала.

– Может, перекусим? – предложил я.

– Это можно. А как вы насчёт домашней наливочки? – он достал фляжку. – Старуха у меня по этой части мастерица.

Наливка оказалась на удивление приятной, настоянной на каких-то травах с добавлением лесных ягод. Растрогавшись, я признался, что утром слишком плохо подумал о нём из-за злополучного эпизода с нищим.

– Фронтовиков я тоже уважаю. Сам воевал. А вот тех, кто их именем спекулирует, извиняюсь, могу только презирать.

– Зачем же тогда вы ему монету бросили? – не удержался я.

– Кто же знал, что он подтвердит мои сомнения? – вопросом на вопрос ответил он и продолжил: – Настоящий фронтовик наградами не козыряет. Они для него святы и хранятся где-нибудь на дне сундука. На День Победы – тут уж вроде бы и надеть их не грех, а так...

– А у вас их много? – полюбопытствовал я.

– Есть, конечно, – неохотно начал он. – Но дороже всех мне, пожалуй, не ордена, а медаль «За отвагу». И знаете, почему? Тут у меня с ней целая история связана...

– Расскажите! – попросил я.

– До войны я был шофёром. Молодык. Опыта мало. Вот и возился со старичками в гараже в случае любых поломок, набираясь уму-разуму. Потом это мне во как пригодилось, – он сделал характерное движение ребром ладони поперёк горла.

– Сам посуди, – незаметно для себя увлёкшись и переходя на ты, продолжал мой собеседник, – в гараже машин было мало, а война началась – и те стали на фронт отдавать. Отремонтируем, отладим – приедет какой-нибудь лейтенант, проверит. И – привет! – укатила машина. А тут и самих мужиков наших стали забирать. Не заметил, как один в гараже остался. И за слесаря, и за механика, и за шофёра. Собрал последнюю развалюху, и сам на ней вскоре воевать поехал. В нашей же организации к тому времени на лошадиный транспорт стали переходить, а возчиками баб сажать.

Вот! Всё же недолго я на своей полуторке баранку крутил: дали новую. Потом-то я на каких только марках не ездил. И на ЯЗе, и на ЗИСе, и на «виллисе», и на «джимси»... А поначалу любым колёсам были рады. ЗИСа считали чудом техники. Кстати, и впрямь надёжнейшая машина! Но это к слову... Вот! Ехали мы как-то колонной. Со мной майор сидел, особист. Правда, ни о чём не разговаривал. А я уж и подавно помалкивал.

И тут, как на грех, налетели «мессеры». И ну утюжить нашу колонну. Так из пулемётов и поливают! Я, конечно, по-шофёрскому обычаю – в кювет. И майора туда же толкаю. Лежи, мол, пока не угрохали. А он – ноги в руки – и тёку! Кричу ему. А он ещё хлеще к лесу

припустил. Мне, понятно, машину тоже оставлять нельзя. Я карабин в охапку – и вниз лицом. Торчу так в нехорошем положении и думаю: лишь бы в голову не попало. Земли полон рот. Однако дело привычное.

Улетели. ЗИС мой – ничего – завёлся. А майора, глядь, ни среди живых, ни среди раненых и убитых. Тут меня, понятно, – в особый отдел. Куда, мол, офицера дел? Я и так и сяк. Не верят! Только через трое суток нашли майора без оружия и документов. Трусом оказался. Это меня и спасло...

– А как же с медалью? – робко напомнил я.

– С медалью?.. Под Москвой это было. Возил я на передовую бутылки с горючей смесью. Получал их вместе со мной старлей Шевров. Хороший мужик! Говорит мне: «Володя, смотри в оба, чтобы ни одной треснутой не было! А не то – гореть нам с тобой жарким пламенем». А я и сам понимаю: стоит воздуху в бутылку попасть – и амба! – воспламенится. Ну и ехать, конечно, стараешься поаккуратней, даже под обстрелом. Нервён час... И нервы, конечно, на пределе. За это-то и представили меня к «Красной Звезде». А тут земляк у меня, писарь, когда наградные списки составлял, строчку спутал. Себя, значит, записал на орден, а меня – на медаль. Может, и впрямь в спешке ошибся? Только командир его потом страсть как стыдил. Но мне тогда всё равно было. Ведь каждый солдат, почитай, о том только и думал, как поскорее войну закончить да живым остаться. А награды что?.. Вон сколько ребят полегло – и желторотых, и орденосцев. Война-то ведь не разбирает, кто есть кто. Так-то, брат! Кстати, и о своей медали «За отвагу» я узнал, когда уже в госпитале лежал. И что ведь обидно: на порохе, можно сказать, ездил, а ранение получить угораздило в самом безобидном месте – в блиндаже, когда у старшины довольствие получал. Стою я с котелком в руках. Вдруг как будто кто по плечу и шее мне монтировкой врезал. Котелок выпал из рук, а я устоял. Старшина мне:

– Что с тобой, Володя?

– Озурует, – говорю, – кто-то, товарищ старшина.

А он мне:

– Ранен ты. До санбата сам доберёшься или проводить?..

– Дойду, – говорю.

А рука-то у меня уже плетью повисла. Кровь из плеча так и хлещет! Я рану ладонью зажал и пошёл. Только через порог переступил и тут же упал. Осколок...

Во время этого рассказа он сделал неосторожное движение, показывая, как зажимал руку. Пиджак упал, и я к своему удивлению тут только понял, что второй руки у моего грибника-собеседника нет.

– А это уже потом, под Прагой, – встретив мой взгляд, словно бы оправдываясь, пояснил он, – когда уж и война-то, можно сказать, закончилась...

По радио объявили о выходе с соседней станции электрички, и все заторопились. Толпа таких же, как мы, грибников и прочих пассажиров подхватила нас и выплеснула на объявленный местом посадки перрон.

Подошла электричка. Я помог инвалиду затащить его корзину в тамбур. Однако свободных мест в вагоне не оказалось. В тамбуре же стояли железный лязг и грохот. Висело густое никотиновое облако. Дружно скалила зубы над очередным анекдотом молодёжь, возвращающаяся в город от родителей, проживающих в селе.

Мы только и успели что перекинуться несколькими словами.

– Приедете в следующий выходной? – спросил я.

– Если ничего не случится...

На первом же полустанке очередная партия пассажиров оттеснила нас друг от друга. Меня притиснули к окну. Там, за пыльным стеклом, проносились полосатые шлагбаумы, мосты через затерявшиеся в ивняке и камышах речушки. Раздолье убранных полей чередовалось с мягкими очертаниями овражно-балочной местности, поросшей щетиной молодого сосняка, то весёлыми берёзовыми рощицами.

Было легко на душе от этих вполне заурядных и одновременно милых сердцу картин и оттого, что состоялось знакомство с человеком, внутренняя красота которого открылась так же просто и органично, как эти пейзажи за окном, но прочно взяла за душу своей глубиной и естественностью.

И я подумал: как это всё-таки хорошо – чувствовать, что тебя окружают подобные люди. И сам ты, понимаешь это или нет, а составляешь частичку того самого монолита, того единства, имя которому народ.

Свой образ отпечатала душа

Всё туманно – биоритмы
И галактик дальних свет.
Облегчат ли ритм и рифмы
Разгадать судьбы секрет,

Обуздать поток, скользящий
В бездну канувших имён,
Если светит лик скорбящий
Нам сквозь дым седых времён?..

Мир с момента сотворенья
Ловит стоны сырых душ.
Лишь секунда озаренья –
И опять тоска и глушь,

Будней тягостные строки
И неведенья туман.
Где вы, истины истоки,
Где ты, правда? Где обман?

В воде все тайны бытия,
Святые и зловещие.
Их постигаем ты и я,
Коль нам они завещаны.

Господь в ней столько сочетал!
От мглы до льда холодного
Она магический кристалл
Мгновенья первородного,

Души, вместившей глубь и высь...
А что за этим кроется?
Ты к ней с любовью отзовись –
И тайна приоткроется.

БЕЛЫЙ ЦВЕТ

Вселял магическую робость
Цвет облаков и цвет берёз.
В нём люди видели, должно быть,
Всё, что не спелось, не сбылось.

Манил полёт лебязьей стаи,
Звал светлой церкви благовест,
А люди жили и мечтали,
И под венец вели невест.

А люди жили и растили
Для лучшей участи сынов
Своей святой большой России –
Основу всех её основ.

Цвета другие не забыты,
И небеса всё голубей,
Где наши сходятся орбиты
С полётом белых голубей.

Одна из самых сокровенных истин
Забыта, между нами говоря:
Придал создатель форму сердца листьям
И шепчется с деревьями не зря.

Он посвящает их в такие вещи,
Какие, грешным, снились нам едва ль.
Они ж то замирают, то трепещут,
То с ветром рвутся в призрачную даль.

И как поэт свою лелея рифму
Для грустных мыслей, а не для утех,
Деревья поздним листопадом вспыхнут,
Крутые ветви к солнышку воздев,

Чтоб в лабиринтах мозговых извилин,
Осенней просветлённостью дыша,
Как Саваоф на первозданной глине,
Свой образ отпечатала душа.

ЗАХОЛУСТЬЕ

Где исток и где там устье,
Путь в безбрежный океан?
Захолустье, захолустье –
Доля тысяч россиян.

Им свои излить бы души,
Чтоб от сердца отлегло.
Но кому ты в мире нужен,
Где царит сплошное зло?

Не Париж и не Варшава,
Не Афины и Нью-Йорк –
На тебя вся Русь дышала.
Как бы ни был мир широк,

Нависал над колыбелью
Дух берёз и кедрача,
Соловьи и вьюги пели,
Сердца таяла свеча.

И мужала в нём, и крепла
Захолустью в пику вновь
Средь жестоких стуж и пекла
Неизбывная любовь.

Пусть не всё у нас удачно
(Ты уж, Господи, прости) –
В поле, в роще и на даче
Есть где глянец навести.

От столиц и до окраин,
И до самых диких мест –
Человек везде хозяин:
От пещер и до небес.

Где деньгами, где мозгами,
Где страницей пошурши.
Создаётся не богами
Экология души.

Не для войн, не для разрухи
Путь Господь нам осветил,
Чтоб стоять, раскинув руки,
Как кресты среди могил,

А нацелив на свершенья,
И чтоб жили, не греша,
В нас вдохнула вдохновенье
Материнская душа.

Под её святым началом
Сквозь тревоги и шторма
В жизнь уходим от причала
Поднабраться в ней ума.

Знает каждая букашка,
Как порою жить нам тяжко.
Ареал иной и вид,
Но душа за всех болит.

Чем опасны, для примера,
Океан иль атмосфера,
Глушь тайги и хмарь болот,
Гор ли дивный эхолот

Ночью, днём иль на рассвете
На прекраснейшей планете,
Подарившей всем нам жизнь?..
Что ты, скептик, зря брюзжишь?

Если толком разобраться,
Не враги мы все, а братья
В этом мире непростом.
Забывать нельзя о том.

Отзовись душой нетленной
На тревожный гул Вселенной –
Не раскроет ли она
Тайны вечные сполна

(Не сейчас пусть – через годы),
Суть чудес её природы,
Где прожить достойно век
Должен всякий человек?

Для кручины свои есть причины,
Чем встревожен сегодня и я.
В поднебесье, в тайге и в пучине
Остаётся всё меньше зверья.

Не хватает нам зоркости, чтобы
С жутким шрамом сравнить колею,
Отнести ли звериные тропы
К благодати в таёжном раю.

Их ведь тоже всё меньше, заветных,
Где сапог человеческий чужд.
Сохранит ли земной заповедник
Благодатный покой наших душ?

Отзовётся ль ознобом лишь кожа –
И признаться я вдруг побоюсь,
Что планета родная похожа
На огромный в авоське арбуз?

Кто хозяином призрачной сетки
На ближайшие станет века?
Не оставит ли красные метки
На боках полосатых рука,

Что ранимую корку разрежет,
Полоснув метеором в ночи?..
Но рассвет на востоке забрезжит,
И заснувших разбудят лучи,

Светлой дымкой наполнив лощины.
В них покатится солнце, соспев...
Для кручины свои есть причины.
Жаль, тревожат они нас не всех!

Солнце прячется за облаками,
Словно лампа в плафоне плохом.
Превращаюсь в лежачий камень,
Обрастаю лирическим мхом.

А хотелось бы на рыбалку –
На сорожку ли, на линия...
Но погодка, увы, как ни жалко,
Награждает бездельем меня.

Предстоит пережить ещё зиму
(Я зимой никудашний рыбак).
Только зря обижаюсь на климат:
От него ли всё пасмурно так?..

А весной поменяет планета
Неба ясного витражи –
Хлынут ливни волшебного света
В пробудившихся крон этажи,

Где средь криков гортанных грачиных
И листвы изумрудной игры
Враз рассеются грусти причины,
Неразгаданные до поры.

И нахлынет волна оптимизма.
В электричке за Волгу умчусь.
Небосвода хрустальная призма
Озарит землю радугой чувств.

БОЛЬШОЙ ЧЕРЕМШАН

Тишайшая и та ещё
Для истинных волжан,
И чем ты отличаешься,
Речушка Черемшан?

Твои истоки чистые
Питают родники.
Там, где дубы ветвистые,
Ивняк и топольки,

Ты рёв лосиный слышала
И скромной птахи трель.
В твоих верховьях выжила
И плещется форель.

Ну что в тебе великого
Ты, реченька, скажи?
Засилье лука дикого,
А проще – черемши?

Здесь не Сибирь, не Азия.
И кто развевает дым:
Что вышла за оказия
С названием твоим?

И вовсе ты не дикая,
Самарская земля.
Заманишь ежевикой,
Кислинкой щавеля,

Малиной ли, смородиной,
Созревшей в ранний срок...
Свиданьем с малой родиной –
Хотя бы на часок!

О, Волги чуткое течение
И жигулёвские боры,
Лука, излука, излучение –
Портал в межзвёздные миры!

Мой край, вместивший необъятное,
Энергий тайных коловрат,
К тебе любовь моя стократная.
Тебе служить всем сердцем рад!

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ – ГЛАВНОЕ ЕГО ДЕЛО

...Мы сидим в уютной квартире Николая Михайловича Овчинникова. За неторопливой беседой он перебирает старые фотографии, Почётные грамоты и дипломы, наградные книжки. Встретиться должны были ещё вчера, но он, сославшись на то, что должен проводить экскурсию для школьников по родному городу, попросил перенести разговор на сегодня.

– Ну как, – спрашиваю, – экскурсия?..

– К сожалению, сорвалась, – отвечает он. – Видно, час-другой аренды автобуса дороже патриотического воспитания...

И я прекрасно понимаю сетования Николая Михайловича на нынешние времена с неперменной ссылкой на «бесплатный сыр в мышеловке». А ведь именно воспитанию молодёжи Овчинников и отдал почти всю свою сознательную жизнь, не считая разве что только довоенной и суровой военной поры, когда он трудился на рабочих должностях, а будучи призван в армию, строил мосты или сражался на фронтах от Буга до Одера.

Николай Михайлович берёт грамоту, полученную за активную работу в обществе «Знание».

– Было время, – рассуждает он, – знания нам, что называется, на блюдечке преподносили. А теперь за ними карабкаться по жизни самому надо. Да и не каждому образование по карману – платное. Зато какой-нибудь проходимец готовый диплом купить может...

И я вполне солидарен с его умозаключениями. Как честный человек с давно сложившимися взглядами он непоколебим в своих убеждениях.

Спрашиваю ветерана: какие из наград ему особенно дороги? Он указывает на медаль «За оборону Ленинграда», хотя есть у него и орден Отечественной войны II степени, и медаль «За Победу над Германией». Её вручили Овчинникову уже в освобождённой Риге. А сколько испытаний и лишений предшествовали этому!

Войну Николай Михайлович встретил в 36 километрах от границы, на Западном Буге. Сполна познал горечь потерь и отступления. Из трёх окружений сумел вывести его вместе с боевыми товарищами бывший царский офицер, майор Ефимов. В условиях неразберихи, а порой и паники, шли на восток чаще всего ночами. Где-то на

правом берегу Днепра перехватили последний состав с вывозимым в тыл сахаром, который меняли потом на продукты. Отступая, обзавелись крупнокалиберным пулемётом, который установили на эшелоне и даже сбили фашистский самолёт, а немца взяли в плен. Через Днепр переправились у Черкасс, в Полтаве прошли переформировку, а оттуда уже были переброшены к блокадному Ленинграду. Держали оборону в городе Волхове.

Главной задачей была охрана и восстановление мостов, через которые шла помощь фронту. Приходилось Овчинникову и по знаменитой ледовой дороге ездить, а летом на корабле через Ладогу добираться в осаждённый город с важными пакетами. Даже адрес штаба цепко держит память: Мойка, 96.

Блокаду прорвали в 1943 году. А потом были Сланцы, где не осталось ни одного дома и жителя, Тарту... В только что освобождённом Донбассе месяца три или четыре строили мосты. А потом часть отправили в Польшу, в Сандомир. Свою точку в войне Овчинников поставил в Бреслау, на Одере. Берлин пал ещё 2-го, а этот город – только 6 мая. Демобилизовался же фронтовик лишь в 1948 году.

Прошедшие через горнило войны особенно были падки на знания. Николай Михайлович, вернувшись домой, окончил Сызранский учительский и Куйбышевский педагогический институты. Преподавал историю на селе и в городе, был завучем и директором школ. А о том, как он работал, свидетельствуют его мирные награды: орден Трудового Красного Знамени, знак «Отличник народного образования», масса всевозможных грамот и дипломов, включая и министерские.

Писать Овчинников стал ещё на фронте, а в Сызрани стоял у истоков местного литобъединения, на протяжении 10 лет сам возглавлял его. Он – член Союза писателей России с 1998 года. В Куйбышеве и родном городе в разное время вышли его книги «Деревья стали большими», «Обычный учебный год», «Сызранская бывальщина», а в прошлом году – «Древа ветвь плодоносящая». Произведения нашего земляка печатались также в антологии «Писатели Средней Волги», альманахе «Русское эхо», журнале «Сызрань», в коллективных сборниках, в областной и местной периодике.

Педагог, отличный историк и краевед, Овчинников охотно выступает перед читателями на творческих встречах и в СМИ. Его имя

хорошо известно общественности. Он – лауреат городской премии «Признание» 2000 года, Всероссийской премии им. Алексея Толстого 2001-го, а недавно, в конце августа, решением городской Думы ему присвоено звание «Почётный гражданин Сызрани». С чем мы от всей души и поздравляем ветерана, заодно желая ему доброго здоровья, долголетия и новых творческих успехов!..

Так или примерно так 15 лет тому назад по заданию редакции журнала «Сызрань вчера, сегодня, завтра» №9(61) за 2002 год я начал и закончил эту зарисовку о тогда уже Почётном гражданине нашего города, бывшем фронтовике-офицере, закончившем Великую Отечественную войну в звании капитана, Николае Михайловиче Овчинникове. Наверняка она была гораздо обширнее, но «прокрустово ложе» одной странички юбилейного номера журнала, которому исполнилось пять лет, не позволяло особенно-то «растекаться мыслию по древу». Много воды утекло с той поры. Много было сделано Николаем Михайловичем за это время для земляков. Он активно участвовал в общественной жизни города как убеждённый коммунист, историк, краевед и педагог, неустанно занимался патриотическим воспитанием подрастающего поколения.

Тем же целям служило и всё его литературное творчество, будь то проза или стихи.

И хотя в дальние поездки на встречи с читателями сам он уже и не ездил, в каждую «Жигулёвскую весну» незримо присутствовал рядом с нашими поэтами и прозаиками, представляющими Сызрань на всех литературных форумах. Его имя мы называли среди основоположников местной литературы, в которую (и не только!) он внёс достойный вклад.

За последние полтора десятилетия Николай Михайлович отметил публикации в журнале «Наш современник» в №№ 8 за 2003 и 2008 годы, а также в № 12 за 2013 год, где вышли в свет его рассказы «Лета 7192 сентября 18 день...»; «Давняя история»; «Час сиесты»; «Полонез Огинского» и сказы «Домовой» и «Заговорённый пятак». Особенно же плодотворным стало его содружество с самарским журналом «Русское эхо». Его публикации были в №№ 6, 10, 13(14), 47, а также в его специальных выпусках: «Священная война» и в двух томах «500 золотых страниц», где увидели свет «Алёшины частушки»,

«Ярмарка» из цикла «Сказки деда Михаила»; «Песни о минувшей войне», «Однополчане» и повесть «Такая долгая дорога домой». Весомыми были публикации в ульяновском сборнике «Беседка муз», в целом ряде других литературных изданий и коллективных сборников, не говоря уже о местной периодике.

Уход из жизни столь светлой и достойной личности, несомненно, – большая потеря и для сызранской, и для общероссийской литературы, а также для всех его читателей и почитателей, учеников и последователей.

Сергей Жилутов

ПЕРВЫЙ ВОЛК

Зима для деревенской жизни – время тяжёлое. Нужно чистить снег и топить печь. Несмотря на всероссийскую газификацию, в наш посёлок газ так и не дошёл. Видимо, заблудился в широких просторах лугов и перелесков без асфальтированной дороги. Но рассказ не об этом.

Занимаясь ежедневными крестьянскими делами, я вдруг услышал отчаянный крик соседа. Что-то случилось. Схватил вилы, через сугробы и заборы бросился к нему. Благо – сугробы по колено, а заборы – по пояс. Высоких стен не возводим, прятать друг от друга у нас нечего. Мы живём в пятидесяти верстах от города – места глухие. Маленький вымирающий посёлок. Поэтому иногда к нам заходят незваные гости – звери. Так и есть. У соседа в гостях побывал волк. От его визита сосед лишился пяти овец. Всех, какие были в загоне. Когда волк начинает убивать, он не останавливается, пока не уничтожит всё стадо, оказавшееся в его власти. Это его врождённый животный инстинкт. И это наша беда. Если волк пришёл раз, он обязательно вернётся. Нужно сразу отвадить незваного гостя. Раз и навсегда.

К охоте я готовился тщательно. Сходил в баню. Потел, пока не стал, как поётся в песне, пахнуть ромашкой и мятой. Волк чует далеко. Хорошо, что я не пью и не курю, эта вонь тяжело выветривается. Выстиранная одежда всю ночь и день провисела на морозе. Наконец собрался и вышел из дома встречать вечернюю зарю.

Волчья тропка в посёлок обнаружилась одна. Снег был рыхлый и мокрый, ходить по такому тяжело. Поразмыслив, решил, что вряд ли волк будет пробивать новую тропу. Пойдёт по уже знакомой, нахоженной. Подкараулить серого бандита определил в двухстах метрах от околицы. Двести метров – это по прямой, а мой путь был куда длиннее. Ножками, на лыжах описав большую дугу, подошёл к тропке метров на сорок. Выкопал в снегу окопчик и уселся на лыжи, как на скамейку. Сижу, смотрю вокруг. Стараюсь не шевелиться. Над окопчиком – одна голова. Зверь моментально реагирует на любое движение.

Зимний лиственный лес гол. Видимость хорошая, слышимость – тоже. В природе любое состояние красиво, потому что гармонично и естественно. В ней нет ничего лишнего. Вот два холма соединяются извилистым овражком, по которому и пришёл зверь. Чёрные дубки и белые берёзки стоят в ямках снежного ковра. Дальше – ровная гладь заснеженного луга с небольшими крапинками оставшейся высокой травы. Вдали – перелесок и весь нескончаемый простор родной земли под серым небом.

Замечтавшись, чуть было не пропустил гостей. Их оказалось двое. Молодая энергичная волчица, которая, играя, то наскокивала на волка, то отставала от него. Он же бежал ровной рысцей, снисходительно откликаясь на вольности молодой спутницы. Матёрый волк чёрного окраса, очень крупный, на вид – килограммов шестьдесят. Оказывается, не все серые разбойники одинаково серые.

Ружьё у меня старое – курковая горизонталка, но бьёт хорошо. Выстрел, за ним второй. Хотелось всё сразу закончить. Поторопился. В этом и была моя ошибка. Картечь от первого выстрела густо накрыла волчицу. От неожиданности она рванулась вперёд и получила вторую порцию свинца, которая предназначалась самцу. Волчица упала, а волк отскочил в сторону и выписал круг на снегу. Всё-таки и ему тоже досталось.

Переломил ружьё. От механизма раздался оглушительный щелчок. А возможно, мне это только показалось в тишине леса. Волк резко развернулся в мою сторону. Между нами на тропе лежала волчица. Его волчица. Он смотрел на меня, и я смотрел в его глаза. На таком расстоянии глаз разглядеть невозможно, я это чётко осознавал. Было слишком далеко. Но всё же я смотрел прямо в глаза волка. В них не было ни боли, ни страха, ни отчаянья, а только холодная пустота и неотвратимость смерти вставшего у него на пути человека.

Он рванул ко мне. Надо зарядить ружьё – молнией мелькнула мысль. Выдернув стреляные гильзы, бросаю на снег. Рука – в карман. Кто только придумал на них эти клапаны! Волк широкими прыжками идёт в мою сторону. Тридцать метров. Рука в кармане – патронов нет. Ледяной душ ужаса облил меня с головы до ног. Нет, я не боялся. Разум был спокоен и чист, как белый снег, покрывавший склоны холмов. Это животный инстинкт, живущий глубоко в каждом человеке, обозначил своё присутствие, полоснув изнутри острой бритвой.

Двадцать метров. Инстинктивно бросаю взгляд на карман и вижу патронташ на прикладе ружья. Много зарядов мне было не нужно, ведь охотиться пошёл не на уток. Патронташ с семью патронами на прикладе, что может быть удобней? Главное – в самый ответственный момент охоты не забыть, где они лежат, в смысле, патроны. Средним пальцем выталкиваю патрон. Хватаю его. Указательный палец вдоль гильзы. Так можно зарядить патрон практически не глядя. Достаточно пальцем попасть вдоль ствола. Десять метров. Патрон на месте. Щелчок, ружьё сложилось. Пять метров. Большим пальцем взвожу курок на себя до упора. Выстрел. Приближающаяся волчья пасть. Всё.

Теперь стальной ствол моей двустволки, висящей на стене, – с глубокими царапинами от клыков волка. Напоминание о тонкой грани между жизнью и смертью.

А для серьёзной охоты я купил карабин с оптикой.

МОРМЫШКИ

У простого обывателя рыбалка – это удочка, крючок, червяк, а у специалистов – целый мир. Спиннинги, закидушки, донки, мормышки, жерлицы и много-много ещё разных таинственных названий. Да и само действие сродни шаманскому ритуалу, понятное только посвящённому.

В круг посвящённых я не входил. Но всё же сумел уговорить Петровича взять меня с собой. Да не просто на рыбалку, а на зимнюю, что вдвойне опасно и почётно.

К реке прибыли большим коллективом ещё затемно. Не теряя времени, разбрелись по «своим рыбным» местам. Усердно взялись бурить лунки. Несколько человек неподалёку ставили жерлицы. Основной же коллектив двинулся вдоль русла. Мы с Петровичем далеко не пошли. Встали на толстый лёд вблизи берега. Новичку в самое «пекло» нельзя. Сначала – где надёжней и проще.

Ловили на мормышки – это такие маленькие удочки. Конечно, дошный читатель скажет, что мормышка – это специальный крючок и грузило одновременно. И он будет прав. Но в простонародье мормышкой стала называться и маленькая удочка, о которой и пойдёт речь.

Итак, стали ловить рыбу. То есть Петрович ловил со знанием дела, а я сидел на стульчике и подёргивал за мормышку, как показал мой наставник.

Начало светать. Снег, лёд и деревья на берегу окрасились розовыми оттенками восходящего солнца и ярко засверкали, словно осыпанные миллиардами маленьких брильянтов. Рассвет всегда дарит уют и хорошее настроение. Так случилось и на этот раз.

Мужички засуетились около жерлицы. Встал и вижу: вытаскивают здоровенную рыбку. Им даже пришлось для этого лунку подрубать. И багор задействовать. Маленький такой, но, как показала практика, очень даже нужный, а в некоторых случаях просто незаменимый инструмент.

Лёгкий рывок – и моей мормышки больше нет. Смотрю на Петровича, а он мне:

– Ты чего варезку разинул? На рыбалку пришёл, так рыбу лови, а не ворон по сторонам. Кто встаёт да мормышку вниз держит? – Петрович поднялся со стульчика. – Её надо горизонтально держать.

Во время монолога маленькая удочка в руках Петровича выписывала замысловатые фигуры, словно он был за дирижёрским пультом и при помощи палочки управлял оркестром в моём лице.

– Встал, мормышку вниз, головой по сторонам ... – продолжал свою обучающую речь Петрович.

Театр одного актёра был очень выразителен. Это и понятно, ведь средства лова были собственностью Петровича.

И вдруг – раз! Мормышка из рук Петровича скользнула вниз и скрылась в лунке. От неожиданности и невероятности происходящего он так и замер в театральной позе с открытым ртом.

Раздался неудержимый хохот, больше напоминавший лошадиное ржание. Это веселились более удачливые рыбаки.

– Петрович, ты давай лучше обучай молодёжь, так сказать, своим примером! – кричали они ему, покатываясь от смеха.

К обеду мы уже были дома. Петрович на меня не ругался, но и на рыбалку больше не брал.

СУРОК

Сурок – зверь серьёзный. Нет, он не нападёт на вас из засады, не прыгнет с дерева на спину, не вцепится клыками в горло. И не потому что у него нет клыков: если его обидеть, запросто может отхватить палец. А потому, что он грызун и у него другие жизненные принципы.

Охота на сурка – сложное занятие. Зверь хорошо видит, слышит, и нюх у него превосходный. Трудно быть в нашем мире маленьким и пушистым. Вот и сурок при любом подозрительном обстоятельстве – нырк под землю. Только его и видели.

Соблюдая всю возможную осторожность, подбираешься метров на сорок-пятьдесят к входу. Лежишь тихо, почти не дышишь. А зверя нет. Вход один, а вот выходов много. И, возможно, пока ты его караулишь у норки, он выбрался с другой стороны холма. Подкрался со спины и связывает тебе шнурки на кроссовках. Хорошо, что моя обувь на липучках.

Степь начинает потихоньку парить полуденным маревом. Жарким выдался этот августовский день. Трава колышется вслед за редкими дуновениями ветерка. Именно в августе сурок набирает свой вес перед долгой спячкой.

Но вот показалась голова, а затем вылез и сам зверёк. Такой толстый, круглый меховой комок. Всем своим видом напоминает маленького медведя. Какая удачная у меня позиция! Зверь виден превосходно.

Зелень в этом месте сочная и яркая. А панорама! Распахнутый простор степи, у горизонта поднимающийся и возвращающийся обратно бирюзовым небом.

Но некогда отвлекаться на красоты. Я здесь ради зверя. Ловлю байбака в оптику. Ох, как хорош! От накатившего волнения даже ладони вспотели. Так, спокойней. Повернись немного. Ну, ещё немного. Ещё. Всё, пора.

Плавню нажимаю на спуск. Раздаётся громкий щелчок. Ура! Он мой! От нетерпения вскакиваю на ноги. Нужно срочно проверить. Да, так и есть.

На обложке сентябрьского номера журнала будет напечатано фото, сделанное мной.

ОСЕННИЕ ВЁРСТЫ

В сухие и тёплые дни у поздней осени особые обаяние и красота. С утра в полях стелется лёгкий туман. Он белым пухом укрывает просторы, скрывая под собой землю. Причудливыми, неведомыми созданиями предстают кусты и деревья лесополос, чьи резкие силуэты проступают сквозь молочную белизну. Лёгкий ветерок стремительно смешивает белые и чёрные краски и, упорхнув вдаль, оставляет новую завораживающую картину. Восходящее солнце совсем скоро развеет белую пелену, а вместе с ней – загадочные тени и неясные очертания в белом облаке. Совсем скоро мир предстанет в чётких линиях и ярких красках дня.

Теплеет не очень быстро. Сапоги стучат голенищами друг об друга, сменяя вёрсты одну за другой. Мир вокруг ожил. Пригретый последним теплом осени, засуетился, стараясь не упустить возможности этого дня.

Пернатые хищники, изредка шевеля крыльями, парят в небе, высматривая мышей и грызунов размером побольше. Вот стремительное падение на землю, и уже в следующее мгновение птица оказывается в воздухе. Насколько удачна атака, невозможно разобрать. Очень велико расстояние.

Суслики, как маленькие человечки, молниеносно выскакивают из-под земли. Замрут живыми столбиками, осматривая окрестности с пожелтой травой, и исчезают в своём подземном мире.

Усталость накапливается вместе с километрами и часами, проведёнными в пути. Лёгкие порывы ветра приносят запахи земли, деревьев и сухого разнотравья, опьяняя городского гостя, продолжающего свой путь.

Солнышко, добрый друг, свершив своё дневное путешествие по небосклону, клонится к закату. Пора домой.

– Где добыча? – прозвучал вопрос супруги, улыбающейся через открытое окно кухни.

Присев на крыльцо, снимаю сапоги и развешиваю на них портянки. Долгожданная, приятная лёгкость и прохлада досок пола радуют. Шлёпа босыми ногами, прохожу на кухню, ставлю к стене зачехлённое ружьё и рюкзак. Обнимаю жену, прервав её кухонные хлопоты.

– Видел одного зайчонка. Он так удирал от меня по склону оврага, несколько раз скатывался к самым сапогам. Мне его стало так жалко, что не смог стрелять.

– Ну и хорошо. Мой руки и садись за стол. Будем ужинать.

Галина Журлова

ГЛИНЯНЫЙ ГОРШОК И... СТАКАН СОЛИ

В войну всех ребят-десятиклассников взяли в армию. В классе, где училась Анна, остались одни девочки. И, заглядывая к ним, младшие мальчишки дразнились: «Девичий монастырь!» А однажды в класс зашёл директор школы.

– Милые девочки, – сказал он. – Идёт война, все мужчины на фронте. Учить вас некому, десятый класс придётся закрыть. Школам нужны учителя, и открылись педагогические курсы. Окончив их, вы сможете работать учителями...

Школьный военрук (раненый солдат с палочкой) повёз в январе группу девчат на восьмимесячные курсы. В областном городе их встретили, распределили по группам. Военрук повёл девчат по улице. Он стучал палкой в каждый дом и говорил хозяйкам:

– Выбирай, мамаша, девчат на постой, будут платить квартирные...

– Вот этих возьму, – сказала одна женщина, указывая на Анну с подругой Тоней Емелиной.

Устроив бывших учениц на квартиры, военрук уехал. А для них начались студенческие будни и полуголодная жизнь.

...В обеденный перерыв девчата собирались в столовой. Получив дневную норму – четыреста граммов сырого с колючками овса хлеба, ждали миску рассольника – плавающих в воде кусочков солёных огурцов.

Поглядывая на окно раздаточной, Анна потихоньку отщипывала маленькие кусочки хлеба. Прососёт во рту крохотный кусочек, проглотит его, а рука непроизвольно вновь тянется к хлебу. И когда с кухни приносили рассольник, у многих хлеба уже не было. Так и уходили полуголодные...

...Сорока рублей стипендии Анне с подругой хватало лишь на оплату квартиры, стакан соли и... глиняный горшок. В нём готовили еду. Раз в месяц к ним приезжали мамы и привозили продукты: горстку пшена в узелке и маленькое ведёрко картошки. На ужин подруги складывались, выделяя из своих запасов по три картофелины. Тоненько их очистив, мелко нарезали. Добавляя в воду щепотку пшена, варили похлёбку. В раскалённой печи горшок из глины быстро растрескивался. И девушки каждый месяц покупали себе новый. Глядела-глядела хозяйка на мытарства своих жилищек и выделила им чугунок.

– Только наполняйте до краев: без воды – лопнет, – предупредила она.

Отлив готовый отвар хозяйскому козлёнку, варево солили. Каждая – в своей миске: берегли соль. Стояла зима сорок второго, и соль была на вес золота...

Хозяйка девчатам попалась добрая. Весной разрешила выходить в огород и щипать зелень. «Я удочерю любую из вас, кто останется со мной!» – сказала однажды. Но, окончив педагогические курсы, девушки уехали...

...В сентябре занятий в школе не было. Ученики помогали колхозу в уборке урожая. А в конце октября Анна, собрав в своём конце улицы ребятишек, повела их в школу. От учёбы дети отстали, многие не учились по году, по два. Поговорив с каждым, директриса (учительница начальных классов) распределила всех по классам. Дошла очередь до Анны.

– А ты в какой класс идёшь, девочка?

Анна подала «документ» – четверть тетрадного листка (в РОНО не было бумаги). На одной стороне листка от руки написано: «Снята с учёта курсов по питанию». А на обратной стороне – приказ о её назначении учителем в школу-семилетку.

– О Господи! Что же я с тобой буду делать? – прочитав документ, всплеснула руками педагог.

До того была худа их новая учительница. А росточком... ниже своих учеников. Но они росли дома, а Анна – на четырёхстах граммах чёрного сырого, с колючками овса хлеба.

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

В марте на снегу появились первые проталины, и на вербе распустились пушистые комочки. По хрустящему насту Анна пробралась к дереву, наломала вербных прутиков. Разложила на холмике свежевырытой братской могилы. Заторопилась: вдали послышался гудок паровоза. Когда девушка прибежала на вокзал, подкатила железная машина, обдавая людей горячим паром. Прибыл очередной эшелон с ранеными. Персонал госпиталя был уже тут: принимали бойцов с передовой. Тяжёлых на носилках несли к саням. Легкораненые шли сами, сопровождаемые медсёстрами...

С группой девчат-одногодок Анна работала в Старорачейском госпитале. Помогала встречать эшелоны с ранеными. В конце войны в санитарных теплушках привозили до пятисот простуженных бойцов, больных туберкулёзом. Почему-то выживали лишь те, кто постарше. А молодые, которым и тридцати лет не было, умирали... Их особенно было жаль.

– Вжик-вжик, вжик-вжик, – вгрызаются зубья пилы в дерево. Раствёт кучка опилок, и от бревна отваливаются аккуратные чурбаки. Анна пилит и колет с подружками дрова во дворе госпиталя. Пахнущие смолой поленья складывают в деревянном сарае. В одном из них, не переставая, стучат молотки. Два пожилых сельчанина не успевают делать гробы. Каждые сутки в госпитале умирают по четыре-пять

человек. Один из плотников, Данила Куракин, на фронт не попал по возрасту. Проводил на войну четверых сынов. На троих уже пришли похоронки...

...Рядовых хоронили ночью. В братские могилы у вербы. Офицерам на проходной госпиталя вывешивали некролог. И девчат отпускали проводить их в последний путь...

...Женщина была в военной форме, её звали Сима. Узнав номер госпиталя, приехала в Старую Рачейку проведать мужа. И – не застала его в живых. До кладбища ещё держалась. Когда стала прощаться с красивым боевым офицером (весенний ветер шевелил его чуб, как у живого), упала на колени, заголосила: «Лёвка, уходишь! А нашему сыну всего три года!» И... лишилась чувств. Над ней захлопотали женщины, привели в себя.

Девчата нарвали пушистой вербы, что росла недалеко от могил, и положили в изголовье свежего холмика...

...Обратный путь с кладбища шёл через станцию. Сюда прибыл московский поезд. Сошла с него пожилая женщина. Увидела Симу – сноху, спросила про сына:

– Как Лёва?..

– Нет больше Лёвы, – тихо ответила Сима...

Повалилась и мать...

...Много с тех пор утекло воды. Анна вышла замуж, вырастила детей и успела состариться. Живёт теперь в большом городе. Но, бывая в родном селе, всегда приходит на братское кладбище. И встают перед её глазами переполненные ранеными госпитальные палаты и коридоры. И словно слышит их стоны, видит кровь. А ещё вспоминает впряжённую в телегу лошадь и проводы в последний путь...

Такое не забывается!

ДАВНЯЯ ИСТОРИЯ

– Что это там гудит? – спросила мать и выбежала из дома.

Борис – следом. От полуденной жары улица была безлюдной.

Ту-ту-ту, ту-ту-ту послышалось сверху. Борис поднял голову. В небе ни облачка. Лишь кувыркались, гоняясь друг за другом, маленькие, будто игрушечные, самолётики. Борис вглядывался до рези в глазах и вдруг понял: один самолёт догонял, другой – удирал. Юркий «ястребок» гонял по небу «мессера». Как крылатый фашист прорвался сюда? Из-под Сталинграда? Бомбил мост через Волгу и заблудился?..

На какие только уловки не шёл фашист: выписывал мёртвую петлю, с рёвом уходил на бреющем. Но «ястребок» не отставал, храбро бросался на врага.

«Ту-ту-ту. Ту-ту-ту», – строчил его пулёмёт. И кружили над Старой Рачейкой самолёты...

– Дай ему, дай ему, – приплясывал Борис, утопая босыми пятками в дорожной пыли.

Но вдруг всё изменилось. «Тах-тах-тах», – зачихал мотор, и «ястребок» стал резко снижаться. Чтобы не упасть на дома, лётчик из последних сил тянул его на запад, к лесу. В ту же сторону удрал и «мессер».

«Ястребок» упал за мельницей в Лягушовке. Раздался грохот, и всё стихло.

...Когда Борис подбежал, увидел, что самолёт, пропахав брюхом две силосные ямы, замер на картофельном поле. От удара у него отвалилось шасси, по инерции «Ястребок» развернуло хвостом к лесу. Обшивка задралась, обнажив мотор. Из кабины свисали пулёмётные ленты. Голова лётчика лежала на щитке управления. Он не подавал признаков жизни. Из разбитого лба струилась кровь. Подоспевшие люди положили лётчика на подводу. Он зашевелился, открыл глаза, сказал: «Эх, жаль, горючее кончилось...» И потерял сознание. Лётчика повезли в госпиталь. А Бориса вызвали в сельсовет.

– Трифонов Борис Тимофеевич! Вы назначены на охрану боевого самолёта.

– Слушаюсь! – отчеканил босой часовой и побежал к объекту.

...Время «на часах» Борис коротал с закадычными друзьями: Генкой Турковым и Лидой Веденеевой. Но к ночи их позвали родители, и он остался один. Соорудив костерок, зорко вглядывался в темноту, сжимая в руке палку. К утру похолодало, и он забрался в самолёт...

...Утром наехало машин!.. Прибыла милиция, люди в военном...

– Всё в порядке? – спросил главный.

– Проверьте, – отвечал Борис, сдавая объект.

Прибывший кран погрузил самолёт на большую машину, и боевую технику отвезли в Сызрань.

– Не болтать! – распорядилось начальство.

Борис понимал. Не маленький.

Через месяц он уже учился в ФЗО, а в феврале сорок четвёртого его призвали в армию. В семнадцать лет...

Александр Карякин

ПЕСНЯ ВЕСНЯНКИ

Январским морозным утром большое прозрачное солнце повисло над тайгой, как праздничный китайский фонарь, который излучает только холодный свет. Мороз, лютовавший в городе и по всему нефтяному региону, показывая свои силу и власть, не давал солнцу надеть волшебную золотую корону и пролить хоть чуточку тепла на продрогшую северную природу. Даже ветер, и тот не совершал свой утренний полёт, боясь, что превратится от этого холода в искрящуюся пыль. И только люди, решившие связать свою судьбу с севером, вот уже больше недели вступали в противоборство с невидимой силой мороза, выходя кто на вахту на нефтепромысле, а кто на работу в городе, поддерживая жизнедеятельность и стабильность региона.

Возле конторы УБР* стояла небольшая кучка рабочих, собиравшихся ехать на буровую. Среди них был водитель вахтового автомобиля Володя. Северянин со стажем и с хорошей северной характеристикой не для анкеты, а для людей, которые живут законами тайги. Обогрей! Накорми! Помогни! Володина характеристика была очень

* Управление буровых работ.

краткой: просто хороший парень! Но в этих словах было всё: и его преданность шофёрскому братству, и доброта души, а самое главное – уважение и исполнение им таёжных законов.

Может быть, поэтому никто из рабочих не удивился, когда из-под крыши конторы вылетела и села именно к его ногам маленькая птичка-синичка, которую у нас на Волге в просторечии называют «зинёха».

Володя отошёл в сторону – синичка без всякого промедления последовала за ним; он сделал несколько шагов назад – синичка снова перелетела и села у его ног. Тогда Володя, понимая всю суть происходящего, начал искать в карманах что-нибудь съестное для неё, при этом приговаривая: «И холодно тебе, и голодно маленькой. Сейчас я тебя накормлю». Но, проверив все свои карманы, с сожалением сказал, обращаясь к синичке: «Вот незадача! Ничего нет». Та как будто бы поняла сказанное, жалобно запищала.

Володя на мгновение задумался и радостным голосом сказал, обращаясь к синичке: «У меня в машине есть! Пойдём!» И пошёл к машине. На удивление стоявшим кучкой рабочим птаха полетела следом и села на радиоантенну автомобиля. Все с нескрываемым интересом следили за происходящим. Володя открыл дверцу кабины и начал искать в бардачке обещанное угощение. Синичка тем временем перелетела с антенны на «дворник» и смотрела через стекло за действиями своего спасителя, при этом постукивала клювом в окно автомобиля, поторапливая человека. Наконец, он нашёл то, что искал, и вылез из кабины. Синичка тут же слетела к его ногам. Володя высыпал на утоптаный снег полную горсть семечек, и птица с жадностью, не шелуша, стала их склёвывать, но, увидев, что больше никто не претендует на её корм (рядом не было всегда голодных голубей и наглых соседей-воробьёв), она стала шелушить семечки и перемалывать чистые зёрна своим чёрным клювиком.

Склевав всё, вспорхнула и села на ветку рябины рядом с гроздью алеющих ягод. Рабочие продолжали с интересом наблюдать за ней. Синичка почистила пёрышки, распушилась и стала похожа на теннисный мячик. Затем, прищурив свои чёрные глазки-бусинки, запела. Но не зимнюю песню, в которой звуки похожи на скрежет металла. Словно в благодарность и своему спасителю и людям,

не отпугнувшим её от доброго человека, синичка пела звонкую весеннюю песню, за которую северяне прозвали её веснянкой!

Рабочие, слушая песню, замерли от восторга. Даже мороз как будто растерялся и на мгновение убавил свою силу, чем незамедлительно воспользовалось солнышко и начало расправлять свой золотой убор, согревая лучами заиндевшую природу и радуя ярким золотым светом.

А над городом плыла звонкая песня веснянки со всеми коленцами и переходами. И у тех, кто её слышал в это январское морозное утро, в душе просыпалось весеннее настроение, потому что люди знали, о чём поёт эта маленькая птичка, радуясь жизни:

*Ушла тень-тень-тень-тень-тень,
Солнце блестит-ит-ит-ит-ит-ит,
Ручей-чей-чей-чей-чей-чей
Журчит-ит-ит-ит-ит-ит,
Капель-ель-ель-ель-ель-ель
Звонит-ит-ит-ит-ит-ит
Весь день-день-день-день-день-день...*

ТАЁЖНЫЙ ХУЛИГАН

Эта забавная история произошла осенью на Крайнем Севере, недалеко от города нефтяников с красивым именем Урай.

Бригада подземного ремонта скважин обедала, когда в тамбуре передвижного вагончика, где находились столовая и рация для связи с диспетчером, послышалось громкое сопение, похожее на дыхание запыхавшегося человека, и звон опрокинутого мусорного бака.

– Кого там несёт нелёгкая?! – возмутился бригадир. – Ну-ка, Николай, посмотри, кто там!

Николай, здоровый светловолосый украинец, с неохотой отодвинул в сторону кусок солёного сала, подошёл к двери, открыл, и в то же мгновение как будто какая-то невероятная сила оттолкнула его от двери, он оказался у противоположной стены вагончика с раскинутыми в стороны руками и искажённым сильным испугом лицом.

– Там медведь! – охрипшим голосом сообщил он.

Все затихли как в минуту молчания. Первым заговорил помощник бурильщика татарин Ахмет, подвигая к себе поближе кухонный нож:

– Я его зарэжу!

– Не надо! – закричал Коля, сползая по стене, и предложил:

– Давайте лучше вызовем службу безопасности, у них есть оружие.

– Вы что, сами озверели со страху, что ли? – возмущённо закричал Виктор по прозвищу «хант», который всё это время молча наблюдал за происходящими событиями и спокойно доедал свой обед. Прозвище он получил за то, что всё своё свободное время проводил, как он говорил, в объятиях природы и знал повадки зверей и птиц не понаслышке.

– Вы разве по голосу не слышите, что это медвежонок-пестун? – продолжал говорить Виктор. – Вы вчера ели рыбу, а отходы выкинули в бак, вот зверь на запах и пришёл. Надо за порядком следить!

Он не спеша встал, подошёл к двери и приоткрыл её. Из тамбура доносилось смачное чавканье.

– Ну, чего пришёл? Народ пугаешь. В тайге столько грибов, ягод, а ты на эту помойку позарился! – стыдил незваного гостя Виктор.

В ответ медвежонок зарычал.

– Я те поматерюсь, – с угрозой в голосе сказал ему Виктор и начал тихонько постукивать его дверью вагончика в бок, закрывая и приоткрывая её.

Медвежонок, урча, выбрался на улицу. Виктор закрыл дверь в тамбуре на задвижку, вошёл в вагончик и закурил. Его примеру дружно последовали остальные члены бригады. Но не успели они ещё как следует насладиться сигаретным дымом, снимая стресс, как вагончик сотряс сильный удар чем-то тяжёлым. Вся бригада дружно выглянула в окно и увидела, что около вагончика на задних лапах стоит медвежонок внушительного роста, а в передних держит большой сосновый корень, похожий на дубину, и колотит им в дверь тамбура.

– Ты что дэлаешь, звэрюга?! – закричал на него Ахмет через окно. Медвежонок как будто услышал это, перестал колотить дубиной в дверь, повернулся к окну и, сложив губы трубочкой, как-то странно зарычал.

Ахмет восторженно закричал: «Смотри, и правда матерится!»

И уже с заметной нежностью и уважением в голосе, стукнув по столу кулаком, сказал:

– У, шайтан!

Потом, как бы желая усостыжить, громко крикнул медвежонку:

– Видэл бы твой мат, что ты здесь вытворяешь!

– Не вспоминайте его маму, – взмолился Коля, – она, наверное, где-то рядом, он ведь маленький!

– Маленький! – передразнил его Ахмет и добавил: – Хулиган он большой! Рэмень ему надо!

А медвежонок тем временем продолжал штурмовать осаждённый им вагончик. Первым осады не выдержал Коля. Он подбежал к рации и закричал в трубку:

– Диспетчер, фиксируй: нападение медведя на бригаду. Что? Нет, жертв нет, но, возможно, будут. Высылайте наряд службы безопасности. Ждём. Сейчас они его расстреляют.

– Ты зачем эсбэшников вызвал, дурень? – закричал на него Виктор. – Ну, поблатовал бы маленько пацан и ушёл восвояси, а сейчас они его пристрелят!

Через некоторое время за окном послышался шум приближающегося автомобиля, все выглянули в окно. По таёжной дороге в направлении бригады мчался «Урал» с сотрудниками службы безопасности. Медвежонок, почуяв неладное, бросил дубину, перевалил через песчаную обваловку и спокойно, вразвалку направился в сторону тайги. Виктор открыл дверь тамбура и вышел на улицу. За ним последовали все члены бригады. Коля с распростёртыми руками побежал навстречу машине, из которой с автоматами наперевес на ходу выпрыгивали эсбэшники. Ахмет подошёл к бригадному инструменту, взял кувалду и, снимая стресс, рассекал ей воздух. Виктор закурил, посмотрел по сторонам и с облегчением сказал: «Слава Богу, успел уйти. Если выживет, образумится!»

КОТ – АЛКОГОЛИК

Из цикла «Пираткины рассказы»

На берегу речки, спящей под толстым снежным одеялом, стояли две собаки. Для людей, которые их видели, это была обычная сельская картина. И поэтому никто из них не обращал на животных внимания. Никого не удивляло то, что две собаки вот уже более часа стояли друг против друга и как-то странно поскуливали или поочередно лаяли. А если бы кто-нибудь из людей заинтересовался этой картиной, то непременно бы понял, что он является свидетелем дружеской беседы.

Один из собеседников был небольшого роста, тёмно-серо-коричневой с проседью масти, с прекрасной белозубой улыбкой и грозной кличкой Пират. Но за доброту собачьей души все, кто знал, называли его ласково – Пиратка. А вот его друга – долговязую, худую, лопухую собаку – сельчане называли грубо: Жулик, потому что он всё время промышлял себе пропитание по чужим дворам и не брезговал ничем, даже замёрзшей овсяной кашей, от которой у Пиратки при одном её виде тошнота подступала к горлу. Но тем не менее Пиратка всегда жалел своего друга, понимая, что не от хорошей жизни он ходит по людям, и никогда не называл его этой грубой кличкой, а говорил всегда при встрече: «Привет, Жулька!»

Беседа была насыщенной, так как вчера в гости к Пираткиной хозяйке, бабушке Насте, приехала её дочь Галина, и Жулька с замиранием сердца слушал все подробности Пираткиной встречи с гостьей.

– Ну, в общем-то, всё как обычно, – говорил Пиратка, – приехала, навезла всяких гостинцев бабушке Насте и нам тоже.

– Кому это вам? – спросил Жулька.

– Кому, кому! – возмущённо передразнил его Пиратка, – маме моей – Кукле – конфет, мне – вкусной колбасы.

У Жульки после этих слов в животе громко заурчало, как будто бы там находился радиоприёмник, настроенный не на ту волну. Но Пиратка, не обращая на это внимания, продолжал свой рассказ.

– А этому нашему толстому батону – коту Ваське – красной рыбы. Ты не знаешь, почему это все женщины любят толстых котов? – обращаясь к Жульке, спросил Пиратка и, не дождавшись ответа, продолжил свой рассказ: – Галина всё любовалась им, гладила, Васенькой называла. А он на самом деле знаешь, кем оказался?

– Нет, – тут же ответил Жулька.

– Алкоголиком! – громко сказал Пиратка и от избытка недобрых чувств по отношению к коту, поднял заднюю лапу и сделал сразу несколько жёлтых меток на снегу. Жулька последовал его примеру, после чего с нескрываемым интересом спросил:

– А как выяснилось-то это?

– Да легли мы все спать, – продолжал рассказывать Пиратка своему другу, – а перед сном Галина накапала и дала выпить бабушке Насте валерьянки. Это такие успокоительные капли для старых людей, чтобы они лучше спали. Бабушка Настя, добрая душа, видно, уже знала о пристрастии этой бестии к каплям, но, жалея Ваську, ничего Галине не сказала, лишь попросила, чтобы она убрала их подальше. Галина, конечно, ничего не подозревая, поставила капли на полочку в тумбочку, где лежат все лекарства. Выключила свет, и мы все было уже заснули, как вдруг раздались шум, грохот. Галина включила свет, и мы с ней увидели, что все лекарства из тумбочки выброшены на пол, а этот Васенька лежит посреди комнаты, держит в лапах пузырёк с валерьянкой и, как младенец Артёмка, сосёт из него через дырочку в пробке содержимое.

– А кто такой Артёмка? – спросил, перебивая Пираткин рассказ, Жулька.

– Да это ещё один правнук у бабушки Насти появился: Николай, её внук, и Николаева жена Юля ей подарили, – объяснил Пиратка и продолжил: – Галина, конечно, заругалась на кота и хотела отобрать у него пузырёк, да он драться начал, исцарапал ей руки. Насилу сладили с ним. Выгнали на улицу. Мне до того неудобно перед Галиной за этого Васютку. Ещё подумает, что и я с моей мамой тоже обижаем бабушку. Я даже сегодня постеснялся с Галиной в магазин идти. А коту хоть бы что. Утром заявился и есть у бабушки просит. Ни стыда ни совести, – сделал вывод Пиратка.

– Алкаш, что с него взять, – утвердительно сказал Жулька и добавил: – Как и мой хозяин. Когда трезвый – хлеба даёт, а как напьётся, а это почти что каждый день бывает, первым делом пинает меня, забывая о том, что я по ночам честно уже много лет охраняю его двор. И совесть его не мучает, что я при живом хозяине хожу по людям,

побираюсь да на помойках язву и лишай наживаю. Ты вон почёсы-ваешься – блохи есть! А мои от меня давно ушли. Чешусь уж так, по привычке, чтобы собаки не засмеяли. Ну да хватит об этом. Скажи, Пиратка, что с котом-то решили делать?

– Бабушка Настя сказала, что вылечит, – ответил Пиратка.

– Ну, если бабушка Настя сказала, значит, вылечит, – подытожил Жулька и добавил: – Она хорошая, не запрещает тебе со мной встречаться! И людей, и животину всякую добрым словом да травками лечит.

В это время во дворе у бабушки Насти хлопнула калитка, и собаки услышали, что Галина зовёт Пиратку домой.

– Ну, я побегу, – сказал Пиратка другу, – вон Галина из магазина пришла.

Жулька громко икнул и как бы с сожалением и с доброй завистью ответил:

– Беги, ешь свою колбасу.

И уже вслед убегающему Пиратке, крикнул:

– Про уговор наш не забудь: до отъезда Галины таскать мне кости, которые тебе будут давать, – вот на это место!

Пиратка бежал к дому, а Жулька, провожая своего друга голодным взглядом, думал и в душе по-собачьи молил:

– Хоть бы подольше погостила Галина. Хотя бы до зелёной травки, а там появятся лягушки, всякая живность к теплу повылазит. Не пропаду!

Александр Коноплёв

ПРИСЯГАЮТ ЮНЫЕ

Отрывок из повести

В небольшом кабинете с довольно скромным убранством справа от входа вдоль стены стоял шкаф, полки которого были заполнены книгами. На нижней полке в стопку были сложены альбомы и журналы крупного формата. В углу между шкафом и стеной – свёрнутые в рулоны плакаты, которые легко было узнать по деревянным планкам с верёвкой для подвешивания на учебную доску. От постоянного использования их плотная бумага затёрта и давно пожелтела. На противоположной стене – карта мира о двух полушариях и два мужских портрета. Размеры кабинета настолько малы, что самый обычный письменный стол, разместившийся у окна, одним своим краем касался шкафа, а от другого его края до стены места оставалось ровно столько, чтобы мог пройти только один человек.

За столом сидел седовласый худощавый мужчина среднего роста. Перед ним – стопка бумаг, а в руке – табель успеваемости ученика за седьмой год обучения, подписанный классным руководителем.

– Ну, – произнёс мужчина, глядя на стоящего перед ним мальчишку с наивным лицом, – Георгий Внуков, и зачем тебе всё это надо?

– Не понял, – растерялся паренёк.

– К нам-то зачем пришёл? Чего хочешь?..

Ровный, властный голос пожилого человека явно обескуражил парня. Его лицо обрело недоумённое выражение. Плечи сами собой поднялись, а в широко раскрытых глазах отразились растерянность и удивление.

– Учиться хочу!

– Учиться? Судя по твоей успеваемости в школе...

– А при чём здесь школа? – перебил мальчишка.

Мужчина пристально, оценивающим взглядом посмотрел на подростка.

– Старших перебивать нехорошо, – всё тем же спокойным тоном продолжил он, – я почти в пять раз старше тебя, да и, согласишься, не я к тебе, а ты ко мне пришёл, значит, тебе это зачем-то нужно. Ведь так?

– Хочу быть лётчиком, – тихо, но уверенно заявил парень.

– С такой успеваемостью в средней школе трудно будет поступить в военное училище.

– А если не в военное, – робко мялся мальчишка, – к вам уже нельзя?

– Так как же ты летать собрался? Или хочешь ограничиться прыжками с парашютом? – мужчина поднялся и вышел из-за стола.

– У вас и на парашютах летают? – встрепенулся подросток.

– На парашютах не летают, с парашютом совершают прыжки. Наши курсанты получают такую возможность на выпускном курсе – выполнить один прыжок. Но до этого нужно будет многому научиться, сдать экзамены, пройти медицинскую комиссию и получить допуск к прыжкам. Без этого никак!

– Я всё исправлю.

– Нет. Это не должно быть простым обещанием. Это должно стать смыслом жизни, целью! Понимаешь? Вот вижу пятёрку по физкультуре. Похвально! Музыка, рисование, зоология – четвёрки. Вот, собственно, и всё. Остальные знания посредственные или удовлетворительные. У нас удовлетворительность не приветствуется. Знаешь,

какие здесь предметы изучать придётся? Метеорологию, парашютную и штурманскую подготовку, авиационную технику и вооружение, аэродинамику, радиотехнику и тому подобное. Это, знаешь ли, непросто. Например, выучить и на слух воспринимать азбуку Морзе.

– Я её знаю, – робко промолвил парень.

– Азбуку Морзе? – удивился мужчина. – Как, позвольте спросить, подаётся сигнал «SOS»?

– Три точки, три тире, три точки. Это многие знают. Но у меня только запись в тетради, на слух учить негде.

Хозяин кабинета уважительно покачал головой, положил лист бумаги и вернулся за стол. Он всё время смотрел парню в лицо, выражение которого постоянно менялось: то мрачнело, то становилось серьёзным, то причудливо кривилось...

– Говоришь, многие... Да нет, не многие. Знаешь, кто на этих фотографиях?

Портреты на стене вполне отражали суть учреждения, куда пришёл паренёк. Двое мужчин в военной форме. Один смотрел на Внукова с широкой сияющей улыбкой, у другого был серьёзный взгляд, устремлённый куда-то вперёд. У каждого на груди сияла Звезда Героя.

– Гагарин и... – глаза у мальчишки учащённо заморгали, прищурились и, глядя куда-то в потолок, застыли. Губы еле слышно шептали: – Титов, Леонов, Гречко... ну как его там, а-а-а – так это Комаров. Лётчики-космонавты. Это всем известно.

– Всем, говоришь, – не унимался собеседник. – По карте ориентируешься?

– По какой карте?

– Ну, вот карту видишь? – кивнул мужчина головой на карту мира. – Где находится Италия? Покажи!

– Сапог, извините, Италия находится рядом с Грецией, – без всяких сомнений и раздумий ткнул пальцем в карту мальчишка.

– Хорошо, где Чили?

– Вот, – так же уверенно указал палец.

– Сапог, значит, в Европе, а червяк – в Южной Америке...

– Червяка не знаю, а Италия – в виде сапога, это всем известно.

– Правильно ты говоришь, напоминает форму сапога, а Чили вытянута по побережью вдоль всего материка. Значит, червяк или

змея, – мужчина засмеялся. – А знаешь ли ты государство Лондон? Там какая столица?

– Лондон – это не государство, Лондон и есть столица, а государство – Великобритания.

Мальчишка смотрел на полковника в штатском, ещё, кстати, этого не зная, равно как и не зная того, что этот отставной лётчик – начальник Школы юных космонавтов. Он воспринимал его лишь как принимающего документы для зачисления в эту самую школу, но уже осознавал тот факт, что в этом опросе он побеждает, и если следующий вопрос из области химии или физики его завалит наверняка, то в его зачёте уже есть небольшой плюс. Уж что-что, а страны мира и их столицы он знал неплохо, на уроке географии за ориентирование по карте всегда можно было улучшить оценку. Да и с азбукой Морзе подфартило здорово и очень вовремя. Вот только с Комаровым как-то неловко получилось. И чего он тут на стене висит?..

Полковник с интересом смотрел на парня, обдумывая мальчишечью фразу «всем известно». Нет, конечно, – хвала школе. Хорошее ориентирование по карте, «сапог», «червяк», Лондон – это всё так. Знает космонавтов – опять почёт общему образованию. Во многих школах есть портреты героев-космонавтов, а вот то, что не всем они интересны, это точно. Ну, висят себе и пусть висят. «Всем известно»... Да, конечно, особенно азбука Морзе – точно известна... Надо было ещё что-нибудь спросить. Как, к примеру, звучит на ключе «окно» или «стул»? Хотя и ни к чему такой допрос: не на экзамене. Можно, конечно, восхищаться космонавтами и любоваться их портретами, но вот азбука Морзе?! Её ещё где-то найти нужно. В учебниках такое не печатают. Непонятно только: почему у этого паренька основное количество оценок «тройки»? Конечно, уже отпустить его пора, но что-то в нём притягивало и, зная, что за дверью кабинета на собеседование пока никого нет, Николай Андреевич, так звали полковника, решил ещё немного пообщаться с кандидатом на обучение.

– Значит, лётчиком хочешь быть. А что ты об авиации знаешь?

– Знаю Илы, Яки, Ту, Аны...

– Ту? – почему-то искренне удивился мужчина. – Мы о военных самолётах говорим или нет?

Парень смутился, решив, что сказал лишнее, и его шансы на поступление резко упали. Полковник понял это и быстро поправился:

– Значит, тебе интересна гражданская авиация?

Подросток неуверенно кивнул головой и виновато вздохнул.

– Ну, что ж, это замечательно. Перевозить людей или грузы – это очень почётно и ответственно. Ведь главное – это любовь к небу, верно. А как это происходит... – он покачал головой, мечтательно посмотрев куда-то в небесную высь. – Отрыв от земли. Взлёт! Выше, сквозь облака! Выше! И вот ты плывёшь над белым густым ковром, а вдали по горизонту красный закат на фоне ослепительного великолепия солнца... Таким его с земли не увидишь.

– Жёлтый ковёр...

– Чего? – споткнулся полковник на внезапно вставленной паренком фразе.

– Я говорю: жёлтый ковёр. Когда солнце начинает касаться облаков, их белый цвет приобретает жёлтый оттенок и становится всё больше жёлтым, постепенно меняясь на рыже-красный, до тех пор, пока солнце не сядет и совсем не стемнеет.

– Очень интересно...

Полковник, будучи отставным лётчиком, видел небо с разных сторон и высот, при разнообразии метеоусловий, времени суток, в страшные военные годы и в приветливое мирное время. Мог говорить о нём часами, вспоминая, рассуждая и анализируя отдельные моменты, погружаясь в это до самозабвения, но чтобы вот так его воодушевлённый порыв прервал паренёк... Не будь он теперешним педагогом, быть может, иначе реагировал бы на внезапную поправку юнца...

– Откуда такие познания? – невольно заинтересовался мужчина, внимательнее рассматривая парня и мысленно предполагая его ответ.

В дверь постучали.

– Кто там? – властным голосом спросил полковник.

Дверь приоткрылась, и в её проёме появилась детская голова с широкой улыбкой, короткой стрижкой и торчащими ушами. Голова почему-то сделала круговое движение, словно что-то высматривая, и, остановившись взглядом на хозяине кабинета, неуверенно молвила:

– Можно?

– Сколько вас подошло?

Голова исчезла, дверь закрылась. Через мгновение всё повторилось, и голова появилась вновь:

– Двое.

– Хорошо. Подождите пока. Все по очереди войдёте. Ясно?

Голова кивнула и исчезла, словно её и не было. Дверь тихо закрылась. Полковник с интересом смотрел на парня:

– Ну, продолжай. Читал где или как?

– Сам видел.

– Вот как? Где же? Рассказывай.

– В иллюминаторе самолёта. Мы раньше в Тюменской области жили, когда я маленький был. Сюда – в гости к деду с бабушкой – только самолётом...

– Ах вот как, теперь понятно, – полковник внутренне утвердился в своих догадках и ещё больше загорелся жаждой общения. Нечасто можно увидеть парня, который сам испытал великолепие воздушного полёта и так красочно его описывает.

– И что ты можешь сказать про летательные аппараты Туполева?

– Я летал на Ту-134, Ту-154, Ту-104, но мне больше нравится Ту-114.

– Почему? Насколько я знаю, его сняли с производства и с пассажирских авиалиний, потому как на смену пришли современные реактивные самолёты, например, названные тобой Ту-134 и Ту-154.

– В то время летали. Мне интересно было наблюдать, как крутятся лопасти винтовых двигателей. Их на нём четыре.

– Лопасти винтовых двигателей, говоришь! Так, понятно. Какой самый большой – спрашивать нет смысла: наверняка знаешь.

– Ил-86, триста пятьдесят пассажиров, три ряда по три сиденья... Ил-76 – это транспортник. Но скоро выпустят Ан-124 – «Руслан», по телевизору видел. Вот это громадина! Он будет больше в размерах, и намного.

Дверь чуть дёрнулась, скрипнула, послышалась громкая речь и тут же приглушилась. Дверь тихо вернулась в прежнее положение.

– Так, ладно. Что у нас со спортом? Вот, по физкультуре-то пятёрка стоит.

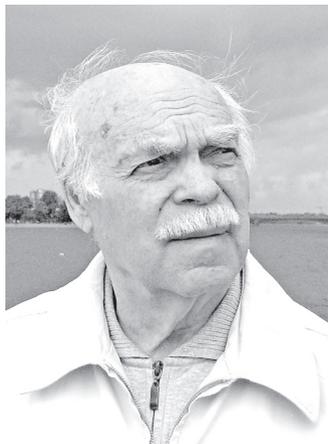
– Нормально. Нормативы все сдаю, да по тяжёлой атлетике имею юношеский разряд.

– Замечательно! Только как ты успеваешь будешь и здесь, и там? Я о спортивном зале говорю, о тренировках. На обычную школу времени не останется совсем, а мы успеваемость в школе проверяем регулярно. Это один из главных критериев на получение права обучаться в нашей школе.

– Никак, – пожал плечами мальчишка, – мы переехали в другой район города, и до спортзала добираться стало далеко, на двух автобусах. Вообще, я хочу здесь учиться. Это ступень к мечте, а всё остальное...

– Хорошо. Я вижу у тебя неподдельный интерес к авиации и, думаю, тебе будет очень интересно познакомиться с настоящими вертолётами и некоторыми спецпредметами, ведь многие наши занятия проходят в вертолётном училище. Извини, большой авиации у нас нет. Но в школе, я имею в виду общеобразовательную, положение нужно выравнивать. Успеваемость, повторяюсь, мы проверяем регулярно. Если там дела плохи, мы отчисляем безвозвратно.

Далее полковник рассказал, какого числа и к какому времени необходимо явиться во Дворец пионеров, и проводил парня, пригласив следующего кандидата на собеседование и сдачу документов.

Юрий Семёнов

ПОГОНЯ

Полдня они метались по облизанным ветрами каракумским барханам – ловили басмача Темир-бека, прозванного местными узбеками Каракуртом и сто раз проклятого ими же. Не поймали. И теперь отряд, голодный, с пересохшими от безводья глотками и потому злой, как стая волков, возвращался домой, в городок Бек-Буди. Закалённые в боевых походах гражданской войны, а теперь непоеные потные красноармейские кони нехотя как-то переставляли копыта по плотно-му песку. Позади за ними лениво оседала жидкая белёсая пыль. «Да, Каракумы не донские ковыльные степи», – в который раз подумал Михаил Романович Суров, командир отряда, оглядываясь по сторонам: не мелькнёт ли, наконец, за каким-нибудь песчаным гребнем косматая шапка басмача? Знал, что не мелькнёт, но всё же...

– Дымят барханы, командир. И, слышь, ветер поёт?

Кому услышать едва различимую песню ветра, как не отрядному запевале Ковтуну!

Матрос-одессит с мятежного броненосца «Потёмкин», удравший от батьки Махно напрямик в Первую конную Будённого. По идейным соображениям, видите ли, с батькой не сошёлся. Не анархист ли?

Семён Михайлович ус потрогал, пригасив улыбку, и сказал, что у всей матросни от хождения по палубе при морской качке ноги раскрякой становятся – как раз для верховой езды. Проверили матроса в деле. Понравился. Вот с дисциплиной он не дружил. Ворот гимнастёрки нараспашку – тельник показывал, а в атаку бросался – срывал с головы будёновку и – под зад на седло, а на её место – чёрную бескозырку, на которой и вправду золотыми буквами: «Потёмкин». И если все будёновцы в атаке кричали: «Даёшь!», то он орал: «Полундра!» Прощали командиры ему эти причуды: рубился отчаянно. А сюда, в пески азиатские, спасать советскую республику от басмачей сам напросился. В каждом деле держался рядом с командиром эскадрона Суровым, как вот и сейчас, хотя отряд – это далеко не эскадрон.

Прислушался бывший комэска: ну, да, поёт ветерок. Там, в России, провода как струны, а тут? Но ведь поёт!

– Самум будет.

– Ты что, Ковтун, в ночь-то? Солнце, считай, село.

– А впереди луна встаёт... Ты гля! Это кто нам навстречу?

И в самом деле, из-за бархана выскочил всадник. Южное солнце прячется за горизонт быстро, темновато стало, и не разглядеть, кто такой на коне, хотя и знакомое что-то есть в его неуклюжей фигуре.

– Романыч! Командир! Так это ж твой дед, аксакал в тубетейке! Точно! Да с винтовкой за спиной!

Суров остановил отряд. Старый узбек прямо перед ним осадил пегую задыхающуюся лошадку.

– Беда, Роман-баши! Пока ты тут, Каракурт там! Чего «как, как»? Он Юрик украл! Как? Забегаю, а она на полу связанная и тряпкам во рту. А Юрик ёк. Моя не был дома, моя конушна кормил, а тут они... Кони увели, одна Стрелка есть... Ишак он, а Стрелкам был сто лет назад...

Тошнота комом подступила к горлу, за сердце схватила. В глазах он – сын Юрик, белые пелёнки ножками раскидывает и хохочет. Полгода ему всего-то. Отряд замер, лишь Ковтун сказал в поющей тишине пустыни:

– Так это, Романыч, значит, Каракурт – твоего сына? Юрика?

Молчат бойцы, потупясь, смотрят в землю будто виноватые. Лошади опустили шеи и что-то вынюхивают на дороге.

– Красноармеец Щукин!

– Я, товарищ командир отряда! – подъехал один из бойцов.

– Кто тебе сообщил, что видел Темир-бека в старом кишлаке?

– А этот... Что из кишлака прибежал. Сказал – страх что творит Каракурт в кишлаке. Кровь на перевязанной голове. Я сразу – к вам. Мы ж его давно это... И всё никак. Селим-бек в заложниках...

– Роман-баши! Каракурт так и сказал Нюре-апа, чтобы ты его брата Селима за Юрик отдавай.

– По-нят-но. Никакого Каракурта в старом кишлаке никогда не было. И кровь на голове беглеца была чужая. Снова он нас вокруг пальца... Аслан! Давно он из города ускакал?

– Нет давно. Он туда, – махнул рукой старик куда-то на юг, – а я – сюда. Враз.

– Значит, недалеко ушёл?

– Нет далеко, Роман-баши. Близко ещё.

– Отряд! За мной, и не отставать!

– Командир, – снова прозвучал рядом голос Ковтуна, – у басмачей кони – птицы, а у нас не кормлены и не поены. Каракурта не догоним, а коней запалим. Твой Буран вообще старичок...

– Чего? – не понял Суров услышанного.

Как называется чувство, которое охватывает человека, когда такая беда случается с его родным сыном? Горе? Боль? Отчаянье? Нет ему названия. И ничего иного не остаётся ни в душе, ни в сердце, ни в голове, кроме одного – жажды бежать, лететь, ползти, чтобы вцепиться беде в глотку. Намертво.

– Что ты сказал? М-матрос... Тогда так, – постепенно к Сурову стала возвращаться способность рассуждать.

Две задачи у отряда. Боевая – поймать главаря банды басмачей Темир-бека. И личная, хотя и командирская, – спасти собственного сына. Какая главней, какая больней жжёт сейчас душу? Вот то-то, товарищ Суров, красный командир.

– Тогда так, – повторил он. – Никого не неволю, решайте каждый за себя.

«А как же быть с отрядом? – мелькнуло в сознании. – Оставить его без головы? Не имею права. А на кого возложить обязанность командира? Все – одна молодёжь, лишь матрос – боец бывалый. А что

слишком вольно себя ведёт, так это оттого, что сам командовать любит. Вот пусть и покомандует, пока я... (Жигануло в груди: вернусь ли?) Всё, товарищ Суров, всё! Есть решение».

– За меня – красноармеец Ковтун! А мы с Бураном – в погоню, – молвил тихо, дёргая поводок.

Конь потряс гривой, продолжая что-то вынохивать на дороге. Дёрнул настойчивее. Буран вскинул голову, всхрапнул. Суров погладил его по взмокшей шее.

– Боевой товарищ меня и в этот раз не подведёт. Мы с ним от Ростова до Варшавы!..

Конь, как бы соглашаясь, покивал и привычно застыл, ожидая приказа. И вот, повинуясь уздечке, повернулся крупом к отряду. Суров натянул поводья, не давая коню рвануться, как бывало, с места в карьер. Шагом, шагом позволил. Почему придержал его? А кто сможет это объяснить? Хоть тогда, хоть после. Не было в душе командира обиды на своих бойцов, которые, скупо освещённые ранней луной, стояли молча, как призраки. В чём сомневались? Буран ступал бесшумно – слышно было, как ветер уже не пел, а шипел понизу, как разозлённая кобра. Вдруг позади:

– Анархию мне тут разводить! Эскадрон!..

Суров оглянулся. Бойцы врассыпную приближались к нему. На бархане, словно вырезанный из чёрной бумаги и приклеенный к небу, Ковтун на коне.

– Товарищ командир, мы с Вами.

В эту минуту, после этих слов, понял он, с каким тяжёлым чувством покинутости уходил он от своих бойцов. Словно не они только что едва не изменили ему, а он им. И не он только что простил их, а они – его. Схлынула тяжесть с сердца, а что-то непривычное подкатило к горлу. Похожее на то, которое горячей волной хлынуло в грудь, когда впервые увидел маленького беспомощного, отчаянно кричащего человечка, что был его родным сыном. Бойцы. Ребята. Друзья боевые... Так хотелось сказать им «Простите ради Бога...», а выдавил из пересохшего горла всего лишь дежурную у начальства фразу:

– Спасибо, товарищи бойцы.

Кто-то твёрдо, словно приказ отдал:

– Командуйте, Михаил Романович.

Он привстал на стременах, окинул взглядом «войско». С ним он – командир. А без него? Вот так-то, красный кавалерист товарищ Су-ров.

– Значит, так. Каракурт сначала пойдёт в Афган, а оттуда станет диктовать условия. Чтобы добраться до границы, ему надо пересечь Амударью. Но мы сейчас к переправе ближе, чем он. Там его и встретим. Итак, аллюр... А ты, Аслан, что тут делаешь?

– Моя ружьё есть.

– Ты, джигит седобородый, арш в город, и ни шагу от Ньюры! Всё! Выполняй. Отряд! Слушай мою команду! Аллюр...

Отряд будто развалился надвое, пропуская скачущего всадника. Ковтун. Бескозырка на бровях, ветер лентами играет, тельняшка... Остановился.

– Романыч, прости. Не могу я без отряда. Мы ж с тобой... А Юрик... Я ж его на руках... Да я за него... Прости, Романыч!

– Аллюр три креста! За мной – а-арш!

В глубь неба поднималась луна, заливая всё кругом мёртвой си-невой. Тускло светились гребни барханов, и редкие кустики тощего саксаула стояли что молодые российские берёзки в январском инее. Всё это, мелькая и кружась, уплывало куда-то назад и там исчезало в темени. Ветер сёк лицо острыми песчинками. Кони, вытянув гривастые шеи, пластались над летящей навстречу землёй, гул стоял над пустыней, и звёзды удивлённо моргали в небесном бездонье. Кони, боевые кони... Откуда, из каких неведомых запасников сердца и тела у человека берутся силы в отчаянную минуту совершить невероятное? А у них? То ли гривы, то ли крылья... Что-то кричал скачущий рядом Ковтун, да разве в этом громе копыт что расслышишь? Буран надсадно хрипел, стремясь быть впереди остальных, молодых ещё коней: он ведь тоже как-никак, а командир! Никогда Суров не шпорил его: Буран сам знал, когда надо отдать все силы. А тут матрос на коне (матрос!), оборвав крик, стал уходить вперёд. И он невольно (неволь-но!) дал шпоры. Обидел боевого друга. И тот сбился с хода от глупой неожиданности. Вот и пришлось командиру догонять отряд. Вот и у Бурана, старичка, откуда взялись силы, чтобы это сделать? Потом, потом об этом подумал, когда стало поздно. А сейчас одно в голове – успеть! Успеть встретить басмачей перед рекой!

Не успели.

Он скакал уже в середине отряда, когда внезапно открылась река. Вся в слепящем лунном серебре. И тут же там, впереди отряда, крик Ковтуна:

– Эскадрон! Шашки наголо! Не стрелять!

Шум и всплески воды. Колыхнулось, рассыпалось серебро реки. Отряд с криком «Даёшь!» рухнул в воду. «Настигли!» мелькнуло в сознании, когда Буран споткнулся и, подогнув колени, медленно, успокоенно, что ли, лёг на землю. Суров успел выдернуть ногу из-под него, прихрамывая, побежал вслед за отрядом. Что творилось в реке, не разобрать под лунным обманчивым светом. Кони, люди, вода и один выстрел. И команда: «Огонь!», и беспорядочная пальба. Недолгая. Суров стоял на берегу, смотрел на всё это, в отчаянье сознавая, что своим бойцам ничем помочь не может, что он вообще не участник этого боя.

Он ждал сына.

Бойцы повернули назад. В нескольких шагах от них, борясь с течением реки, которое на мелководье иногда и лошадь с ног сшибает, пробирался к берегу человек. Падая и вставая, вновь падая и вновь вставая. К нему от отряда скачками по бегущей воде приближался конь, догнал, протянул к его плечу морду, тот ухватился рукой за поводья. Вторая рука прижимала к груди нечто большое, белое на вид. Сердце Михаила Сурова, вспыхнув болью, остановилось. Сын в пелёнках!.. Или нет?.. Человек вышел на берег, а за ним следом Касатка Ковтуна. Она – все четыре ноги в белых «носочках». Суров кинулся навстречу.

На берегу Ковтун упал на колени, протянул на руках это нечто:

– Принимай, командир, будущего адмирала! В большой воде крещён. Хотя и не в солёной.

– Как – в воде? – Суров тоже опустился на колени.

– Да ты бери его, бери... Скидай мокрые пелёнки, а то ветром застудишь. Да под гимнастёрку его, телом грей. Как? Да этот чёрный гад в халате выбросил его в воду. Я – за ним. За Юриком то есть. Вода понесла, а я ж моряк. Успел схватить до глубокого, а то бы... По-моему, не захлебнулся хлопчик – весь с головой замотан пелёнками...

В холодном мокром свёртке послышался писк. Суров, спеша, разматывал неподдающиеся пелёнки. И вырвался наружу – в ночь, в пустынную степь, полетел к самым звёздам гневный, недовольный, чего-то требующий крик. Но такой тоненький и беспомощный и такой родной...

– Живой! Даёшь! – неожиданно грянуло над пустыней, и тут только заметил Суров, что их обступили пешие красноармейцы. А где кони? Они, блестя крупами, выстроились вдоль реки в одну шеренгу – воду пьют. Одна Касатка стоит над Ковтуном и, опустив голову, не шепчет ли что ему на ухо?

– Все живы? – спросил он, спешно расстёгивая ремень гимнастёрки.

– Все живы, товарищ командир, – кто-то невидимый докладывал. – Их всего трое было. Двоих мы ухлопали. Речка унесла. А кони тут.

– А третий?

– Опять ушёл Каракурт, товарищ командир отряда. Заговорённый, что ли? И банды его нет. И лошадей угнанных тож...

Служба есть служба, она постоянно торчит в мозгу, и командир, умащивая под гимнастёркой сынишку, немедля стал разгадывать замысел Каракурта: «Подставил Темир-бек свою банду, чтобы я – за ней, а он сам – на переправу».

– Ну, как я командовал, Михаил Романыч?

– Как надо командовал, спасибо.

– Жаль беску потёмкинскую... Может, до Арала доплывёт: какое-никакое, а всё же море.

Ковтун лежал на спине и гладил склонённую к его груди морду Касатки. Дышал прерывисто, тяжело поднимая грудь.

– Ты что, ранен, Гриша? – вспомнил Суров имя матроса, осторожно дотрагиваясь до его груди, обтянутой мокрой тельняшкой.

– Та есть маленько. Медуза поганая пальнул в меня, когда я за Юриком сиганул. Да ты ворот расстегни, пусть на свободе орёт адмиральчик. На море крепкий голос нужен...

Выпростав из-под гимнастёрки голову сына, Суров почувствовал, как по животу знакомо потекла горячая струйка, и бережно, бережно прижал Юрика к телу обеими руками. Знал, что спасён родной

малыш, кровинка родная: вот всхлипывает после плача, успокаиваясь. И так хотелось, чтобы руки превратились в громадные крылья...

– Ты вот что, Романыч, – вновь заговорил Ковтун, – гитару мою ему отдай... Что? Нет, мне она уже не пригодится. И вот, – приподнялся он на локте и запустил руку под тельняшку, – помоги крестик снять. Ты большевик партийный, тебе на Бога наплевать, а Юрий уже крещён. Я же сказал, в большой воде. Дай договорю... Меня Господь и так примет, а крестик, хоть и не серебряный, а оловянный... Кровь на нём? Так она православная... Всё, Романыч... Как в нашей песне? «Приказ голов не вешать, а смотреть вперёд!..» И святой Боже хай допоможе...

Он снова откинулся на землю, мокрая прядь пересекла лицо, уже безразличное и к ней, и к тому, что жёсткий ветер, пролетая, оставил на нём щепотку песка.

– Товарищ командир! Ваш Буран...

– Что Буран? – не отрывая взгляда от матроса, поднялся Суров. – Ковтуна осмотрите: может, ещё...

Потёр лоб, сдвигая фуражку, точно намереваясь снять её, да не снял – и стыдно, и больно стало. В глазах резь, словно песчинку ветер занёс. Отвернулся и с притихшим сынишкой за пазухой, оглядываясь, пошагал к коню. Конь лежал на боку, и над ним, чёрным и неподвижным, гулял тот же азиатский ветер, присыпая песком. Ещё чуть вздрагивали его вытянутые ноги, а тёмный глаз казался сухим – не отражал он лунного света.

После шумных гостей в полутёмной комнате тихая благодать. Жена повесила на место мамину старую-старую гитару и, освободив меня от повседневной обязанности, вместе с подругой на кухне моет посуду. Я в постели под ночным торшером. Думаю. «За жизнь», как говорят в Одессе. Началась она восемьдесят лет назад. Все мы о её начале знаем из рассказов мам и, кому повезёт, пап. Очень давно, когда с фронта пришла похоронка, мама рассказывала, а я вот сейчас стараюсь представить, как рассказал бы об этом папа. Так или не так у меня получается? Но крестик оловянный – вот он, на мне. И кортик морской – вон, на ковре прикроватном – львами поблёскивает.

Татьяна Твердохлебова

ГОРЕЧЬ ШОКОЛАДА

*Война своим слепым огнём не только
обожгла сердца взрослых,
но и опалила детские души...*

Ночь, слабая, отступала, сменяясь предрассветными сумерками. В сереющей темноте смутно угадывались очертания окружающего мира. Зябкий воздух синевато-белёсой дымкой стелился над землёй. Вокруг ни шороха, ни звука... Природа ещё во власти сна...

Но едва выглянул из-за горизонта первый луч солнца, как всё живое, сбрасывая чары сна, устремилось навстречу зарождающемуся теплу. Солнце поднималось, набирало силу и выходило на простор.

Погожий день разворачивался, наполнялся звуками и новыми красками. Обласканные солнцем облака нежились в небесной синеве. Они касались друг друга солнечными боками и лениво, словно нехотя, уплывали к линии горизонта, становясь полупрозрачными и растворяясь в поднебесье. Ветер проникал в верхушки деревьев, спускался в сладко пахнущую траву. Здесь он растекался, вбирая рассыпанные запахи. И вот уже в нём ощущался дух земли, напоённый соком

корней, густым ароматом разнотравья и чудной примесью вольных гроз с их щедрыми дождями. Изредка ветер навевался и на кладбище, нарушая царившую на нём тишину, но не любил там задерживаться надолго...

На сельском кладбище, преклонив колени, над могилой склонился седовласый мужчина в военной форме. Алые маки огненными головками кланялись земле, а над ними, словно седой ковыль, развевались на ветру белые волосы военного. Он гладил могильный холмик, а по щекам текли слёзы. Ветер бережно коснулся его лица, словно пытался успокоить непонятную человеческую боль.

Боль... её не выстрадать... не выплакать...

Она теснила грудь, перехватывала горло, не давая забыть те далёкие и страшные события...

Война шла второй год. Немец, безнаказанно творя бесчинства, двигался по русской земле. Словно шкодливый шакал, предпринимающий вылазки ночью, он охотился на всё, оставляя за собой смрад и тяжёлый дух. И с каждым разом становился злее, нахальнее и безжалостнее...

Неизвестность тревожила. В селениях слухи – один хуже другого. Оплакивая вместе первые похоронки, люди сроднились, посуровели. Даже ребятишки, не осознавая по малолетству, какая великая беда навалилась на страну, как-то враз посерьёзтели и притихли. Все жили предчувствием чрезвычайных грозных событий. Да только можно ли подготовиться к беде?

Она нагрянула неожиданно...

Немцы вошли в село рано утром. Во дворы с автоматами заходили солдаты, слышалась незнакомая, не русская речь, подтягивались вражеские обозы и техника. Немцы сразу почувствовали себя хозяевами. Собрав жителей в клубе, новая власть определила всем работы. Нашёлся и староста из местных. Верно говорят, что горе не только сближает людей, но и открывает их с совершенно неожиданной стороны.

Непонятно, каким образом судьба определяет тех, кому готовит испытания, переворачивающие всю жизнь. Видно, на то она и судьба...

Когда Стёпка наклонялся к пятимесячному Прошеньке, тот, узнавая брата, радостно улыбался и тянул к нему ручки. А Стёпка чёрными как смоль волосами щекотал братишке ладошки, вызывая заливистый смех. За тот период, что немцы похозяйничали в селе, скотина,

птица да и все съестные припасы у сельчан были на исходе. Корову – единственную кормилицу маленького Прошки – фрицы забрали ещё месяц назад. С фронта от отца пришло только одно письмо, и больше вестей не было.

Дома с шестилетним Стёпкой и Прошенькой оставался старый дед Афанасий, а мать ни свет ни заря уходила на работы. Она не только убирала в комнатах, но и стирала, гладила, готовила для немцев.

Однажды, выполнив работу, женщина уж было засобиралась домой, но в это время пришла машина с провиантом. Солдаты стали носить в дом ящики с тушёной кашей, пакетами сухого молока, галетами, плитками шоколада. Мать, застыв у стены, жадно глядела на это продовольственное великолепие и, улучив момент, когда в доме никого не было, быстро сунула под кофту пакет.

Вот уж воистину материнское сердце ради своего малолетнего дитяти, теряя страх, способно на любой поступок ...

По улице она шла не чуя ног и, лишь переступив порог дома, без сил опустилась на лавку. Нервно билась у виска голубоватая жилка, от пережитого напряжения над губой выступила испарина, открытым ртом женщина жадно глотала воздух. Дед с тревогой смотрел на сноху и, когда та, вынув из-под кофты, положила на стол пакет сухого молока, молча опустил седую голову. Лёжа на печи, старик видел, как она что-то шила всю ночь. На работу мать стала надевать две широкие длинные юбки и толстую безрукавку с потайным карманом.

Однажды, когда она прятала пакет молока, её врасплох застал белобрысый молоденький немец. Они растерянно смотрели друг на друга. Нависла страшная, до боли в ушах напряжённая тишина... П слышались чьи-то шаги, и немец, молча сделав знак головой, приложил палец к губам.

Продукты, которые мать умудрялась приносить домой, были спасением для семьи, но то, что сделала плитка шоколада, не шло ни в какое сравнение! Она привела Стёпку в такой восторг, что впервые за всё это время лица матери и деда при взгляде на мальчонку просветлели. Домашние внушали Стёпке, что об этом никому-никому говорить нельзя. Мальчишечка, враз посерьёзнев, словно понимая, что речь шла о чём-то страшно запретном, тихо, но твёрдо произнёс: «Ни-ко-му ...»

В это утро дед долго стоял у окна и, глядя вслед снохе, ощущал непонятную тревогу, которая потом не покидала его весь день.

Закончив дела, мать вышла из избы и спустилась с крыльца. Немцы курили перед домом, смеясь, рассматривали фотографии и о чём-то по-своему болтали. Мать спокойно уже миновала караул, как вдруг из-за угла бани нетвёрдой походкой вышел немец. Поравнявшись с женщиной, фриц неожиданно дёрнулся к ней. Она отшатнулась, но немец, дыша перегаром, нагло напирал. Она отпихивала его, вырывалась из цепких рук, и вдруг среди этой борьбы у неё ... выпала плитка шоколада. Фриц со всей силы наотмашь ударил женщину и, схватив за волосы, потащил к дому.

В этот вечер домашние её так и не дождались. Притихший Стёпка жался к деду и, безмолвно вопрошая, с тревогой заглядывал в лицо. Старик, чуя нутром, что случилась большая беда, крепко прижимал к себе обоих внуков. В неведении прошла ночь...

Утром жителей согнали на площадь перед клубом.

Женщину вывели и поставили перед толпой. Она, глядявываясь в сельчан, с тревогой искала своих. Увидев родные лица, облегчённо вздохнула и даже пыталась слабо улыбнуться. Ветер едва касался её растрёпанных волос, ссадин на лице, словно боялся добавить страдания к уже испытанной боли. Женщина осунулась и будто постарела за эту ночь. Офицер, тыча в неё пальцем, что-то говорил по-немецки. На ломаном русском переводчик сообщил, какой грех она совершила и что в назидание всем её ждёт наказание. Люди слушали молча... Кто-то отводил глаза, кто-то украдкой смахивал слезу, кто-то в бессилии опускал голову. Заплакал на руках у деда Прошенька. Немец что-то буркнул старосте, и тот, подойдя к старику, выхватил мальчика. Приблизившись к матери и подняв малыша перед лицом, он проговорил:

– Обворовывать солдат немецкой армии?! Ради кого?

Побледнев, женщина пересохшими губами хрипло произнесла:

– Он же совсем ещё кроха... Люди вы или кто?

Стараясь выслужиться перед немцами, староста положил завёрнутого в одеяло ребёнка на крыльцо и выжидательно смотрел на мать, медленно кривя усмешкой рот. Малыш, видимо, почувствовав себя одиноким без родных рук, заплакал. Мать шагнула к ребёнку, но штык преградил ей путь. Над площадью нависла тишина, и в этой

напряжённой тишине раздавался усиливающийся надрывный плач ребёнка. Grimаса раздражения и злобы перекосила лицо офицера. Заходили желваки на щеках, раздулись крылья его хищного носа; он нервно сжимал и разжимал кулаки, как будто хватал кого-то за горло. Зло покосившись на плачущего ребёнка, немец устремил холодный пронзительный взгляд на караульного у крыльца. И вдруг часовой вонзил штык в одеяльце...

Плач оборвался. Стёпка неистово закричал, только его крик перекрыл истошный вопль матери. Женщина рванулась к крыльцу, но солдат отшвырнул её. Она была словно птица, у которой убили птенца, беспомощная и безопасная. С обезумевшим взглядом метнулась она к офицеру и вцепилась в лицо, пытаясь выцарапать глаза. Немец с остервенением отрывал от себя её руки, а она ногтями неистово полосовала его кожу.

Раздалась автоматная очередь...

Женщина вздрогнула, вытянулась как струна и, едва выдохнув «Сыно-о-о-очек мой, прости-и-и...», обмякла и повалилась замертво.

К какому сыну она обращалась?

К младшенькому, рождённому в любви, но успевшему пожить так мало – светлому ангелу, чья безвинная чистая душа поднималась к небу?

Или к старшему – отцовской гордости и её материнской радости, – которому в свои неполных семь лет уже довелось испытать тяжкое горе?

Стёпка, извиваясь ужом, вырывался из рук деда, но тот, задыхаясь от слёз и боли, крепко держал худенькое тельце мальчишки и сухой костлявой ладонью зажимал внуку рот. Народ загудел, словно растревоженный улей, и толпой пошёл на фрицев, но автоматная очередь, прошив первые ряды, остановила сельчан. Попадали люди, раздались стоны, плач, что-то кричал толпе староста. Гневный людской ропот переходил в нарастающий яростный гул. Люди всколыхнулись и, сгрудившись, вновь пошли, надвигаясь на фрицев. Новая автоматная очередь едва сдержала толпу, и немцы прикладами и дулами автоматов стали разгонять всех по дворам.

Дед в обнимку с внуком лежал на печи. Стёпка уже не плакал, а как-то безжизненно лежал, свернувшись калачиком. Отрешённо

оставившись в угол с иконами, он лишь изредка шептал: «Я же ни-ко-му ... ни-ко-му...»

Ночью Стёпка вздрагивал, всхлипывая во сне, а дед, силясь проглотить застрявший в горле ком, шершавой рукой бережно гладил мальчика.

Всю ночь старик так и не сомкнул глаз.

Раннее утро сизым туманом заглядывало в окна. Дед задумчиво сидел у стола, всматриваясь в семейные фотографии на стене. Стёпка проснулся и тихо слез с печи. Кинув взор на внучонка, старик вдруг уткнулся лицом в ладони и застонал. Дрожала его худая ссутулившаяся спина, тряслась от сдерживаемых рыданий седая голова, и душа надрывалась от увиденного. Стёпка, не понимая, что случилось, бросился успокаивать, обнимая старика:

– Деда, ты чего? Тебе плохо?

А старик едва и смог выдохнуть:

– Ооох, Господи, да что же это делается? Сердешный ты мой...

И, глядя внука по поседевшим за ночь волосам, прижимал его к тщедушной груди. Днём пришла бабка Анисья, запричитала, увидев мальчика, но тут же осеклась под стариковским взглядом. И рассказала, куда немцы оттащили тела убитых. Потом, ночью, тайком похоронили они своих за околицей.

Село освободили через восемь месяцев. Шёл 43 год...

Дед всё чаще стал болеть и даже летом выходил из избы в тулупе и валенках. Садился на крыльцо и, не мигая, долго смотрел слезящимися глазами за околицу. Иногда он доставал из шкафа почти новую синюю сыновью рубашку, гладил воротник, поправлял пуговицы и, бережно складывая, возвращал на место. Стёпка изо всех сил старался угодить старику, тревожно заглядывая в лицо. Дед, понимая его тревогу, успокаивал:

– Ты не бойсь, я счас не помру. Мне нельзя ... мне тянуть тебя, мальчика, надо. Ох ... сиротинка ты моя! Вот война кончится, там уж и помирать можно... а пока, слышишь ты, никак нельзя!

Обещание дед сдержал. Умер он тихо через неделю после Победы. Всё словно ждал кого-то. Хоронили деда всем селом. Положили рядом с матерью и Прошенькой. Стёпка сиротливо сидел у могилы. Даже ветер, боясь потревожить мальчонку, послушно лежал у его ног.

Стёпка не ревел в голос, не плакал навзрыд, а лишь с придыханием всхлипывал, вытирая ладошкой то и дело набегавшие слёзы. И в этом тихом плаче были такие глубокая скорбь и боль, какие и иному взрослому порой не сдюжить. Опустив белую голову, Стёпка потерянно смотрел на могилу и машинально тоненьким пальчиком карябал землю.

Из забытья его вывела чья-то ладонь, опустившаяся на плечо. Подняв голову, Стёпка увидел солдата. Протянув руки к ребёнку, тот едва выдохнул:

– Родной мой...

Бережно прижимая лёгкое худенькое тело сынишки к груди, отец услышал тихий и такой горький плач, что закаменевший солдат, не раз смотревший смерти в глаза и привыкший к опасностям войны, не в силах был сдержать своего волнения и гневных слёз, целуя седую голову сынишки.

...Став кадровым офицером, Степан Петрович не только исколесил родную землю, но и побывал за её пределами, воюя в горячих точках. Были и награды, и почести, и звания... Дослужился до генерала. Бойцы любили своего седого командира за особую к ним отеческую любовь, за то, что трепетно берёт каждого солдата, деля с ними все тяготы и невзгоды. И хоть испытать и пережить довелось ему немало, но тяжелее боли детства, обожжённого войной, он не изведывал. Эта боль никогда не отпускала; она не просто горчила, но, даже спустя годы, по-прежнему остро сжимала сердце.

С тех самых пор он никогда не ел шоколад ... Просто не мог...

Валерий Тимофеев

КОСТЮМ

Бездомные граждане предпочитали обходить эту улицу стороной, так как были наслышаны о том, как именно местные встречают непрошенных гостей. Поговаривали, что на одного из бродяг, случайно завернувшего на эту улицу, спустили свору ротвейлеров. Другого бедолагу обстреляли из охотничьего ружья. А за третьим долго гнались, норовя полоснуть остро отточенной саблей. Ромка, слыша эти жуткие истории, только посмеивался. Не вслух, конечно, – про себя. А всё потому, что ему очень нравилось бывать на улице Спортивной и рыться в расположенных на ней мусорных контейнерах. Металлические друзья встречали Ромку как родного и всегда припасали к его приходу что-нибудь особенное. Например, какой-нибудь просроченный на один день деликатес в магазинной упаковке. Или целую стопку газет и журналов. Это чтоб Ромка не одичал в своём канализационном коллекторе и всегда был в курсе происходящих в мире событий. А разве можно забыть, что за сказочный подарок преподнесли железные благодетели Ромке в конце ноября? Слегка потёртые ватные брюки и (в это невозможно поверить!) абсолютно новые зимние полусапожки!

Один из сапог оказался с дефектом: молния у него разошлась. На такую мелочь Ромка и внимания не обратил. Чуть не плача от счастья, он снял до дыр изношенные кроссовки и, зашвырнув их в нутро бака, облачился в обновку. Сапоги приятно грели озябшие ноги. А что ещё нужно бездомному, чтобы благополучно дожить до весны?

Да, много чего полезного и очень нужного можно было отыскать в тех новеньких свежеразкрашенных баках. Но чтоб одна находка взяла да и перевернула всю Ромкину жизнь?..

В тот памятный июльский день Роман появился на площадке для сбора твёрдых бытовых отходов ровно в половине седьмого. Это было самое оптимальное для рытья в мусорных контейнерах время. А всё дело в том, что, как правило, часам к шести жители выстроенных на Спортивной улице замков и шикарных особняков возвращались из ночных клубов. А к половине седьмого все тусовщики и тусовщицы, приняв ванну и выпив чашечку горячего шоколада, дружно приступали к просмотру сладких снов. Ромка был в курсе пристрастий жителей Спортивной улицы и совершенно не опасался встретить на ней кого-то из местных обитателей.

Бодро шагая к площадке, где находились мусорные контейнеры, Роман в уме прикидывал, чем же железные кореша порадуют его на этот раз. Заглянув в первый бак, Ромка аж присвистнул от изумления: ёмкость оказалась пустой. Сияли пустотой и все остальные.

– Сволочная мусоровозная морда! – выругался в сердцах бездомный. – Опередил, урод! Ночью, что ли, приехал?

Будучи выбитым из колеи, Ромка не знал, что предпринять. Может, прокрасться на соседнюю улицу и маленечко пошуровать во владениях Пашки Косого? Конечно, велика вероятность нарваться на серьёзные неприятности, но... Что ещё прикажете делать?

Горестно вздохнув, несчастный бомж собрался уже отчалить, когда намётанным глазом приметил за одним из контейнеров какой-то предмет. Им оказался хоть и не новый, но тем не менее отлично сохранившийся чемодан.

– Доллары, – почему-то подумал Роман, и сам в душе посмеялся над своим предположением.

А чемоданчик-то был явно чем-то наполнен. Схватив добычу, Роман торопливо пошагал к расположенному неподалёку парку культуры и отдыха. В этот ранний час в нём никого не было. Через дыру в ограде Роман легко проник на территорию, где на ухоженный газон пристроил свою находку. После чего решительно щёлкнул замками. И поморщился от увиденного.

Внутри находились двубортный мужской костюм, пара рубашек в упаковке, шёлковый галстук в полосочку, ботинки с потёртыми подошвами, завернутые в целлофановый пакет. Там же лежали новая щётка и крем для обуви. Ещё в чемодане нашлись бритвенный станок, пачка лезвий, зеркальце, носки, кусок мыла и флакон туалетной воды.

Ромка почесал затылок. Костюмчик, пожалуй, без труда можно сплавить рубликов за пятьсот. Чемоданчик тоже есть шанс пристроить, примерно за сотню. А остальное и самому пригодится. Ромкин взгляд скользнул по его повседневному одеянию. Бывший интеллигентный человек сразу понял, что выглядит неряшливо. Не по этой ли причине здорово упали сборы от подаяния, которое он просил на паперти местного храма Божьего? А ведь верно – своим видом Роман вызывал у прихожан не жалость, а брезгливость. Ладно, исправим данное недоразумение. Постираем свой повседневный костюмчик, тем более, что и мыло есть, и щётка.

С чемоданом в руках Ромка прокрался к почти высохшей в то жаркое лето местной речушке, где благополучно устроился за гаражами. Там бродяга и воплотил планы в жизнь: как смог постирал свою одежду, да и сам слегка помылся. А почему бы и нет – вода-то тёплая. Заодно побрился. А то не всем нравятся небритые мужчины. Особенно просящие милостыню.

Тщательно выжав постиранное бельё, Роман собрался было развесить его на прибрежных чахлах кустах. Но передумал: мало ли кто заглянет по нужде за гаражи? Как бы чемодан не отобрали. Уж лучше в коллекторе всё просушить, на горячей трубе. Свернув мокрую одежду в узел, Роман запихнул свой гардероб в целлофановый пакет. Вытащил из чемодана костюм, встряхнул. Прошёлся по карманам.

– Чёртовы богатеи! – негодовал Роман, заправляя белую рубашку в брюки. – Могли ведь позабыть в одном из карманов немного мелочи, долларов десять. Но куда там! Дождёшься от них!..

Костюм оказался немного великоват. Зато ботинки на высоком каблуке были в самый раз. Щедро побрызгав на себя и костюм туалетной водой, Роман осторожно выглянул из-за гаражей. Слава Богу – никого.

Путь к коллектору пролегал мимо улицы Спортивной. Прежде чем перейти улицу, Ромка долго и пристально вглядывался в окна ближайших особняков. Как бы не выскочил какой-нибудь чёрт. Ещё заявит, что чемодана не выбрасывал, а у калитки оставил. Так недолго и инвалидом стать.

Перебежав улицу, Ромка нырнул в ближайший переулок. Сердце бешено колотилось в груди. Но вскоре бедолага успокоился: подействовали утренняя тишина и полное безлюдье. И в этот самый момент за Ромкиной спиной послышалось чьё-то тяжёлое, хриплое дыхание. Бродяга обернулся и остолбенел: рослый ротвейлер глядел прямо ему в глаза. Сначала пёс угрожающе заворчал, но, втянув носом воздух, сел на задние лапы и заскулил. Бывший интеллигентный человек вытер со лба выступившую испарину и негромко сказал собаке:

– Слышь, Барбос! Ты ошибаешься. Я не твой хозяин. Так что уматывай. Понятно? Лец го ин ю хом!

Ротвейлер пропустил слова мимо ушей. Ромка двинулся дальше. Спутник не отставал.

– Нет, так не пойдет, – подумал бездомный. – Мне его что, к коллектору вести? А может, заглянуть на автовокзал? Сяду в первый же автобус, проеду остановочку – другую, глядишь, и отделюсь от сопровождения.

...Народу на автовокзале скопилось немало, а вот автобусы почему-то не торопились развозить пассажиров. От нечего делать Роман подошёл к доске объявлений. Едва углубился в чтение, как его кто-то окликнул. По имени. Бывший интеллигентный человек обернулся и глазам своим не поверил. Прошедшие годы мало изменили Ольгу, его бывшую одноклассницу. Первую любовь...

Оле весь класс завидовал. Особенно девчонки. Ещё бы: после школы медалистка поступила в институт (кажется, строительный) и, не проучившись три курса, чрезвычайно удачно вышла замуж. За какого-то директора строительной фирмы, который здорово раскрутился во времена дикого капитализма.

– Вот уж кого не ожидала встретить! – воскликнула Ольга, подходя к другу детства. – Слушай, а ты отлично выглядишь!

– Ты тоже.

– Как поживаешь? Чем занимаешься?

– Собачке нового хозяина подыскиваю.

– Хорошее занятие... Что-то случилось? – на лице Ольги читался неподдельный интерес.

А что Роман мог ей рассказать? Что трудился на заводе в одном из отделов, пока этот самый отдел не расформировали новые хозяева промышленного предприятия? Как перебивался случайными заработками и из-за постоянных скандалов в семье стал часто заглядывать в рюмку? На три месяца загремел в отделение наркологии городской больницы. А когда освободился, выяснил, что благоверная успела обзавестись другим супругом, а с ним, с Романом, благополучно заочно развелась. И ему указали на дверь, посоветовав забыть обратную дорогу. Вряд ли Ольгу тронула бы подобная история.

Роман пошёл другим путём. Верите или нет, три года назад он открыл собственное дело: грузоперевозки и ремонт автотранспорта. Пахал как проклятый, дома почти не появлялся. А жена, понятное дело, заскучала. Ухажёра нашла. Он-то ей и посоветовал прибрать прибыльное дело к рукам. Роману скормили какую-то гадость, отчего он реально сбесился. Попал в психбольницу, где его по чьей-то просьбе признали недееспособным. Фирма плавно перешла в собственность жены. Старый муж оказался жене не нужен. Извольте получить чемодан в зубы и – гуляйте на все четыре стороны.

– Спасибо, хоть пёс не предал: как увидел хозяина, так с той самой минуты ни на шаг не отходит, – Ромка погладил ротвейлера по голове. – Но что мне с ним делать? Я ведь теперь сам – как собака... Кстати, а у тебя как дела?

– Прогуляемся до парка?

Предложение Ольги застало Романа врасплох. Как бы там не встретиться с каким-нибудь знакомым бомжом. И тем не менее он кивнул. Устроившись на лавочке, Ольга поведала бывшему однокласснику, как сложилось её житьё после школы. Да, с мужем ей повезло. Прирождённая деловая хватка супруга обеспечивала стабильный и очень высокий достаток в их семье. Муж всё хотел прикупить

гостиницу. Осуществил задуманное, но успеху радовался недолго: полгода назад у него случился обширный инфаркт. Так Ольга вкусила горькую вдовью долю.

– Говоришь – гостиничный бизнес? Это перспективно, – Ромка задумчиво погладил чисто выбритый подбородок. – А не планируешь открыть при своём постоялом дворе автомастерскую? Я бы взялся. Опыт (сын ошибок трудных) имеется.

Ольга прищурилась:

– А в иномарках разбираешься? У меня что-то зажигание на «Опеле» не всегда срабатывает.

– Это смотреть надо. Причин неполадки множество.

– Ну, пошли, посмотрим.

– Куда?

– На автостоянку, – Ольга вынула из сумочки ключи от автомобиля.

– Иди, я тебя сейчас догоню.

Ольга не спеша пошла по асфальтированной дорожке парка. Ромка, проводив её взглядом, повернулся к ротвейлеру:

– Слышь, кореш, тебе ещё не поздно вернуться домой.

Пёс в ответ гавкнул. Ромка поднялся:

– Ну, как знаешь... Чёрт! Чуть не забыл! – он торопливо открыл чемодан, достал целлофановый пакет со своей непросохшей одеждой и без сожаления зашвырнул его в ближайшую мусорную урну.

Сергей Ульянов

ВОВКИНЫ ПОБЕДЫ

*Памяти
заслуженного тренера России по боксу
А. П. Бакуменко*

... – В синем углу ринга боксёр из города Сызрани.

В зале засвистели и заулюлюкали. Это было начало одного из заключительных боёв встречи по боксу между двумя городами. Сызрань проигрывала Куйбышеву вчистую. Тогда, в 1973 году, это было неудивительно: впервые в область приехала команда без турнирного опыта, да и опыта вообще. Настоящий бокс пришёл в Нижнереченск год назад, и многие связывали это с приездом из Краснодарского края нового старшего тренера Александра Бакуменко.

...Вовка с трудом перенёс оскорбительные возгласы со скамеек зрителей и внимательно взгляделся в соперника. В новой, с иголки, форме и кожаных боксёрках, тот, рассматривая Вовку, снисходительно улыбался. На сызранце были выдавшие виды майка и трусы, а на ногах старенькие полукеды.

Мальчишка из Сызрани впервые в жизни находился в настоящем ринге с тремя рядами белых канатов и мягкими подушками в углах. Ноги непривычно утопали в мягком войлочно-брезентовом покрытии пола.

– Боксёры – на середину! – командовал судья, облачённый в белые брюки и рубашку, с галстуком-бабочкой. Раньше судьей по боксу Вовка видел только по телевизору.

Соперники пожали друг другу руки и выслушали напутствие рефери. Прозвучали гонг и команда: «Бокс!» Хозяин ринга с Вовкой церемониться не стал, уверенно пошёл на сближение и осыпал гостя градом ударов. Вовка уклонялся, разрывал дистанцию, защищался локтями и перчатками, пытался отбиться встречными ударами. Под восторженный рёв болельщиков и крики «Долби нижних!» куйбышевец наседали и, пользуясь преимуществом в росте и длине рук, продолжал наступление, пока не загнал противника в угол ринга.

В глазах у Вовки лопнул чёрный шар, и из носа потекло что-то горячее... Бой приостановили.

– Держись, золотко, – промокая кровь, подбадривал Вовку тренер Бакуменко. – Он раскрывается. Накажи его. Вспомни, как можешь жёстко встречать! Работай внимательней. И, ради Бога, Володя, не вступай в обмен ударами. Это бокс, а не сабельная рубка!

Бой возобновился. Соперник продолжал натиск и стремился одержать победу ввиду явного преимущества.

Вовка, танцуя по рингу, уходил от ударов. В его движениях исчезла скованность. Он уже вспомнил! На помощь пришла мышечная память, и словно из ниоткуда возникло чувство слаженной работы всех частей тела. Руки, корпус и ноги были обучены одновременно «выстреливать», как освобождённая спусковым крючком боевая пружина.

...Тренер «прогонял» самых перспективных мальчишек на лапах – приспособлениях, которые он надевал себе на руки. Этим выработывались быстрота, сила и точность ударов, а также проверялась защита бьющих. Упражнения проводились на каждой тренировке до седьмого пота, пока не появлялся автоматизм движений. Раскрываться было нельзя. В противном случае наставник наказывал ученика чувствительным тычком лапы в голову. Такие занятия не проходили

бесследно и для тренера: плечи у него болели от многочисленных ударов в лапы.

В Сызрани спортивная школа и секция бокса обосновались на главной улице города в помещениях бывшего купеческого дома. Здесь в небольшом зале посменно тренировались боксёры и волейболисты. В самом начале 70-х годов спортсмены не могли похвастаться хорошим инвентарём. Для занятий боксом в зале подвешивались три мешка, а в подсобке висели два десятка пар тяжёлых разбитых перчаток. Из них сквозь швы вылезал конский волос. В шкафу лежали скакалки и теннисные мячи.

Александр Петрович Бакуменко поставил перед собой цель – поднять бокс в городе на новый уровень. Он занялся решением множества вопросов: от материального обеспечения и тренерских кадров до организации соревнований областного масштаба. Потом Вовка с улыбкой вспоминал, как Петрович направил боксёров в зубопротезную поликлинику, чтобы заказать там капы – пластмассовые подковообразные подкладки, предохраняющие губы, дёсны и зубы от травм. Удивлению местных эскулапов не было предела. Многие из них даже не слышали, что такие приспособления существуют! Тем не менее за работу для мальчишек они взялись с удовольствием и быстро выполнили необычный заказ.

...А между тем противник, чувствуя поддержку зрителей, наступал и в какой-то миг оставил без защиты своё лицо. Нетерпение и жажда победить сыграли злую шутку. Сработала Вовкина пружина! Впервые прошёл настоящий встречный удар, который потряс боксёра из Куйбышева. Хозяин турнира был ошарашен неожиданным отпором. Вскипела ярость, затмившая разум. Взбешённым быком он рванулся вперёд. И пружина опять сработала! Но на этот раз мощь, вложенная в удар, соединилась с движением соперника. Так сталкиваются два несущихся друг на друга поезда.

В горячке боя Вовка сначала ничего не понял, только почувствовал, что рефери тянет его за руку в нейтральный угол. А противник куда-то исчез! Оказалось, что он лежит на брезенте и пытается подняться, беспорядочно загребая руками и ногами. С помощью судьи пострадавший всё-таки встал и зашатался, будто от ветра. Глядя куйбышевцу в глаза, рефери оценил состояние боксёра и прекратил

бой. Это была Вовкина победа! Тогда в поединках, где участвовали младшие юноши, счёт до десяти не открывался, и всё решал судья на ринге.

Раздался крик: «Молодец, Володька!» Кричал один из друзей по команде – Колян. Он стоял рядом с рингом и прикрывал ладонью синяк, набухший под глазом. Коля уже «отвоевал» в одном из первых боёв, проиграл «ввиду явного» и теперь как зритель был несказанно рад Вовкиному отмщению. Через микрофон объявили победителя, и на несколько секунд в зале повисла неловкая тишина. Но вот кто-то из болельщиков догадался отдать должное команде гостей и несмело заплодировал.

А тренер, помогая Вовке снимать перчатки, старался не показывать своё удовлетворение от победы ученика. Он знал, что преодолена всего лишь первая ступенька на пути к общей цели. Да и сам Вовка, проведя десятки боёв, понял, что никогда не следует надеяться только на один эффектный удар. Это пришло после горьких поражений. Приобретая опыт, Владимир запомнил правило: рассчитываешь на победу – бейся, не теряя головы, до последней секунды.

...С тех пор прошло более сорока лет. Вовку-Владимира уже давно величают Владимиром Ивановичем. Он не сделал спортивной карьеры и не завоевал громких чемпионских титулов, но благодаря воспитанию тренера в жизни достиг многого. А имя Бакуменко, которого уже нет с нами, стало легендой. Его поминают добрым словом десятки спортсменов, ставших тренерами и мастерами спорта по боксу. О нём с благодарностью рассказывают сотни хороших людей, которых он воспитал на пороге во взрослую жизнь: работники спецслужб и уголовного розыска, милиционеры, представители мирных профессий. Каждый год в Сызрани и на родине Александра Петровича, в станице Павловской, проводятся открытые боксёрские турниры, носящие его имя.

От автора. Имена героев, кроме А. П. Бакуменко, изменены.

Жизнь не впишешь ни в один канон

Игорь Вокин

ОСЕНЬ

Чёрно-белым платком расстелилась над вечностью осень.
Молча смотрит вокруг долговязая серая хмарь.
Листьев ссохшийся тлен по размокшим дорогам разносит
Ветер, в воздух сырой заплетая костровую гарь.

Мир пожухлых лесов; край заброшенных сёл да погостов,
Грязно-пепельных луж и свинцово-тяжёлых небес!
Я твой преданный раб, обнажающий душу с подмостков.
Я твой верный слуга, на стихи разменявшийся весь...

Ах, этот ямб – предтеча непогод!
Казался лишь весенним половодьем
И потому забылся в хороводе
Обычных дел... Кто ж знать мог наперёд,

Что странный вздох забывшейся весны
Однажды снова сердце мне встревожит,
И днём осенним я пойму, что тоже
Стихи бывают вещими, как сны...

Ни к чему нам древние каноны,
Жизнь не впишешь ни в один канон.
Молимся на старые иконы,
Но Любовь чурается икон.

Плечи – чтоб их обнимали руки,
Губы – целовать Любовь в висок,
Уши – слушать радостные звуки:
Пенье птиц, твой нежный голосок...

Где они – Венеры, Аполлоны?
Сгинули в агонии времён.
Умирают старые каноны.
Ну а мы... А мы ещё живём!

КЛАССИКИ

Классики, классики – вечные души –
Тоже любили и тоже страдали...
Времени прочные стены разрушив,
Как же порой нам они помогали!

Мы, чуть живые, в руинах культуры
Тянем к ним наши озябшие руки.
Но каменеют всё так же скульптуры –
Символы вечной тоски и разлуки.

...А на земле всё то ж:
Уныло, как и прежде.
И в минусе надежды.
Шуршит устало дождь...

Нелепо, чуть смешно:
Я – бесприютный странник,
Я – чёрное на праздник,
Я – дождь под Рождество...

Даже самая жуткая тьма
Оборвётся когда-то рассветом.
В днях весенних растает зима.
Расцветут души грустных поэтов.

Зародятся слова и дела –
В них не будет отчаянно места.
Сердца нашего колокола
Разорвут тишину благовестом...

...А письма – как листья. У всех по-иному:
Кому-то летят, а кому... Ну да Бог с ним!
Всё как-то не так, всё опять незнакомо.
Я гость тут, чужой... А хозяйка здесь – Осень.

И пылью дождливой взрываются ветры.
И мечется в парках огонь листопада...
Ответы – вопросы, вопросы – ответы...
И так вот – всю жизнь. Ну кому это надо?!

ХАОС

Нет порядка – хаос мыслей,
Чувств. Распутица в душе.
Хоровод из белых листьев...
С милой рай и в шалаше?
Март... Рыдающие свечи...
Белизна родной руки...
Догорает мягко вечер.
Жизнь – мгновенье, полстроки...

Любовь да воздастся по вере!

Наталья Вяльшина

СНЕГИРЬ

Как просто в зимнее ненастье
Утратить разом чувство счастья.
С тоской глядеть на Божий свет –
Ни в чём глазам отрады нет.

Но вдруг на ветку с неба – шнырь! –
Как вспышка, солнечный снегирь,
Румяной грудью ветру влёт
Он вызов непогоде шлёт.

И верится: пройдут напасти
С комочком радости и счастья!

АКВАРЕЛЬ

В прозрачном озере небес
Лебяжьи перья – облака.
Холмами вспенен дальний лес.
И рожь в объятьях ветерка
Струится золотом волос,
Когда расчёсываешь прядь.
Тень ниспадает под откос.
Чернят стрижи речную гладь.
А край небес, как фейерверк,
Сиренев, розов и лилов ...
Вот лучик вспыхнул и померк –
Синь наплывает от холмов.
Как по фарфору, там легка
Берёз зелёная капель.
Одна из множеств за века
У Бога эта акварель.

Лунной ночью природа творит чудеса:
Раскрываются губы, темнеют глаза.
Отправляются ведьмы в высокий полёт,
Водят в реках русалки хмельной хоровод,

Волки воют, вздыхает угрюмо сова,
А к поэту нисходят шальные слова.
Кто же в воздух подлунный разлил волшебство?
И какое за это воспеть божество?

Никому эта роль на Земле не дана.
Миром правят Любовь да ночная Луна.

СПАС

Веток лучи осеняют мой сад.
Ветер колышет густой аромат.
Яблочный Спас – животворный елей –
Солнцем круглится с набрякших ветвей.

Липа, и мёд, и роса, и полынь,
Звёздный полёт, и небесная синь,
Чистый родник да с молитвой простой...
Яблочный дух – благотворный настой.

В ХРАМЕ

В простуженном храме царит тишина,
Лишь шепчутся свечи устало.
Я ныне пред миром и Богом одна.
Я верить в любовь перестала.

Но здесь, в этом храме, забытом молвой,
О чуде мечтается сладко.
Луч сверху на миг осветил аналой,
И, вспыхнув, мигнула лампадка.

Так Бог говорит на своём языке
Со мною, заблудшей во мраке,
Мне, зябнущей в горе, застывшей в тоске,
Он шлёт свои чудные знаки.

Обитель надежды и веры сейчас
К любви раскрывает мне двери.
И сердцем я слышу Божественный глас:
– Любовь да воздастся по вере!

Во всём и всегда постоять за Россию!

Алексей Дунин

РОССИЯ

На зависть кому-то загадкой, кроссвордом
Она на планете, светла и огромна,
Седьмой её частью раскинулась гордо,
Народом построена мирным и скромным.

С ней к братству стремимся и помним о битвах,
Ведь нам на земле предстоит дел немало.
Пусть люди спешат на концерты, молитвы
По жгучим пескам и по льдам небывалым.

Мы сжаться способны и взвиться пружиной,
В прорывы нацелив достойную силу,
Чтоб с кровью горячей, бегущей по жилам,
Во всём и всегда постоять за Россию!

ОСЕНЬ МОЯ ЗОЛОТАЯ

Стынет небо в раздумье угрюмом.
И снежинки – одна за другой.
Вся округа подвержена думам
Об ушедшей поре золотой.

Не окончилась осень дождями:
Может выпасть снежок на денёк.
Вся краса этих дней – за лесами,
Что вдали и вблизи от дорог.

Вот и нынче вдоль стылой дороги,
При богатствах цветных в перехлёст,
Нет, не люди мне видятся – боги
В яркой сущности белых берёз!

Пусть для встречного – сцена другая,
Ну а всё ж и она – для души.
Здравствуй, осень моя золотая,
В беспредельных просторах больших!

Каждый куст о тебе и с тобою.
Жизнь идёт, и краса – ей вослед,
Если небо, до слёз голубое,
Источает нам радости свет!

Не угнаться за красою,
Ощувив покой земной.
Миг прошёл – и всё другое,
Минул час – весь мир иной!

Пусть порою золотою
И грустит родная Русь –
Эта грусть большого стоит,
Западает в души пуст!

УВЯДАНИЕ

Увядает вся природа,
Обнажив характер свой
С роковым теченьем года
В циклах жизни мировой.

Вот рябина – красной охрой
Стала ныне чуть желтей.
От росы ли не обсохла
В ливне солнечных лучей?

Тёрн расстаться рад с листвою,
А плоды все на виду,
Как намёк: чего я стою
И чего от жизни жду.

Как не ждать? Такое счастье –
Радость общая на всех:
В бабье лето нет ненастья,
Нет неверящих в успех!

В ПРЕДЗИМНЕМ САДУ

Белое солнце за серою мглою.
Снежный покров с чистотой голубой.
Северный ветер колючей волною
Хлопьями зиму приносит с собой.

Стаей кочующей двор весь усыпан:
То свиристели, уставши стократ,
Вслед за отрядом синиц ненасытных
Вновь посетили продрогший наш сад.

Здесь барбарис и боярышник рядом,
В лозах ещё уцелел виноград.
Птицы-красавцы, селениям рады,
Мудро внося их в маршрутный расклад.

Зима, казалось, закрепилась:
В полях – снега, и край весь бел.
Но вдруг – дожди. Вновь солнце скрылось,
Туман округу всю одел.

Зиме не день, а целый месяц –
Не хочет осень уступать.
И города в воде, и веси:
Тревожней ночью засыпать.

А что уже такое было,
Подскажет многим календарь,
Когда и стая волчья выла,
И гордый лось трубил, как встарь.

Каким в итоге ход событий
Ни достигал мою страну –
Она не прекращала жить и
Стремилась курсом на весну.

Пусть и обрушится всё зримо,
Хотелось, чтоб во все века
Зимою оставались зимы,
Весной – сирени облака!

ДЯТЕЛ

Зимний день с крутым морозцем,
Не подвластный снам,
В соснах по лесным откосам
Дарит звуки нам.

За работой дятел пёстрый.
Что ему снега!
Словно шилом, клювом острым
Достаёт врага.

Отлетел на миг в сторонку
И вернулся вновь,
Возвещая дробью звонкой,
Что к труду готов.

СНЕГИРИ

Снегири мне душу так тревожат,
Что я сердцем с ними в день любой:
Каждый с ними час мне дать поможет
Настроенью грустному отбой.

Да и грусть их голосов живая
Незабвенна в стужу и мороз
В сказочных местах родного края,
В окруженьи царственных берёз.

Что за чудо зимнего созданья?
Ведь и летом сколько видим птиц!
Но лишь с ними слабости за гранью –
Ни рыданий, ни паденья ниц.

Снегири мои – в просторах синих
Над слепым предчувствием беды,
В свете зорь моей родной России,
Под сугробы спрятавшей сады.

Катит Волга мерно воды, начинаясь с родника

Галина Елисеева

**В КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОМ ХРАМЕ
БОГОРОДИЦКОГО МОНАСТЫРЯ
В КАЗАНИ**

Чаша перевёрнутая – купол.
Знаменитый монастырский храм.
Тайнами истории окутан.
Крест раскинул крылья, к небесам
Устремился, мир благославляя,
В золоте сияющих лучей.
Здесь кирпич с кирпичиком скреплялись
Верой православною людей.
Отрешась от суетных раздумий,
Поднимаюсь лестницей резной.
Позади вскипает город шумный,
Погружённый в летний терпкий зной.
Чтоб увидеть чудотворный список,
Мной проделан долгий, длинный путь.
Кланяюсь, молясь, иконе низко.

Раз, ещё разок на лик взглянуть,
До оттенков всё запоминая,
Свет иконы можно ль позабыть!
Дева Богородица Святая,
Без твоей защиты не прожить!
Знать, недаром матушка родная
Почитала Образ в серебре...
Видно, неслучайно рождена я
В день Казанской в стылом ноябре.
И проникновеннее, чем прежде,
Льётся вязь несуетной мольбы
О любви, о вере и надежде,
Неподвластным прихотям судьбы.

Из призрачного смутного былого
Во сне пришли родные и друзья.
Не говорят ни слова, ни полслова.
То, что прошло, разговорить нельзя.

Молчание пытаюсь я нарушить –
Речь не слышна, не слышен шум шагов.
Соприкасаясь, родственные души,
Друг друга понимают и без слов.

Я встрече с прошлым рада. Без опаски
Смотрю по-детски, счастья не тая.
Пусть сны и впредь нас переносят в сказки,
В неведомые дальние края.

Наполненная негой и любовью,
Я в вечность отпускаю вещей сон.
И чутко дремлет в сонном изголовье
Печальный свет намоленных икон.

ВЕРТОЛЁТ

Кружил беспечно вертолёт
Над Волгой днём осенним,
Сбавляя понемногу ход,
Садился, слившись с тенью.

Без всякой взлётной полосы
Меж липой и каштаном
С проворством звонкой стрекозы
Сел прямо за фонтаном.

Его хозяин здесь в чести,
Чужого не желает:
За тридцать тысяч – знай плати! –
Любого покатает.

Платите звонким серебром.
Летайте, словно боги.
А раньше синий окоём
Был вотчиной немногих.

Крылатая Икара тень
Мелькнула виновато...
Что ж, нынче все, кому не лень,
Взлетают за оплату.

*Наш паровоз, вперёд лети,
В коммуне остановка....*

Из песни

Мост подрагивает под путями,
По которым спешат поезда...
Так проносятся, словно цунами,
Мимо нас в неизвестность года.

И свистит, и грохочет, и стонет
Бесконечный товарный состав!
Муравейник людской на перроне
Суетится, приличья поправ.

Что спешить? Нас отпустит не скоро
Неизбывное чувство вины...
Поезд, замерший у семафора,
Где минуты, как дни, сочтены.

И опять мчится в будущность поезд,
Словно нету ни ночи, ни дня,
О последствиях не беспокоясь,
Пролетает, на стыках звеня.

Гонят пламенный ветер с откоса
И летят, растворяясь вдали,
Огнедышащие паровозы
На пространствах российской земли.

Лишь на площади рядом с вокзалом
Легендарный застыл паровоз.
Удостоен навек пьедестала.
Хоть в коммуноу страну не довёз.

Изменилось время года.
Осень – в вечной новизне.
Изменилась я. Природа
Изменений есть во мне.

Стала лучше или хуже?
Сразу просто не понять.
В вальсе листья осень кружит.
Прежней мне уже не стать.

Но останусь я счастливой.
Новые стихи начну,
И слова прольются ливнем,
Окрыляя вновь мечту.

Жить желанье не иссякнет:
Каждый миг ведь – в первый раз.
По-иному роза пахнет.
Счастье – это быть сейчас.

Пусть укрыли небо тучи
И холодный хмур рассвет.
Ничего нет в жизни лучше,
Чем сказать друзьям: «Привет!»

И погода прояснилась.
Улыбнулось солнце мне.
Жизнь как будто бы приснилась.
Продолжаю жить во сне.

День февральский – подросток неловкий –
Заигрался в сугробах дворов.
Сделал скользкой тропу к остановке.
Расшугал по подвалам котов.

Приукрасил узором витрины
(Ведь не зря его прадед – Мороз)
И старательно вензель старинный
На стекло голубое нанёс.

Он ухабистой сделал дорогу –
Не проехать по ней, не пройти.
И каток подновил понемногу,
И заснежил на Волгу пути.

Узнаю по неброским приметам
Обновлённую стынь-тишину.
...Шалый ветер оттаявшей веткой
Бьёт в окно, закликая весну.

Года влекутся шлейфом за плечами
Под всхлипы неприкаянной пурги.
Я не тоскую лунными ночами,
А слушаю бессонницы шаги.

Бессонница приходит в час четвёртый
И призрачно садится у окна,
И томик Бродского чуть-чуть потёртый
Листает опечаленно она.

Прочитаны-зачитаны страницы,
Встают из мрака страны и века.
В нём Бродскому возлюбленная снится,
Плывёт необъяснимая тоска.

По молодости делая ошибки,
Не будучи любимчиком судьбы,
Писатель с ностальгической улыбкой
Простил ли тех, кто были с ним грубы?

История, как истина, простая,
И почести таланту возданы.
И до утра бессонница листает
Страницы, что горьки и солонны

...Я всё равно тебя люблю!

Максим Ершов

Е.У.

Наверно, так крадётся старость...
ноктюрн сентиментальный льёт.
И правды всей не нужно даром,
и горло схватывает лёд...

А может, так приходит зрелость:
когда нет страха высоты,
когда сырое – разгорелось (!),
как свет от гаснущей звезды...

Должно быть, так проходит младость:
когда всё кончилось ничьей,
судьба постельная не в радость
и ценишь вкус домашних щей...

А впрочем, это просто юность
до дна небес своих коснулась
и обернулась – улыбнулась:
– Я все равно тебя люблю!

КОЛОКОЛ ОКТЯБРЯ

У старых городских ворот
во имя призрачной надежды
крутну я первый оборот,
и кто-нибудь меня поддержит.
Визг от иглы рванёт черту –
слова стары, пластинки стары.
Аккордеон и две гитары,
и зубы, сжатые во рту.

Мне не придётся повторять,
глаза нахмуривать, как фары.
Эфир умеют покорять
аккордеон и две гитары.
Под клавиш лязг и хрип мехов
навеют струны анфиладу:
таких же арок вдоль по МКАДу –
как будто сорок сороков.

Народ повалит из сетей,
блестящий свежестью, как рыба,
горячим воздухом идей
дышать, как дышат у обрыва.
Заплещут жабры на ветру,
как будто ангельские крылья...
Кобылья страсть и дрожь ковыля,
мы рассчитаемся к утру!

На день, на час, на оборот
прошу молчания у стрелок.
У старых городских ворот
идёт крещение умелых.
За долгий век всего на час
мы под ногами чуем землю...
Октябрь, свой колокол подьемля,
хотел ли большего от нас?

СТРАСТЬ

Дуновения эти, сквозящие эти
перебили так много мечты и стекла.
Перед призрачной вечностью был я в ответе,
оказалось, что вечность – янтарная мгла:

есть у этого взгляда насыщенность виски.
Перебитым дыханьем придавит к стене.
Белой ночью на Невском у каждой артистки
рвутся струны в причёске, а губы в огне...

Я забыл все слова, но молчать не умею
перед миром, распахнутым мне в паруса.
Что поделаешь: сердце, подобное змею,
жаждет смерти, чуть сладкой, как с кожи роса...

В общем, та ещё штучка...
Представить нестрашно –
мне страшнее поверить, что всё это зря.
Питер... Владик...
На пирсах колотят о башни
просолённые страстью большие моря...

Я осиновый столб во степи,
где дожди и метели
мирадами нот
обрывают мои провода.
Поезда просвистели,
и птицы давно пролетели,
телетайпы молчат –
овладела эфиром вода...

Почернелый торчун,
я контрастен снегам и паденью,
а секунды кружат,
забывая дыханье пространств...
И сияет звезда,
и тянусь я растянутой тенью
через рельсы – туда,
где аукает гордая страсть.

И наступает в сердце благодать

Анжелика Жилютова

Вчера опять приснилась мама,
И снова спорили мы с ней.
Я отвечала ей упрямо,
Что жизнь – моя и мне видней.

Она сердилась и ворчала,
Что я без шапки в минус семь.
Что, как и в юности бывало,
Её не слушаю совсем.

В мгновеньях тех хочу остаться,
Пусть говорит, что хочет, мне.
Ведь с мамой можем повидаться
Теперь мы только лишь во сне.

Уже давно в моей любимой книге
Лежит тетрадный в клеточку листок.
Его храню, здесь никакой интриги –
Он дорог мне из-за простых двух строк.

В часы разлук, заполненных печалью,
Когда с собой уже не совладать,
Записку эту в сотый раз читаю,
И наступает в сердце благодать.

О самом важном мне напоминая,
Хранят тепло слова из этих строк.
«Тебя люблю я, мамочка родная», –
В четыре года написал сынок.

Говорят, муж с женой – половинки.
Вот смотрю я на нас, понимаю,
Что совсем не похожи картинки,
Половинок таких не бывает.

Хорошо дополняем друг друга:
Если вспыльчива я, – успокоишь.
На душе разыграется выюга –
От ненастья заботой укроешь.

В сердце снова растопишь все льдинки.
Ты раскис – буду сильной, терпимой.
Нет, с тобой мы не две половинки.
Мы с тобой, как душа, неделимы.

29 ФЕВРАЛЯ

Он бывает раз в четыре года –
Важный и особенный для нас.
Нам его даёт сама природа –
День, который вдруг подарит шанс

Для того, чтобы принять решение,
Сделать шаг, ну а за ним – другой.
Этот день не лишний, без сомненья.
Он – всего скорее – запасной.

Может, он – ещё одна возможность
Вспомнить тех, кого забыли мы,
Выправить случайную оплошность...
Високосный год. Конец зимы.

Простить – это значит поверить,
Что жизнь от тебя лишь зависит,
Души приоткрыть окна, двери,
Впустить в неё светлые мысли.

Простить – это вовсе не сложно.
Став к людям лишь более чутким,
Понять и почувствовать можно
Любые слова и поступки.

Прощение – это свобода
От злобы, обид и болезней.
Нет более мудрого хода,
Нет шага верней и полезней!

Неизбежность как будто клещами
Безутешное сердце давила.
Обречённо смирившись, прощаю.
Неизбежность – огромная сила.

Я к холодной стене прислоняюсь,
На минуту глаза закрываю,
В бесконечном пути растворяюсь
И песчинкой себя ощущаю.

Неизбежность к нам немилосердна,
В ней ни жалости, ни сострадания.
Планомерно, жестоко, усердно
Учит правде, и – без оправданий.

Я бороться пыталась отчаянно...
Всё, сдаюсь, ты меня победила!
Я поверила: всё неслучайно.
Неизбежность – огромная сила.

Всё так же матушка от счастья светится...

Александр Зиборов

В ОБЪЯТЬЯХ УЛИЦЫ

Слезой умытая в объятых улицы,
Душа притихшая моя тайком,
Завидев издали, опять любитесь –
Не налюбуется на отчий дом.
А вот и матушка – от счастья светится!
Спешит-торопится меня обнять,
Чьё счастье – в радости со мною встретиться
И одиночество слегка унять.
Одной-то сладко ли живётся-можется?
Да не торопится из дома мать...
А лишь ладошкою к глазам приложится –
Ей чувств родительских не занимать...
Закрылись плотно ли все двери в прошлое
За той, которая всего родней?
Но чувства нежные, слова хорошие –
Они с молитвою вернутся к ней.
Ведь мне не верится, совсем не верится,

И даже кажется, что не во сне
Всё так же матушка от счастья светится,
Когда торопится навстречу мне...
Не потому ли так душа волнуется?
Слезой умытая, она тайком
Ещё надеется в объятьях улицы
Увидеть прошлое одним глазком...

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

*Деду моему по матери –
Иньшову Тимофею Егоровичу,
гвардии старшине,
погибшему в боях под Ленинградом
в декабре 1941 г.*

Обещал старшина, что вернётся домой...
Отпустила война только тех, кто живой.
Не остался в живых, не вернулся назад
Из окопов сырых Неизвестный солдат.
И, хотя его нет, выходила встречать
До скончания лет на околицу мать.
До сих пор бы ждала! Знали Бог и село...
Как не стало села – всё быльём поросло.
Потому и не зря в горьких думах солдат
Посреди пустыря... В чём же он виноват?
Ни свечи, ни стола... Демократия, брат!
Вот такие дела, Неизвестный солдат.
Малой родины нет и не будет уже –
Очевиден ответ ей, солдатской душе.
Лишь друзьям боевым, что придут на парад,
Незаметно живым улыбнётся солдат.
Обещал старшина возвратиться с войны.
Задержала она... Не вина старшины.
Перед Родиной он не остался в долгу,
Как его батальон, что в «Бессмертном полку»!..
Догорает закат над Сурою-рекой,
Не помашет солдат на прощанье рукой...

Он стоит как живой – Неизвестный солдат.
За широкой спиной у него Ленинград.
За широкой спиной у него вся страна!..
Если можешь, родной, то прости, старшина!..
Не сумевших спасти веси Родины, брат,
Если можешь, прости, Неизвестный солдат...

НА ГЛАЗАХ...

Уподобившись малой родине,
Чертыхаясь, не просто так
Ты расхристана, Русь,
Распродана –
Не за грош, поди, – за пятак?!
Разве ж можно быть несчастливою
В звёздной россыпи, в куполах?
Что ж ты, Русь моя терпеливая,
Вырождаешься на глазах?
Не порадуют утро раннее
Миллионы пустых дворов –
Запогостилась Русь бескрайняя
От бесчинства своих воров.
Демократия...
Ишь, двуликая!
Убивая народ, она
Горе горькое, Русь великая,
Пьёт в обнимку с тобой до дна.
Сколько душ,
Не дождавшись праздника, –
Спешно к Богу, а чья вина?..
Ну а, впрочем, какая разница,
Если каждой-то – грош цена?!

Неспроста и деревня матери,
Пережившая три войны,
Разом сгинула в демократии
На глазах у своей страны...

АПРЕЛЬСКИЕ КРАСКИ

К событиям на Украине

Сколько надо заре перламутра
Расплескать на апрельские краски,
Чтобы это воскресное утро
Не печалило день Светлой Пасхи?

Чтобы звон колокольный повсюду
Не смешался с воздушной тревогой
И не сгнули добрые люди,
Позабывтые, кажется, Богом.

Доигрались... Но чтобы такое!
Люди верить глазам перестали.
Потому и ни сна, ни покоя,
Как во время поста – неспроста ли?..

Сколько надо заре перламутра,
Чтобы, веруя, жить без опаски,
Чтобы снова воскресное утро
Разрумянило день Светлой Пасхи?..

ВАНЯ

Нет, не поздно и не рано
Замолить ещё грехи –
Был бы храм не полем бранным
Оголтелой шелухи...
До чего же враг поганый
И коварен, и силён!
Застоялся конь буланый,
Меч булатный запылён.
На дорогах у Ивана,
Как в былинах на Руси,
Этой нечисти незваной
Столько... Господи, прости!

Всех послать по-русски... в баню,
Чтобы раз и навсегда!
– Жив-здоров ли, русский Ваня?..
– Не дождётесь, господа!!!

ИЗВОЗЧИК

По ухабам жизни что есть мочи
(Только б удержаться как-нибудь!)
Гонит лошадей своих извозчик,
Покрывая бранью бранный путь.
Вёрсты всё длиннее, но короче,
Всё короче этот бранный путь.
– Не гони коней своих, извозчик!
Дай им хоть немного отдохнуть.
Что тебе судьба ни напророчит,
Может быть, загонит лошадей,
Для неё, безжалостной, извозчик,
Всё равно: что барин, что лакей.
Слышно, как пытается извозчик –
Всех нечистых разом помянуть...
Ах, судьба! Была бы ты попроще,
Чтобы можно было обмануть...

ОДНАКО...

Красавица Овен! Влюблённый Стрелец!
Два пылких, два огненных знака.
Таким не идти бы – бежать под венец.
Любви изменившим однако
Беспечная молодость платит сполна –
Ценою гражданского брака...
А пара блуждающих – Он и Она –
Как два независимых знака!

Не думала Овен, не ведал Стрелец,
Что встретятся снова... Однако
Случайно ли что-то сведёт наконец
Два тлеющих, родственных знака?..

В ГОСТЯХ У ЛЕШЕГО

По морозцу по трескучему да по снегу по скрипучему
Проложу лыжню старанием – через поле, в зимний лес.
И по лесу по дремучему, между ёлками колючими
Мне семь вёрст – не расстояние, если даже до небес!

Здесь охапками небрежными нависают шапки снежные,
Прикрывая чувства нежные, а попробуй-ка задень!
Мне места знакомы здешние, разве только не у лешего –
Закружит любого грешного, несмотря на чудный день.

Тут как тут! Не показалось ли? Или просто от усталости?
Но сороки белобокие растрещались неспроста!..
Леший, видимо, на радостях, для своей забавы-шалости
Заманил к себе: –Пожалуйте в незнакомые места...

Предлагая кущи-заросли под лешачьи козни-пакости,
Наконец, со скрипом, вздохами сам себя утомил.
Бедный леший! Сдал от старости. Наугад кричу – из жалости:
– Извини меня, пожалуйста, если чем не угодил...

За оврагом леса здешнего с упоительной неспешностью
 Попрошу, быть может, лешего по звенящей тишине
Проводить из белоснежности с благодатной зимней свежестью,
Чтобы всё-таки утешился, вспоминая обо мне.

Я – скала. И мне имя – твердь

Мария Зинова

СВИТЕР

После долгих скитаний приятно вернуться в уютный комод, где рубаха который год ждёт рассказов, длинных, как рукава, – похвалиться: «Была права». Слышать хочет о горных реках, о новых прорехах в тебе и кто зашивал раны. Хочет слышать о скалах, которые хищным оскалом цеплялись за вечность. По-человечьи мало кто относился – вот ты и сносился.

И начинаешь – про близкое небо, друзей и страховку. Так неловко, когда не понят, недооценен, как маленький пони, стоящий в загоне, чтоб прыгать по сцене. И ты начинаешь – про птиц и про счастье увидеть солнце, про блиц со смертью, каньоны-колодцы. Про грустные камни, которые просто глаза закрывают на всё, будто Басё, – лишь созерцают.

И ты начинаешь – про выбор пути, перемены в себе, про поиски правды, про внутреннюю красоту, про то, как легко на мечту променять кров, про манну небес, про Ту...

Рубаха раскинет объятья своих рукавов – скучала, но смысла истории не поняла: она одомашнена запахом пирогов, удобством стола. Ты одичал, ты невымытым вернулся домой, ты утомлён и изранен,

ты – загнанный Скиф. Рубаха обнимет тебя, отвесит поклон, а после подскажет хозяйке пустить на носки...

Будешь бродить по комнатам сам не свой, раздвоенный, не вступая с другими в спор. Не выдержишь зиму – подружишься с сапогом, отправишься в путь на поиски новых гор.

ПРИМЕТЫ

Разливают Аннушки масло и молоко,
Что одинаково далеко
До беды и победы...
С тем, кто идёт по следу,
Легко.
Значительно легче, чем с тем, кто не хочет следом.
Взор направляют в пол, а бывает – вглубь.
Тот, кто неглуп,
Отличает выход от входа...
В честь одних зовут пароходы,
Других – на чай и суп.
Руки бывают в карман, а бывают вперёд –
Сдаст, проведёт:
Доверие наоборот
Так любит скептик,
И чайный пакетик
В кипяток по пять раз суёт.
Ноги есть для ходьбы, а есть для картин...
И что за кретин
Заставил поверить,
Будто царевна-лебедь
Лучше царевны-лягушки,
Держит что цель на мушке
И будет с тобой до седин?!
Существуют шаги вперёд, влево-вправо, назад –
Не грешно: не базар –
Божий дар,
Называется «танец».
И тот, кто познал,
Вызывает румянец,
Собирая восторженный зал.

СКАЛА

Я – скала. И мне имя – твердь.
Я ласкала, не видя оскала, звенящую медь,
Я целовала горным ручьём травы и цвет.
Я – скала. Я стою сотни лет. Простою сотни лет.

Я – скала. Я не знаю друзей, не знаю врагов.
Я – скала. Я не знаю слов, мне не нужно слов.
Мне не дорог вопрос, потому что не важен ответ.
Я – скала. Я стою сотни лет. Простою сотни лет.

Я – скала. Я уютный привал для птиц...
Сколько лиц,
Обречённо вздыхая,
Хотели по мне – до рая,
Искали тропу,
А нашли лишь ту,
Чьё имя Смерть...
Не рассмотреть
Могильных плит:
Ни жив, ни убит,
И звенит его смех
Коленями в снег.

Я – скала. И мне дело – стыть
И стремиться ввысь,
Где весёлый лик,
Прикусив язык,
Беззаботно тих
И светел.
Его дружка-ветер
Взобьёт подушку
И шепнёт на ушко
Обо всём на свете...
Ветви-плети вскинут сосны –
Поздно!

Проболтался. Кается слёзно:
Космы
Растрепал заезжей...
Что мне нежность?! –
Я – скала. Ей была и прежде.

Я – скала среди прочих скал.
До других – леса,
Между двух – леса,
Между – бездна сна
Беспокойного...
Камнепад всем подряд под ноги –
Сгинь с дороги! –
Я к той стремлюсь,
Чьё имя – грусть,
Что тоже,
Как я, похожа
На прочих
И верит прочно:
Дотянусь!..

Я – скала. И мне имя – твердь.
Я ласкала, не видя оската, звенящую медь,
Я целовала горным ручьём травы и цвет.
Я – скала. Я стою сотни лет. Простою сотни лет.

Ещё теснее наш заветный круг...*Сергей Кирюхин***ПОЕЗД**

Бьют колёса монотонно.
Спит огромная страна.
Вместе с поездом синхронно
Между туч плывёт луна.

Величава, чуть надменна,
Светом фосфорным полна,
Заливает мир нетленный,
Где покой и тишина.

И спешит полночный поезд,
Устремляясь на восток,
Часовой меняя пояс,
Укорачивая срок

Этой ночи, лунной ночи,
Что прекрасней в мире нет.
Но хочу я очень-очень
Встретить над страной рассвет.

У ЗАТОНА

Дрожит передо мной луна
В пустом затоне.
Как будто плавает она,
Никак не тонет.

Сижу один у костерка,
Что бомж безликий,
А на воде от ветерка
Мерцают блики.

И вспоминаю времена,
Что отзвучали.
Там так же плавала луна
В своей печали.

И всё же строилась страна,
Росла Россия.
А нынче замерла она
В слепом бессилье.

Забиться бы в коротком сне.
Но нет, не спится:
Когда-то ведь в другой стране
Пришлось родиться.

Горит звезда, и ночь темна.
Прохладой тянет.
Дрожит луна, и спит страна
В сплошном тумане.

90-е годы.

ТРОЛЛЕЙБУС

*Ведь, если звёзды зажигают –
значит – это кому-нибудь нужно ?..*

В. Маяковский

Как будто мир преобразился:
Морозным утром в декабре
Звездой троллейбус покатился
По удивлённой Монгоре.

Гудели провода-троллеи,
Качались длинные усы...
Мы не по-взрослому галдели
У придорожной полосы.

А рядом ребятня визжала.
Понятен был её восторг:
Цивилизация въезжала
В наш старый русский городок!

...И вновь – декабрь. Преддверье стужи.
Прошёл всего десяток лет.
Троллейбус стал совсем не нужен...
Померк звезды той дивный свет.

Троллеи со столбов смотали,
Наверное, снесли в цветмет...
А вы другого ожидали ?
Ну что ж, садитесь на мопед.

Ответ на это всё банальный:
Век демократии настал.
Троллейбус-то – муниципальный.
«Газельки» – частный капитал.

К чему здесь длинная тирада ?
Суть сей истории проста:
Кому-то просто было надо,
Чтоб загорелась та звезда.

ОДИНОЧЕСТВО

Мне иногда, ребята, хочется
Не суеты, а одиночества.
Бродить с ружьём, с собакой-бестией.
Иль ночь не спать, считать созвездия.

И мерить взглядом небо звёздное,
И размышлять про время грозное...
Что мы не тем порой загружены,
Что все устои в нас порушены...

И если вдруг придёт решение,
То это мне – как воскрешение.
Мечтать не вредно, если нравится,
Глядишь, порой и получается.

Покончив с внешними работами,
И дома ты зажат заботами.
Они ж друг к другу так плюсятся,
Что даже строчки не рифмуются.

Вот почему с собакой-бестией
Я ухожу считать созвездия.
Забыв об имени и отчестве,
Я отдыхаю в одиночестве...

Машины месят кашу снеговую,
Швыряются ошмётками в людей.
И я облитым грязью быть рискую,
Хоть знаю, что водитель – не злодей.

Морозы вышли временно из моды...
Трещать бы им по этакой поре.
Но, совладав с капризами природы,
Они ещё ударят в феврале.

Ещё метели занесут дорогу,
И стужа настоящая придёт.
Вот к вечеру морозит понемногу –
Знать, утром будет крепкий гололёд.

Водители обречены на муки –
Зимой для них всегда полно хлопот.
Жестянки же потирают руки:
Работы будет им невпроворот.

Машины станут красться осторожно,
Чтоб не побиться и не сбить людей...
И снова брань послышится, возможно...
Хоть знают, что прохожий – не злодей.

НА ГРУШУ

Петровичу

Ну что нас гонит каждый год подряд
На эти Мастрюковские озёра,
Где ночи напролёт костры горят
И где палаток – не окинуть взглядом?

Где будоражат наш бродяжий дух
Шести- и семиструнные гитары,
Где каждый у тебя – хороший друг,
А лучше новых двух, конечно, старый.

Ну что нас тянет, честно говоря,
Дела отбросив, вырваться на волю,
Где вновь с зарёй встречается заря
И где сердца сжимаются до боли

От встреч, что после длительных разлук
Из года в год становятся дороже?..
Ещё теснее наш заветный круг,
Ещё милее милые нам рожи...

Здесь можно поболтать о том о сём...
Под граммов сто на родственную душу.
И клясться в том, что если доживём,
То снова через год рванём на Грушу.

Поэтому мы, бросив суету,
Рюкзак на плечи вскинув и гитару,
Настроюсь на Полярную звезду,
Опять идём своим маршрутом старым.

Об этом я пытаюсь рассказать
В который раз, но, видно, вновь не выйдет:
Такое невозможно описать.
Такое нужно чувствовать и видеть.

ПОДЛОДКА

Услышьте нас на суше...

В. Высоцкий

Звучит в ночи радиосводка
В невероятной тишине,
Что гибнет русская подлодка
На стометровой глубине.

С командой, дескать, всё в порядке:
Подводники о борт стучат...
В отсеках, правда, неполадки.
Какие ? Так о том молчат.

А там ребята терпят муки,
Надеясь: будут спасены...
Но даже будь сильнее стуки –
Они штабистам не слышны.

Как будто всех их поразили
И глухота, и немота...
Такое не впервой в России,
Но ведь она – уже не та...

Уставшая от лжи и водки,
Трезвевшая день ото дня,
Страна ждала радиосводки,
Надежду хрупкую храня...

И вот дошла до нас та сводка
В неимоверной тишине:
ПОГИБЛА РУССКАЯ ПОДЛЮДКА
На стометровой глубине.

*Саяны, река Мана.
14-15 августа 2000 г.*

У КОСТРА

Посидим немного у костра,
Девочка моя, глаза – как вишни.
И сегодня выпить бы не лишне...
Ну а ночка летняя быстра.

Буду петь тебе я про Чимган,
Про обворожительные очи.
На тебя смотреть я этой ночью
Буду как наивный мальчуган.

Звёзды опустились до земли,
И луна блестит в затоне чёрном.
Ну а мы в глазах девичьих тонем,
Как на море тонут корабли.

Искры в небе кружатся, горят.
У тебя сбивается дыхание.
Скоро утро, скоро расставанье.
Тихо разгорается заря.

И душа по-детски рада

Виктор Коноплёв

РОЖДЕСТВО

А вагонное стекло
Всё в узорах новогодних.
Вот и кончилось Сегодня.
Вот и Завтра подошло.

В бесконечности пути
Есть какая-то отрада,
И душа по-детски рада.
Окрылённая, лети!

Значит, есть приют далёкий,
Где не гаснет свет в окне,
Где ты сможешь, одинокий,
Провести остаток лет.

А пока Создатель силы
Нам даёт – дыши, иди –
Через годы, вёрсты, мили...
Что там, Завтра, впереди?

Разговоры, расставанья,
Чьи-то радость и беда
Вдруг захватят. Но промчались,
Разминулись поезда.

Рождество и Новомодье,
Запах ёлки и чудес
Ожиданье невозможных.
Хорошо, что это есть.

Хорошо, что есть дорога
Без начала и конца.
Ты в ответе пред собою,
Пред душою и судьбою,
И заветною звездой,
И пред милостью Творца.

ЭТОМУ ДОМУ

Господь! Благодарю за то,
Что Ты открыл мне двери в дом,
Где всё так просто и светло,
Где всё пронизано теплом.
Где искренни и гнев, и смех.
Где чудный свет в глазах у всех.

Там крепок ароматный чай.
Там делят радость и печаль.
Там говорят наперебой,
Там можно быть самим собой.

За этот чистый островок.
Едва лишь ступишь на порог,
Как в этой ласковой тиши
Вся накипь – напрочь из души.

Благодарю за этот дом!
Я снова молод, счастлив в нём.
Он примирил меня с судьбой.
Его тепло несу с собой.

Храни тот дом, храни тот свет
От всех напастей, зла и бед!
Пусть в нём гитара не молчит.
Пусть новый стих в ночи звучит.
Покуда в нём горит очаг,
То теплится моя свеча.

Уж так случилось, что мой дом –
Как опустевшее гнездо.
И в нём, холодном, там и тут
Воспоминанья лишь живут.

Я позвоню, приду в тот дом.
И позабуду обо всём.
И снова много зимних дней
Его тепло всегда во мне.

ТРИ КАПЛИ

Три звона, три звука,
Три ноты – всего-то.
Так просто в тиши
Начинается что-то.

Наивный мотив
На столь зыбкой основе
Уже – ручейком,
И мечты – о свободе.
А свечи великих
Стихий угасают,
Три вдоха, три слова
Беззвучно роняют.

Но в небо стремится
Их нежное пламя,
С Надеждою Горе
И Боль примирия.

Три капли – на землю
В глубоких морщинах.
Под небом, с его
Безграничною силой

Три точки опоры –
Движенья начало.
Три ноты – всего-то.
Так мало,
Так мало...

Верю, что завтрашний день будет лучше

Юлиана Лишманова

ПРОСЬБА

Ходят по небу чёрные тучи,
Душу ветров без конца беспокоят.
Верю, что завтрашний день будет лучше:
Тучи разверзнутся – солнце откроют.

Только вот солнце, и тучи, и ветер –
Всё подчиняется Господу Богу.
Он лишь решает на всём белом свете:
Дать благодать иль посеять тревогу.

Может, над нами и ходят те тучи,
Чтоб, наконец, мы припомним Бога
И захотели стать чище и лучше,
Чтоб попросить благодати немного...

Вне пространства и времени,
Вне законов и бремени,
Но пока на Земле...
Мне бы чуточку зрелости,
Да набраться бы смелости,
Чтоб не быть в кабале.

Я живу по наитию.
Стало просто открытием –
Слышать голос небес!
Сердце больше не мается,
Каждый миг наслаждается
Светлым миром чудес!

МОЯ ДОРОГА

Ведома лишь сердцем, а значит, и Богом,
Иду. Хоть и трудно, но – к свету стремясь!
И, может, кому-то кажусь я убогой, –
Не липнет ко мне фарисейская грязь.

Да, я не приемлю фальшивости светской
И честь почитаю превыше наград!
Быть может, кому-то кажусь слишком резкой,
Но мне всё равно, что в толпе говорят.

Я знаю одно: что, ведомая Богом,
С заветной дороги уже не сверну.
Пройдя испытанья, забыв про тревоги,
Я лучиком света однажды сверкну!

ХРУПКОЕ СЧАСТЬЕ

*... Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!*

Марина Цветаева

Я опять в западне и что делать – не знаю.
Так люблю я тебя! Но опять отпускаю...

Не могу удержать это хрупкое счастье.
Не носить мне вовек белоснежное платье.

Не стоять под венцом и не клясться до гроба
Быть с тобою вдвоём. Хоть и знаю, что оба

В одночасье умрём, стоит только расстаться –
Половинками нам по Земле не скитаться.

Вместе быть нам всегда небеса завещали!
Но исполнить их волю удастся едва ли...

Не могу удержать это хрупкое счастье.
Не носить мне вовек подвенечное платье...

СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ

Спала с глаз пелена.
До чего же слепа ты, любовь!
Вот и снова одна...
Ах, зачем я поверила вновь?

Так хотелось тепла,
Что зашла я на твой огонёк.
Но сгорел он дотла,
Превратив наши чувства в дымок.

Полетит он теперь
Высоко-высоко, к облакам...
Но однажды, поверь,
Светлой радостью спустится к нам.

СТРАСТЬ

Что за страсть поселилась во мне!
Мир в душе мне уже не вернуть.
Дни проносятся словно во сне,
А ночами мне глаз не сомкнуть.

Я страдаю, ревную, люблю,
Разум свой потеряв и покой.
Но Всевышнего втайне молю,
Чтоб судьбы не давал мне другой.

Пропадаю, сгораю в огне
Пылкой страсти, но – сладкая боль!
И уж коль суждена она мне,
Ты любить меня тоже изволь!

Мы становимся ближе к святому

Лидия Невская

УТРО

Встречаю утро с петухом,
Любуюсь алым гребешком
Июльского рассвета.
Влюблённого поэта
Волнует каждый шелест, звук.
Слетает вдохновенье с рук
Пшеном. Заботливый петух
Зовёт своих хохлаток вслух
Клевать пшено – мои стихи.
Дрожат страницы-лопухи.

ВЕТЕР-БОМЖ

Ветер-бомж шуршит бумагой
На помойке за общагой.
Он не нужен никому.
Жить привычной одному.
Город спит, а он летает.

Все помойки проверяет.
Что ты ищешь, ветер, ночью?
Разорвал одежду в клочья.
Не найти тебе еды,
Ни приюта, ни воды.
Потому что ночь, зима,
Домофоны на домах.
Даже форточки закрыты.
Шторы шёлковые сшиты.
Мысли тоже на замках.
Коды, логины в сердцах.
Нет доверия ветрам,
Звёздам, чувствам и мечтам.
В общежитии все спят.
Дети малые сопят.
Ветер-бомж шуршать не стал.
Полетел к друзьям в подвал
Сквозь разбитое окно.
Сыро, грязно и темно,
Но для них и это – рай.
Залетай!

АНГЕЛЫ С НАМИ

Опускаются ангелы с неба,
Покрывая нас крыльями снега,
Очищая от пыли и грязи,
По колени в которых увязли.
Хлопя снега танцуют, летают.
Утешают, ласкают, смущают
Белизной, красотой, совершенством,
Наслаждением, тайным блаженством.
Забываются тёмные мысли
Злопахательства, скуки, корысти.
Раскрываются крылья. Мечтами,
Бесподобными снами, стихами
Мы становимся ближе к святому
Белоснежному храму родному.

Купола, побелённые снегом,
Породнённые с бархатным небом,
Восхищают теперь кружевами.
Понимаем, что ангелы – с нами!

ДВЕ СКРИПКИ

Плачут две скрипки,
Жалея друг друга,
Прячут улыбки
В диаметре круга,

Не понимая чужой
Финской речи,
Плачут, вжимаясь
В любимые плечи.

Брошу монетку
В футляр на удачу,
Брошу конфетку.
Пусть больше не плачут.

Вскинули гордо
Смычки россиянки,
Выбрав свободу,
Летают подранки.

Люди подходят,
Сбиваются в стаю.
Звуки в проходе
Всю ночь не стихают.

Весело скрипки
Поют о России.
Наши улыбки
Любовь воскресили.

ДОЖДЬ НА МОСТУ

На голые руки моста
Стекает твоя чистота,
Сплошной добротой от души
Себя изливаешь в тиши,
Беседуешь с длинным мостом
О чём-то своём неземном,
Ласкаешь перила его.
На мокром мосту – никого.
Шлифуешь дощатый настил,
Дорожку до блеска отмыл.
А может, ты ждёшь на мосту
Одну ненаглядную, ту,
Которая любит тебя,
Как я, без ума от дождя?

НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Я иду навстречу солнцу,
Золотому незнакомцу,
Познакомиться хочу,
Пусть ожоги получу.

Получу и по лучу,
Поднимусь и полечу
Жарким пламенем любви.
Только имя назови!

ДУША-ПУСТЫНЯ

Душа пустыней стала,
Любить она устала.
Колодец пересох.
Верблюды любимый сдох.
Пассаты дуют в грудь,
Ни плюнуть, ни вдохнуть.
В душе от пыльных бурь
Песок, полынь и дурь.

Ещё не знаю я
Себе названия.
Сахара, Алашань,
Ещё какая дрянь?
Пустынной мостовой
Ушёл попутчик мой,
И караван друзей
Ушёл с души моей.
Бархан растёт, растёт,
«Рогами» в сердце бьёт.
И вихревой поток
Меня сбивает с ног.

СОЛНЦЕ-МЯЧ

Солнце-мяч пустилось вскачь
По воде-беде.
Не утонет солнце-мяч
Никогда, нигде.

Уплывёт за горизонт
Эта красота.
Жизнь – сплошной иллюзион,
Вечная мечта.

Шар земной летит, как мяч,
Брошенный судьбой.
Не утонет солнце-мяч.
Мячик золотой.

КАЧЕЛИ ДНЯ

Тихо музыка звучит.
Разбивают ноты щит.
И качаюсь плавно я
На больших качелях дня.

То взлетаю высоко,
Вижу очень далеко;
То сижу на кухне, мне
Кажется, что я на дне
Домостройного колодца.
А мелодия всё льётся,
Ключ скрипичный подаёт,
Окрыляет, достаёт.
И опять взлетаю я
Выше крыши бытия.
Раскачаюсь, улечу,
Смело «солнце» прокручу!

ЗОЛОТЫЕ РОМАШКИ

Золотые раскинулись крылья,
Опуская моменты бессилья,
Отпуская сомнения, страхи
И давление ближней рубахи,
Собирая надежды по крохам,
Ожидая от ветра подвоха.
Умываясь дождями косыми,
Укрепляясь корнями тугими,
Расцвели луговые ромашки.
Золотые кофейные чашки
Заполняются солнцем, мечтами
В хороводе с другими цветами.
Разнотравье вокруг, разноцветье.
Появление жизни на свете
Причисляется к Божьему чуду.
Золотые ромашки повсюду.

Лишь счастье, счастье, счастье...

Наталья Окунева

Ах, это белое на синем!
Кругля курчавые бока,
Над синеокою Россией
Несут сиянье облака.

О, это белое на синем
На расстоянии руки –
Краса небес твоих, Россия,
Блится в зеркале реки.

Ах, это белое на синем –
Творца излюбленный мотив!
Он так идёт тебе, Россия,
Он так безудержно красив!

О, это белое на синем!
Суть! Гениальна и проста.
Душа моя с тобой, Россия.
Как ты, открыта и чиста.

Мой дом родной, мой край бескрайний!
Прекрасен вечер-чародей.
Здесь разнотравья запах пряный
Полынь венчают и шалфей.

А в этом сонме разнотравья
Из разинского далека
Течёт любимая, родная,
Неповторимая река.

И цепь огней её вечерних,
Что так тревожат и манят
Игрою бусин драгоценных,
Хранится в сердце у меня.

Упало солнце в сон полынный,
Тепло струится из травы...
Такой глубокой, неизбывной
Нигде не сыщешь синевы.

Как хорошо, что здесь живу я.
Ещё живу. И каждый день
Могу увидеть нить живую
Заволжских тихих деревень.

И каждую такую встречу,
И пару вёсел на весу,
И этот чудотворный вечер
Я в сердце бережно несу.

Мой край родной, придай мне силы,
Вливайся кровью в кровь мою.
Мой малый уголок России,
Как трепетно тебя люблю!

Как преданно, как вдохновенно
Тебя люблю! И в беге дней
Хочу увидеть непременно
В тебя влюблённых сыновей.

Пусть мальчики мои однажды,
Всю сложность бытия познав,
Поймут, как в этой жизни важны
И шум волны, и шелест трав.

Не оставляй их, сделай милость!
Дай радость им такими стать,
Чтоб в их сердцах соединились
Твой светлый мир и я – их мать.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Прости меня, прости. Во многом виновата.
Мой самый первый грех и грех последний мой
Прости. И, если мне не миновать расплаты,
Лишь об одном прошу – не через эту боль.

Грешна, грешна, грешна! Любое наказание
Безропотно приму: покинет пусть любовь,
Пусть предадут друзья и не придёт признание,
Лишь об одном молю – не через эту боль.

Не через эту боль. Она невыносимей,
Чем тысяча потерь и столько же смертей.
За старшего прошу, молю о младшем сыне,
Чем хочешь накажи – не судьбами детей.

Да будут навсегда их помыслы и души
Чисты и глубоки. Заблудятся – верни.
Я не прошу для них какой-то доли лучшей,
О душах их молю: спаси и сохрани.

Пусть их не жжёт порок ни явный, ни сокрытый,
Ни словом, ни рукой пусть зла не сотворят.
Обращена к Тебе лишь с этою молитвой
Покорная во всё послушница Твоя.

Всё хорошо. Вот гром ударил резко,
Направо – тучи, слева – синий шёлк.
На солнце дождь алмазной занавеской
Колышется. Всё будет хорошо.

Я отдаю тебя, мой милый мальчик,
Благословляя, женщине другой.
Ей мало лет, она живёт иначе
И любит по-другому, дорогой.

Но ты вчера назвал её женою,
Свои полцарства положил у ног.
Пред этой смуглой маленькой ногою,
Быть может, вся судьба моя, сынок.

А девочка глядит с такой любовью
В твои глаза, так ластится душой...
Я буду ей заботливой свекровью.
Люби её. Всё будет хорошо.

Родилась на макушке лета
Прямо в счастье, в везенье это.
С утром ранним в звуке фамилии,
С шелестящим, как листик, именем.

И с тех пор моё лето вышито
То ли яблоком, то ли вишнею.
Пеленала судьба на пригревочке
Безоглядно летнюю девочку.
Полетели дни – лето за лето, –
Янтарём расплавленным залиты,
Перевиты шалфейной радостью
Да полынного запаха сладостью.
И однажды – ну что тут сделаю? –
Зарумянилось лето спелое
И своей золотой верушкой
Стало жизни моей макушкой.
Вот и встретились на пригревочке
Безоглядно летняя девочка
С совершенно летнею женщиной,
Как судьбою было завещано.
Где-то лето живёт последнее...
Ничего из того не следует,
Ведь оно, как и лета прочие,
Будет полниться светом солнечным.

Малиновый листочек на носу,
Брожу в малиннике по молодому лету
И радость нескончаемую эту
В себе, от счастья шалая, несу.

Совсем вскружил мне голову июнь,
Я влюблена без памяти в мальчишку.
Он зелен так, он так беспечно юн,
И в нём всего так слишком, слишком, слишком!

И это всё на бедную меня
Нахлынуло внезапно, в одночасье.
Где тут июнь, где лето тут, где я?
Нет ничего. Лишь счастье, счастье, счастье...

Какое ненастье! В начале июня
Осенние тучи свалились на крыши,
В саду непогода, слепая горбунья,
В дельфиниум розовый холодом дышит.

И замер пион на пороге цветенья,
Бутоны свои кулачками сжимая.
Бесчинствует ветер, и травы в смятенье,
И льётся вода дождевая живая.

Дожди одолели. Стеною ненастье.
И кажется – тучи над всею планетой!
И всё же дельфиниум розовый счастлив:
Ведь всё-таки розовый, всё-таки летом.

Мой бассейн не настоящий, он пока
Просто средство от засушливой беды.
Но сияют белым светом облака
В нежной зелени колодезной воды.

Старой яблони раскидистая тень
Бережёт её от летнего огня,
И качаются два яблока в воде,
То и дело ударяясь об меня.

И вокруг меня, и в небе – облака,
Млеет яблоня в оранжевых лучах.
И пружинят кругло-влажные бока
Две вселенные у правого плеча.

Спрошу душистую траву
Тимьян ползучий:
То ли удачливой живу,
То ль невезучей?
Её сиреневый цветок
Пусть ответит:
Попала счастьем на глазок,
Иль горе метит?
Ползёт душистая трава,
Меня не видит.
В своём молчании права.
Я не в обиде.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Опять июля двадцать третий день.
Сегодня солнце на меня сквозь сосны
Роняет взгляд. По розовой коре
Стекает вниз, в прохладные ладони
Янтарный свет. Какой прозрачный день
Затеялся в бору моём сосновом
Под звук струны в гитарной глубине,
Что извлекают трепетные пальцы!
Тот звук, сливаясь с грустью человека,
Летит над лесом синекрылой птицей,
И сердце устремляется за ним
В порыве счастья. Будь благословен,
Июль мой жаркий – продолженье жизни!

Как хорошо в провинции моей...

Илья Портнягин

ПРОВИНЦИЯ

Как хорошо в провинции моей,
Где глушь, давно привыкшая к безлюдью,
Бродить осенним днём среди полей,
Вдыхая свежий воздух полной грудью.

Раскинув руки, наконец понять,
Что только здесь так громко плачут птицы,
Когда пора приходит улетать
Туда – за горизонты и границы;

Что запах ветра, стынувшей земли,
Травы пожухлой и дождей вчерашних
Я различу и в лужах, и в пыли,
В соломинках на жирных чёрных пашнях.

Как хорошо бродить среди полей,
Которые тебе навек родные.
Осенний день в провинции моей
Прекрасен так же, как и все иные.

СОВЕСТЬ

Здравствуй, совесть!
Как живёшь? Расскажи.
Пишешь повесть
О забвенье и лжи?
Да, иными
Ты забыта давно.
Только имя
Кто-то слышал в кино.
Знают даже,
Что ты где-то, да есть.
Не в продаже
Ум, и совесть, и честь.
Ты прости нас,
Горемычных таких.
Накопилась
Грязь и в душах людских.
Выход ищут,
Всё попутно губя.
Столько пищи
Для забытой тебя.
Будет случай
(Уж тебе ль не дано?) –
Их помучай.
И меня заодно.

АНГЕЛ

Ты красива и так, ни к чему приукрашивать все
То, что выдал Господь и забрать, слава Богу, не смог.
Пусть порой не один я мечтал о твоём поцелуе,
Но сумел от других эти чувства закрыть под замок.

И не выбросить ключ, как хотелось в порыве сначала,
Чтоб забыть и тебя, и желанное слово «приди» –
То, которое ты не сказала и не прокричала.
Почему до сих пор ключ висит у меня на груди?

Может, эта заря, растворяясь в багровом рассвете,
По которому вброд я иду, только берега нет,
Даст ответ на вопрос и покончит с безумием этим
Иль избавит меня от ключа хоть на несколько лет.

Позабить не могу, и поэтому, видно, не в силах
Эту ношу нести снова в гору за старой судьбой.
Той, что верит в меня, потому никогда не просила,
Чтоб не дал слабины и всегда оставался собой.

Приукрашивать то, что бесспорно красиво, – не стоит.
Обращает Господь и на это свой пристальный взор.
А уж если в душе не на шутку однажды заноеет,
О тебе заведу и закончу опять разговор.

ОСЕННИЙ ДВОР

Шёпот листьев под ногами всё тише.
Это ветер снова встрял в разговор.
Пишет что-то мелкий дождик на крыше
О погоде. А пустеющий двор

Грустно смотрит на меня и на осень.
Мне сегодня грусть его так близка.
Друг у друга молча взглядами спросим:
– Ну откуда и печаль, и тоска?

Видно, осень в грусти той виновата.
Виновата и в печали с тоской.
Разве можно от зари до заката
Солнце прятать в облаках день-деньской?

Шёпот листьев под ногами не слышен.
Спящий ветер видит пятые сны.
Дождь оставил свой автограф на крыше,
Распрощался и пропал до весны.

БЕДА

Я пришла, отворяйте ворóта.
Или как там у вас – воротá?
Но не рады вы мне отчего-то
И ругаете с пеной у рта.

Прихожу не одна я к порогу –
Со своею родною сестрой.
Мы по жизни всегда ходим в ногу,
Обновляя версту за верстой.

Непонятны нам ваши волненья.
Не приносим мы много вреда.
Почему тут и там нетерпеньё?
Нам не рады везде и всегда.

Может, позже полюбит нас кто-то,
И почувствуем, что отлегло.
Открывайте пошире ворота,
Чтоб и счастье прийти к вам могло.

СОЛДАТ

Шёл солдат домой четыре года.
Сквозь дожди он шёл и сквозь пургу.
Не искал спасительного брода,
А искал гибели врагу.

Рыл траншеи и копал окопы.
Точно знал – придёт и наш черёд.
Путь врага обратно до Европы
Будет проще, чем вчера вперёд.

И, конечно, до Берлина гнали,
У реки зловещей есть исток.
Вы как будто Бисмарка не знали:
Не ходите больше на Восток!

Шёл солдат четыре долгих года
Не в обход, а только по прямой.
Он один лишь уцелел из взвода
И пришёл с Победою домой!

ПОД ОКНОМ

Стоит фонарь, поникнув головой,
А я под ним стою, поникший тоже.
Надеюсь вдруг увидеть профиль твой
Иль тень, мелькнувшую в прихожей.

А может, взгляд твой, брошенный тайком,
Смогу поймать, глотая воздух нервно.
И сердце вновь забьётся мотыльком
Моё, да и твоё, наверно.

Вот шторы край чуть дрогнет и замрёт.
И я замру, и город, и природа.
И время ход замедлит, и полёт –
Звезда в пределах небосвода.

Фонарь потух. Ни капельки, ни зги
Не видно в полном мраке этой ночи.
Входная дверь запела, и шаги
Слышны отчётливей и громче.

Собою звук заполнил всё вокруг
И навсегда ушёл в миры иные.
А я обрёл тепло и нежность рук.
И эти руки – неземные.

Нам дали жизнь в эпоху перемен

Олег Портнягин

СКОРЫЙ

Скорый поезд «Самара – Москва»
Рассекает со свистом пространство.
Вроде только уснул ты едва,
Как в столице пора просыпаться.

Погуляешь в Москве день – другой,
Подустанешь от шума да гула
И почувствуешь: тянет домой –
Так, как даже в Москву не тянуло.

Ты успеешь опять в скорый сесть.
По пути повстречаешься с Инзой.
Можно было бы выйти и здесь,
Если б не было станции Сызрань.

То и дело глядишь из окна:
Перелески, поля, косогоры...
Где же Сызрань? Да где же она?!
Что ж ты едешь так медленно, скорый?

БЕЗМЕН

Нам дали жизнь в эпоху перемен:
От Сталина до Ельцина и дальше.
То с пионеров брали мы пример,
То со стилияг и чужеземцев даже.

Погасли пионерские костры
Под слоем перестроенного пепла.
И многие из нас уже стары,
И многих смерть уже достать успела.

Устав от бесконечных передряг,
Мы наконец-то с глаз убрали шоры.
Увидели: уделали стилияг
Несовершеннолетние мажоры.

И чужеземцы проявляли прыть.
Впадая в переменчивую милость,
Мы многое успели им открыть,
Да лавочка со временем закрылась.

Заставила эпоха перемен
Наращивать ракетам нашим дальность.
Куда качнулся времени безмен?
А разве вы ещё не догадались?

В БАРАКАХ*Л.Н.*

От скудных приборачных соток,
Где шёл щавель за высший сорт,
Пошли пути и до высоток,
И до космических высот.

Но это было много позже,
А вся барачная артель
Буквально лезла вон из кожи,
Чтоб в люди вывести детей.

И шик, и блеск – всё было чуждо
Барачным жителям тогда.
А среди них жила девчушка,
Запомнившая те года.

Порою не хватало пищи,
Одежды, обуви, тепла.
Но позже девочка напишет,
Какой счастливою была.

ЗВЕЗДА

Подарили звезду чудаку.
Он её поносил на боку,
На груди он её поносил,
А потом в небеса отпустил.
Все смеялись над ним:
– Как же так?
Отпустил?
Ах, какой ты чудак!
Прежде чем в небеса отпустить,
Дал и нам бы её поносить.
Вместе с ними смеялся и он,
Озирая ночной небосклон.
Засияла звезда ярче всех –
И умолк издевательский смех.
...Уж давно чудака с нами нет,
И насмешников принял тот свет.
Но осталась гореть навсегда
Во Вселенной земная звезда.

ЗОЛА

Памяти Марины Цветаевой

Сижу у разожжённого камина,
И снова представляется вдруг мне,
Как век назад жила-была Марина
Цветаева на ласковой земле.

Виолончель и кавалькады в чаше,
Дрова, в камине ставшие золой,
Казались ей, живой и настоящей,
Предвестниками будущности злой.

И кровь, и слёзы на Земле прольются
В отвыкшие от ласки времена.
Что не сгорит в пожарах революций –
Испепелит Гражданская война.

Чего она в чужих краях искала
С оглядкой на Отечество своё?
Страна родная смертью приласкала
И даже не оплакала её.

...И вновь я вспоминаю о Марине
Холодную, простуженной зимой.
И вновь дрова в пылающем камине,
Как век назад, становятся золой.

ПЕРЕД СЕВОМ

Не вчера ли в сугробах тонули шаги?
А сегодня уже, а сегодня,
Словно мыльная пена с небритой щеки,
Сходит снег со стерни прошлогодней.

Трактористы – в земельных делах молодцы, –
Хмуρο глядя в раскисшее поле,
Крепко держат железных коней под уздцы,
Чтоб не вырвались раньше на волю.

А пока посевной не настал срок ещё,
Можно даже побриться сегодня.
Сходит пена под бритвой с намыленных щёк,
Словно снег со стерни прошлогодней.

Но потом, после нескольких солнечных дней
Для посевов созреет земляца.
Мужики оседлают железных коней –
Даже некогда будет побриться!

МОЛЧАНЬЕ

По мыслям классиков

Не в каждом слове благодать.
В сравнении всё познаётся.
Нам не дано предугадать,
И как молчанье отзовётся.

Кто что сказал – не разберёшь.
Слова и люди измельчали.
Мысль изречённая есть ложь,
А уж тем более – молчанье!

КРАСОТА

Красота спасёт мир

Ф. М. Достоевский

Красоту не видно за версту.
Разглядеть её не так-то просто.
Всё навязчивей за красоту
Выдавать пытаются уродство.

Каждый сам себе теперь кумир,
Жажущий затмить собою солнце.
Красота спасёт, конечно, мир.
Если от него сама спасётся.

Я возвращаюсь снова в детство

Игорь Рабиштейн

От мечты до воплощенья
Некороткий путь,
И года, прошу прощенья,
Вспять не повернуть!

Зазеваешься немного,
И прости – прощай!
Получил свой дар у Бога,
Вот и воплощай!

Не откладывай на завтра,
Не предай мечты,
Чтоб в обыденности затхлой
Не остался ты!

Расправляй смелее крылья,
И айда в полёт!
И мечтанья станут былью!
Если повезёт...

Когда не пишутся стихи
И рифма в сердце не стучится,
Жизнь, как зыбучие пески,
Меж пальцев день за днём сочится.

Летит, сгорая без следа,
Без смысла и без сожаленья,
Лишь пустота и суета –
Залог инертного движенья.

Без вдохновения тоска,
Хандра и серость правят балом,
И словно тёмных два мазка
Морщины на лице усталом.

Безвременье и полумрак
На тусклой масляной картине,
Стеклом оконным лопнул лак
От рамы к самой середине.

И в воцарившейся тоске
Нет вдохновению замены,
На неисписанном листке
Тень нерождённой ойкумены.

Бессильно брошено перо,
И высохли давно чернила,
И запылённое бюро
Тепло руки моей забыло...

Но дни пройдут, и новый день
Опять надеждами поманит.
Предошущение, как тень,
В моём сознании восстанет!

И всё замрёт, и в тишине,
Быть может, днём, а может, ночью
Вновь рифма явится ко мне,
И разорвёт унынье в клочья!

Когда не пишутся стихи...

В КОНЦЛАГЕРЕ

Моя последняя заря,
Рассвет лилово-розоватый,
Клубятся облака, как вата,
Над нашим лагерем паря.

Они, как будто стая птиц,
Кружат, кружат, не улетая,
Но наконец уже светает,
И к нам подходит хмурый фриц...

Он что-то тихо говорит,
Немолод он и весь простужен,
Мы босиком бредём по лужам,
И солнце как пожар горит.

Нас всех ведут на эшафот,
Чтоб наказать за слушанье,
И полосатых роб шуршанье
Как будто в воздухе живёт.

Вокруг живые мертвецы,
Овчарок лай притих внезапно,
К нам тянет смерть из петель лапы,
Чтоб взять нас крепче под уздцы.

А где-то, где-то далеко
За страшной проволочной сетью
Так сладко бы пожить на свете
Бездумно, счастливо, легко!..

На нас взирают сотни глаз.
Почти ослепшие калеки,
Простимся с ними не навеки,
Они ещё догонят нас!

Мы на ногах ещё стоим
И, видя облаков паренье,
Мы ощущаем единенье
С бездонным небом голубым!

И мы глядим на облака,
Как будто к небу поднимаясь,
Глядим, чему-то улыбаясь,
Вот-вот достанет их рука.

Прощайте ж, но не навсегда!
Мы облаками к вам вернёмся
И чистым дождиком прольёмся,
Как эти белые стада...

Прощайте ж, но не навсегда!..

Прощай, душевный неуют,
Я возвращаюсь снова в детство,
Туда, где в душу не плюют
И есть от всякой хвори средство!

Туда, где мама молода,
И сердце с болью не знакомо.
Где счастье царствует всегда,
Витая рядом с нашим домом!

Я покидаю серый быт,
Спешу туда, где в небе солнце
Червоным золотом горит,
Ярее царского червонца.

Туда, где зеленой трава,
Где птицы распевают звонче,
Не лгут поступки и слова
И даже сердце бьётся громче.

Туда, где я совсем другой:
Наивнее, честнее, чище.
Там, за волшебною рекой
Меня никто уж не отыщет...

ЗАВИСТЬ

Я благодарен зависти моей,
Она – как кнут, как плётка-семихвостка,
Что подгоняет вялых лошадей,
Впряжённых в запылённую повозку.

Она на месте не даёт стоять,
Сорваться помогает с вязкой мели.
Завидовать – не значит враждовать,
А лишь желать прийти к заветной цели!

Когда я вижу чей-нибудь успех,
Совсем не злоба мною управляет,
А зависть шевелиться заставляет.
Желать победы, думаю, не грех!

Завидую, но восхищаюсь я
Людьми, что эту зависть пробуждают,
И пусть меня вокруг не осуждают,
Что зависть к цели двигает меня!

... И мечта моя светла*Виктор Сурков***ВОСПОМИНАНИЯ**

Чириканьем сменилось пенье птах –
Всё больше стай нахлебников пернатых.
Жизнь заблудилась в долгих вечерах,
Заставив вспомнить о родных пенатах.
Холодный диск над крышами домов...
Промокший пепел от листвы сожжённой...
Парад цветов сменил парад зонтов,
И странен вид деревьев обнажённых.
Пейзажей летних блеск и красота
Ещё свежи в плену воспоминаний.
И осенью те дивные места
Становятся пределами мечтаний.

МАМА

Я смотрю на мамино лицо.
Постарела мама, врать не стану.
Так каким же был я подлецом,
В жизни слепо нанося ей раны!
Знаю, что за всё меня простит –
Ни к чему вымаливать прощенья.
До сих пор как за мальцом следит.
Слушаю её нравоученья.
Но былого ныне не вернёшь,
И года красу её смывают.
Не хочу вымаливать, но всё ж:
Ты прости меня, моя родная.
Жизнь бежит – таков её удел.
Будет, может, горечь. Может, сладость.
Ты живи, покуда Бог велел,
Мама, мне да и себе на радость.

БАНЬКА

Меж огородов и сараев
Стоит красавец теремок.
Внутри его – кусочек рая.
Над крышей – сизенький дымок
Стремится слиться с ветром встречным,
Оставив жар огня в печи.
Ушёл с поста сверчок запечный,
Тепло вбирают кирпичи.
Запарен веничек душистый,
И шапка с варежкой тут.
Начищен ковшик серебристый,
Которым пару поддают.
Сейчас холодной водою
Хозяйка вымоет полы,
И банька дверь свою откроет
Всем, принимая похвалы!

«ЗОЛОТЫЕ ПЕСКИ»

После бурной, тяжёлой работы
Все желают чуть-чуть отдохнуть.
Сбросить тяжесть, усталость, заботы
И на лоно природы махнуть.
Есть Мальдивы, Анталия, Ницца,
Но они все от нас далеки.
Там вокруг незнакомые лица.
Ну а тут – «Золотые пески»!
Здесь вас встретят радушные люди,
Обеспечат домашний уют.
Даже строгий начальник забудет,
Как его на работе зовут.
Свежий воздух здесь лёгкие лечит.
И в душе нет причин для тоски.
Чудный пляж, речка, новые встречи –
Это всё «Золотые пески»!
Как судьба повернётся – не знаю,
Ведь у жизни тропинки узки,
Но я точно себе обещаю,
Что вернусь в «Золотые пески»!

СОЛНЫШКО

Улыбнулось небо зимнее
Первый раз за много дней,
И узор мудрёный инея
Вспыхнул радугой огней.

Утопает даль бескрайняя
В нежной сини белым днём.
Покатилось тропкой тайною
Солнышко за окоём.

И не важно, что лучистое
Не подарит мне тепла.
Главное, – что небо чистое
И мечта моя светла.

Ангелы живут среди людей

Людмила Фёдорова

СИЛА

Бережёного Бог бережёт.
Смотрит оком своим, не дремлет.
Сыплет под ноги мягкий снежок
И упасть не дает на землю.

Как в сосуд драгоценный живой,
Льёт Он в души тайную силу.
Вот и я давней снежной зимой
Эту силу в себе открыла.

Сквозь туман отправляю и тьму
Песню с почтою голубиной.
Наилучшее только возьму
Из сокровищ своих глубинных.

Там, где сердце тихонечко жжёт,
Жизнь раскрашена пасторалью.
И, раз Бог мой меня бережёт,
Быть счастливой я постараюсь.

Балансируя над бездной,
В неизвестность мы идём.
Что нас ждёт – богатство, бедность?
Испытания огнём?

Как узнать, смотреть куда нам,
Чтобы сделать первый шаг,
Чтоб не ведала ударов
Наша хрупкая душа?

Где нам взять волшебной силы,
Где надежды столько взять,
Чтоб объятья нам раскрыла
Неземная благодать?

Так нужна лихая смелость –
Всё пройти назло годам,
Чтоб заря рубином рделась
И сияло солнце нам.

Эта истина известна –
Очень крут и труден путь.
Не страшись ходить над бездной,
Сердце храбрым будет пусть!

ЗЕРКАЛО

Зеркало – бесстрастное стекло –
Отражает всё, что в самом деле
Есть... Я вижу – занесло
Волосы мне белою метелью.

Только в зыбкой глубине закат
Красный вижу на небесном фоне.
Там течёт волшебная река,
И в той синей речке солнце тонет.

Я да ты... Пусть не сбылись мечты,
Позабылись имена и даты...
Личика округлые черты –
Ими любовался ты когда-то.

Через дымку на лице смешном,
На лице простушки-хохотушки
Сквозь завесу лет, туман сплошной
Золотые вижу я веснушки.

Всё прошло, быльём всё поросло,
Жизнь промчалась птицей быстрокрылой...
Зеркало – бесстрастное стекло –
Ничего не спрятало, не скрыло.

Может быть, друг друга кляня,
Разойдёмся. Может, скорбя...
Королём ты был для меня,
Королевой – я для тебя.

Словно хрупкий лёд, тает гнев.
Надо лишь чуть-чуть подождать,
Даже если сердце в огне
И прохлада сердцу чужда.

Ах, любви непрочная нить!
Так неожиданно рвётся она.
А винить? Кого нам винить...
Ты теперь один, я – одна.

Далеко от трона стою,
Погрузился мир в царство тьмы...
Раз любовь предали свою,
Потеряли короны мы.

АНГЕЛЫ

Ангелы живут среди людей,
Ангелы гуляют среди нас.
Встретив, я узнаю их везде
По сиянию синих добрых глаз.

По улыбке лучезарной губ...
Пусть летят стремительные дни!
Распознать я их всегда смогу,
Если где-то рядышком они.

Есть такой хранитель у меня,
Спрятаны пусть крылья за спиной.
Не боюсь ни стужи, ни огня,
Если знаю – рядом он со мной.

ПОГОДКА

Что за погодка! Просто прелесть!
Гуляет ветер в голове.
Мы, словно кот и кошка, грелись
Под майским солнцем на траве.

В разноголосице зелёной
Щебечут птицы, гнёзда выют.
Лишь два бездельника влюблённых
Забыли нынче слово «труд».

Хотелось нам, чтоб не кончался
Сулящий бездну счастья день...
А мир кружился и качался,
Как синий мячик на воде.

ЧУДЕСА

Ты не скучаешь обо мне...
Поверь, я тоже не скучаю.
Что ж по прошествии трёх дней
Твой взгляд тревожен и отчаян?

И мне как будто не с руки
И танцевать, и веселиться...
Трепещут в сердце мотыльки
И рвутся из своей темницы.

Я обхожу твой дом и сад
Из всех тропинок самой дальней;
Но есть на свете чудеса –
Мы вновь встречаемся случайно.

Соседский двор, в цветах весь дом,
Забор кувшинами унизан.
И ласточка своё гнездо
Вьёт под развесистым карнизом.

Мы не владем колдовством.
Так манит нас какая сила?..
В ней сладкой правды торжество:
Ты помнишь всё, я – не забыла.

...А любовь осталась прежней

Галина Цыплёнок

Тихо падала листва,
Будто в чём-то провинилась.
Были встречи и слова –
Не стерпелось, не слюбилось.
Только ты не стал другим,
Да и я другой не стала.
Сколько вёсен, сколько зим
Без тебя, родной, встречала!
Не виню тебя, листва,
Что так рано распустилась.
Снова встречи и слова –
И стерпелось, и слюбилось.
Все печали, дорогой,
В ручейке уплыли вешнем.
Постарели мы с тобой,
А любовь осталась прежней.

СОСКУЧИЛСЯ ПО ВОЛГЕ

А. Белову

Соскучился по Волге,
Костру и рыбакам.
И вроде путь не долгий
К сорогам и лещам...
Поймать бы мне корзинку
Рыбёшки, хоть какой.
И байку, рот разинув,
Послушать за ухой.
Да взять с собой сынишку...
...Жаль, времени в обрез...
Мечтаю, как мальчишка,
И радость – до небес.

Слов на ветер не бросаю,
Тяжелы они на вес.
Я в строку свою вплетаю
Голубую нить небес.
Кто-то скажет:
– Труд напрасен.
И добавит:
– Поделом...
Ухмыльнётся:
– Стих прекрасен
Для корзины под столом...
Не на том, на этом свете
Я сыграю в поддавки.
Но не выброшу на ветер
И полслова из строки.

НАША ДАЧА

Премилые две сотки:
Две грядки огурцов,
Две яблони-сиротки
Да парочка скворцов.
Заплата на заплатке –
Сараишко наш, гном,
Уставился на грядки
Единственным окном.
Забор из прутьев соткан,
Но любят без колец
Друг друга: обе сотки
Да парочка сердец.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНЬЕ

Любовь и время в тупике –
Сошла с ума природа.
Я на земном кручусь витке
В любое время года.
Ни улететь, ни убежать,
И в этом нет сомненья:
Тебя вернёт ко мне опять
Земное притяженье.
И сладок плен твоей любви,
Коленопреклонённой.
Благослови, благослови,
Прошу я у Вселенной.
Ни улететь, ни убежать,
И в этом нет сомненья:
Меня вернёт к тебе опять
Земное притяженье.

ВЕТЕР

Как радостно лепечет гром,
И дождик льётся втихомолку.
Шумит лишь ветер за окном
Да треплет старый дом за холку.
И мне расскажет без прикрас,
Что непослушным был с пелёнок.
С крыльца покатит медный таз,
Как расшалившийся ребёнок.

В ДЕКАБРЕ

Землю припорошит
Молодой снежок.
Месяц звёзд-горошин
Наберёт в рожок.
Грусть мою заметит
Старый добрый гном,
Звёздочку повесит
За моим окном.
Ветер в трубах рыщет,
Злее с каждым днём.
И зима засвищет
Майским соловьём.

До тебя – достать рукой,
Но соблазн коварен.
И не кем-то, а судьбой
Ты другой подарен.
Мне подарены дожди,
Ну и дрянь погодка!
Шепчет: «Ты его не жди,
Баба-сумасбродка...»
Даром счастье не ловлю,
В долг беру крупичицы.
Тесно в небе журавлю,
А в руках – синице.

В НОЯБРЕ

Небо вызвездит – к морозу.
Одинокий лист ворчит.
Тонкий месяц, как заноза,
В светлом облаке торчит.
Чую в зимнем полушубке
Перед осенью вину.
Под ногою в луже хрупкий
Лёд стреляет в тишину.
Вздрыгнул ветер от испуга,
Расшалился озорник,
И насыпала мне вьюга
Снежных звёзд на воротник.

Первый снег, долгожданный зодчий,
Разгуляться не дал метле.
По-хозяйски следы сорочьи
Пристрочили снежок к земле.
А он знай себе тает и тает,
Но сорокам то невдомёк,
И малыш с увлеченьем ваяет
Снежной радости белый комок.

СУДАРУШКИ

У колодца на травушке,
Судачили сударушки.
Женихам косточки мыли,
Никого не пропустили:
Ни молодца, ни хромого,
Ни косоного, ни кривоного...
Разговор за разговором
Да с песенным перебором.
С полудня и до вечера –
Делать им больше нечего!

Куда моя исчезла прыть?
Сказались рано годы?
Дворнягой хочется завывать,
Собакой без породы.
Завывать на полную луну,
А лучше – на прохожих.
Чтобы чужак мне – ну и ну! –
Смешную скорчил рожу.
Я твякну, землю стану рыть
От радости общенья.
Какая прыть! Не может быть!
И что за наважденье!
Так и живу, как Бог велит, –
Непрыткой бедолагой.
Лишь сердце жалобно скулит
Непонятой дворнягой.

Не красна изба углами,
Говорят. И я не спорю.
Я стою под образами
И себя крестами крою.
Открешусь от бед и горя,
У тебя молно, Всевышний,
Не путёвку за три моря –
Мужика! Мужик – не лишний.
Не беда, что не речистый
И мечтам моим не сбыться.
Не красавец – неказистый,
Всё в хозяйстве пригодится.
Стол украшу пирогами,
Счастье рядышком витает,
Я стою под образами,
И надежда тихо тает...

И любовь ты моя, и судьба!

Надежда Чванова

ГОРОД

Грусть осенняя тронула город.
Он притих под шатром золотым.
А ведь это прекраснейший повод
Пообщаться с ним словом простым.

Я уверена, город расскажет
О своём сокровенном сполна.
И ему с придыханием влажным
Будет волжская вторить волна.

Как поодаль от волжского стрежня
Появились постройки кремля.
И от них, как от главного стержня,
Город вольно раскинул крыла.

И четвёртое ныне столетье
Он живёт славной жизнью своей,
Памятуя о верном завете
Сохранять вехи важные в ней.

Потому-то здесь можно увидеть
И старинные особняки,
И свидетеля давних событий –
Башню Спасскую, и вопреки

Дням лихим устоявшие храмы,
Монастырь Вознесенский мужской;
Завершающие панораму
Реки малые с Волгой-рекой.

По-над городом дымка золотая,
Точно отсвет колосьев герба.
Город Сызрань, от края до края
И любовь ты моя, и судьба!

ОСЕННЕЕ

Зачерпну из реки горсть прохладной воды
И светло изумлюсь:
Как прозрачна она!.. Но осенней звезды
В ней покоится грусть.

В ней покоится грусть многоликих веков,
Что представились мне
Стаей плавно плывущих больших облаков
По речной тишине.

Жёлтый лист зачарованной птицей летит
И спускается к ним.
Он вселенскую грусть вековую простит,
Сам печалью гоним.

Как прощаю и я, всё на свете приняв
В нескончаемых днях
(До меня, для меня, а потом без меня),
В их осенних мирах.

ОБЕРЕГ

Тишина покойная равнины.
Только слышно, как ложится снег
И шуршит легонько у травинок,
Словно обещает оберег

От зимы дыханья ледяного,
От метельной суетности дней,
Приходящих наваждением новым,
Что, по сути, прежних не новей.

Зим прошедших стынет послевкусие.
И хоть сердцу чувств не занимать,
Всё оно скупее на предчувствие –
Не желает худшему внимать.

Потому и льнёт невольно к снегу,
К тихому шуршанию его,
Чтобы заручиться оберегом
Для предупреждения тревог.

ФЕВРАЛЬ

В нём кроется зародыш пробужденья.
И в неподвижность наших зимних чувств
Внезапно прорывается смятенье,
Которого я вовсе не боюсь.

Напротив, принимаю сердцем чутким,
Предошущая вешних дней порог,
Заслышав потаённую побудку
Средь заметённых всё ещё дорог.

И невесомый, еле уловимый
Посыл весенний в воздухе ловлю.
И за него, такой непостижимый,
Я говорю спасибо февралю.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Проснулась река. За собою маня,
Подёрнуты рябью, бегут её воды.
Их ветер апрельский рванулся гонять,
Раздув паруса долгожданной свободы.

И вскоре наполнятся ею река,
Её берега и прибрежные дали.
Дорога к ним будет вольна и легка.
И я удержусь от побега едва ли

Туда, где раскроет объяття простор,
Где ветер и сам одурманенным станет,
Где речка, свернув за крутой косогор,
О чём-то о новом поведает втайне.

– Всё повторится на свете, –
Шепчут светло камыши.
Вторят им речка и ветер
В солнцем прошитой тиши.
Им ли не знать, пробуждённым,
Как после долгих разлук
Лето вновь заморозённо
Входит в их радостный круг?
Входит в меня оно тоже
Волей пронзительной жить
И ничего не итожить,
Только кружить и кружить
С ласковым ветром в обнимку
У оживлённой реки,
Эту иль ту камышинку
Прикосновеньем руки
Располагать к себе нежно,
Магии светлой внимать:
То, что пройдёт неизбежно,
Всё повторится опять.

ФЛЕЙТА

Звучанье флейты доносилось
Из приоткрытого окна
Такое нежное, что мнилось:
Она в кого-то влюблена.

Быть может, в маленького принца,
Легко игравшего на ней
Мотив, который даже птицы
И ветра вольного вольней?

Пленяла музыка в то лето,
Как только может лишь она.
Была ли влюблена та флейта?
А я, конечно, влюблена!

ПОКА ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА

Над речкой дымка невесомая
Рассвет встречающего дня.
Вдали колокола церковные
Светло к заутрене звонят.

Их звон упруго расстилается
По восприимчивой воде
И в тихом воздухе качается –
В смиренной летней теплоте.

И благодать такая дольняя,
Что хоть на небеса взлтай.
Ах, воля-волюшка раздольная,
Ах, мой родимый, светлый край!

Мне здесь душою не отчаяться,
Не допустить и к сердцу зла,
Пока такие дни случаются,
Пока звонят колокола.

... И тянут каждого из нас к себе истоки

Валентина Юдина

ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Всё возвращается зима и возвращается.
Решила, видимо, долги свои отдать.
Снегами вешними нас завалить старается,
Её ведь осенью пришлось так долго ждать.

Вот так и память наша часто откликается
Из милых сердцу и счастливых прошлых лет.
И в детях, внуках наших снова повторяется
Судьбы земной такой бесхитрый сюжет.

Опять зима поёт, опять гудит метелицей,
Видать, по нраву ей пришлось у нас в гостях.
А где весна? Придёт ли, наконец? Не верится.
Ищу тепло в последних теленовостях.

ЗАНЯТЬЕ БЕГОМ

С утра сегодня дождь со снегом.
Не отложу занятия бегом
Ни на часок.
Глоточек кофе. Свитер яркий.
Дорожка к речке вьётся парком,
Как поясок.

Спешат деревья мне навстречу.
Маршрут кроссовками отмечу
Я на снегу.
Спешу, спешу, как на свиданье,
Считая вдохи, выдыханья
Все на бегу.

Вода в реке слегка мерцает
И падающий снег глотает.
Не видно дна.
Да только нет здесь остановки.
Бегу вдоль речки до «парковки».
Там ждёт сосна.

Минут пятнадцать на разминку.
Пружиним ноги, тянем спинку.
Дыши и пой!
Помолодеют дух и тело,
И ты поспорить можешь смело
С самой судьбой!

Такая дивная картина!
Но держит, как в тисках, перина.
Никак не встать.
А потянуться? Это можно!
И повернуться осторожно.
И снова... спать!

ВЕЧЕРНИЙ АВТОБУС

Мой последний автобус тихонько плывёт,
Как по морю, по снежным заносам.
Он, буксуя, ворчит, а уставший народ
Присмирел, как под общим гипнозом.

Из кабины доносится модный шансон,
Приглашая в весёлое лето.
А водитель негромко ругает циклон
И салон оставляет без света.

А навстречу плывут и плывут фонари
Бесконечную лентой дороги
Мимо улиц и скверов, вдоль ярких витрин,
Светофоров назойливо строгих.

Запотевшее вытру рукою стекло,
Вдруг увижу за парком, налево,
У театра с колоннами, где так светло, –
Сани Снежной мелькнут Королевы.

ВАРЕНЬЕ

Я помню, как мама варила варенье,
Варенье из сливы – в огромном тазу.
И было для нас, для детей, наслажденьем
Сидеть за столом и смотреть в бирюзу

Осеннего неба, ждть пенок душистых,
Мечтать и вдыхать сладкий запах с дымком,
Отламывать хлеб под салфеткою чистой
И маленькой ложечкой мазать тайком.

Там пчёлы кружились, садясь на варенье,
Смакуя восторженно деликатес.
И как только мы не теряли терпенье,
Как в нас оставался живым интерес?

Варенье пыхтело, варенье кипело.
Подставив под капельку свой ноготок,
Проверила мама: «Готовое дело.
Скорее тащите сюда кипятки!»

На столике чашки расставлены важно,
Заварен на травах душистый чаёк...
А я, словно в детстве далёком однажды,
С горячею пенкой съем хлеба кусок.

СЧАСТЛИВАЯ ПОРА

Ветра снуют проулками, стучат по крышам гулкие
Дожди, и солнце прячется в бегущих облаках.
Деньки летят, торопятся, с листвою в лужи смотрятся,
И, кажется, надеются на чудо, а пока...

Всё только начинается. Наш отпуск не кончается.
Опять снимаем в августе мы домик на двоих.
И, как когда-то в юности, ты снова шепчешь глупости,
А мне светло и радостно от глупостей твоих.

Рябины гроздья яркие в окне висят подарками.
А я шепчу: «Мгновение, стой! Остановись!»
Мои глаза зелёные в твоих глазах фиалковых –
Смешалось всё, запуталось! Поди-ка разберись!

Идём вдвоём тропинкою в осенний лес с корзинкою,
Костёр с дымком у реченьки нас греет до утра.
Расстанемся, разведемся. Быть может, и не встретимся,
Но в памяти останется счастливая пора.

УТКИ

Летели утки на восток, летели утки.
А небо сыпало снежок вторые сутки.
А небо – словно молоко – снежок роняло
И птиц, летящих высоко, всё подгоняло.

Они летели чередой, за стаей стая.
Звала, манила их домой земля родная.
И не сбивали их с пути шальные вьюги,
А память предков их вела к своей округе.

Летели утки... Их весна догнать пыталась.
Я вместе с ними будто в небо поднималась,
Осознавая в этот час: приходят сроки,
И тянут каждого из нас к себе истоки.

ЗНАК

Снимаю зимнее пальто.
Пришла, пришла пора.
Не зря же пуговица-то
Оторвалась с утра.

Понятный знак – зиме конец.
Уже не первый год
Приметно так весны творец
Стучится у ворот.

Достанем лёгкие пальто
И шарфики под цвет,
Наденем лодочки. А что?
Нам снова двадцать лет.

Пусть дождик – как сквозь решето,
Пусть сквозняком ветра...
Не зря же пуговица-то
Оторвалась с утра.

КИЛЕЧКА

Вспоминаю иногда: подростками
Без излишества росли когда-то мы.
Нам казалась килечка неброская
Самой вкусной в баночке с томатами.

Жили бедно, но с надеждой, радостью.
И, когда перепадала денежка,
Мы спешили покупать не сладости –
В банке килечку, немного хлебушка.

Хорошо живём! К столу – анчоусы.
Хлеб не солью, а икоркой мажется.
Только килечка в томатном соусе
До сих пор мне самой вкусной кажется.

РАЗБЕГ

Будто вижу сквозь вьюгу,
Как природа очнётся от сна
И затопит округу
Голосающей водою весна,
Как нахоятся кроны
Многоточием почек-разинь
И взорвутся газоны,
Первоцветами выстрелив в синь.

Мне любви не хватает,
Как подснежникам первым – тепла.
Воробьиною стаю
Приютила большая ветла.
Заслоняет от ветра,
Осыпая назойливый снег.
Песня зимушки спета.
Песнь весны начинает разбег!

Наталья Бондаренко

КЛАДОИСКАТЕЛИ

Воскресный вечер. Сажу на даче перед ноутбуком, рублюсь с пирамидами. И вдруг...

– Бросай всё, дело есть!

В открытом окне появилась радостная Вадюхина голова. Над нею взметнулась рука и, щёлкнув в воздухе пальцами, изобразила нечто такое, что должно было означать супер эдакое, да ещё и в превосходной степени.

Я понял Вадькино настроение: он был готов на новое дело. Сделав безразличное лицо и сказав себе мысленно «Хватит с меня приключений», я бросил ему через плечо:

– Ну, привет.

– А что такой скучный? – скривился Вадик, изображая меня, скучного. – Согнулся перед компом...

Я промолчал. Вадя подтянулся и, перевалившись через подоконник, плюхнулся передо мной, при этом потерял равновесие и неслабо въехал рукой мне в правое ухо.

– Собирайся за кладом! – поднимаясь, тоном начальника выдал Вадька, решив с ходу взять быка за рога. – Я уже и карту нарисовал, и повязки нашёл. Дело за малым – дожждаться темноты.

Я не отреагировал, лишь потёр пострадавшее ухо. И тут Вадя вдруг прогремел:

– Подъём! Кончай чахнуть! Вперёд, на штурм сокровищ!

– Перебьёшься, – мотнул я головой. – Повязки, сокровища... Что ты, собственно, от меня хочешь? Ввалился в окно... Врезал по уху... Раскомандовался тут! Я тоже приказывать умею. Зачем это всё?

– Что зачем?

– Ну, повязки и как её... карта? Что опять придумал?

Мне, честно говоря, в тот момент было не до Вадюхиной ерунды. Во-первых, я дал себе слово не идти у него на поводу. Во-вторых, от Вадькиного вторжения у меня не только ухо свернулось в трубочку, но и игра в компе зависла.

– Русским языком тебе говорю! – вскипел Вадя и в ту же минуту разразился монологом: – Как только стемнеет, отправляемся за кладом. Тут совсем близко, на соседней даче, у дяди Васи. Он нашёл клад, но государству не сдал. Я сам слышал, как две старушки у магазина шушукались о Василии и его сокровищах. Говорили, мол, клад старинный у Васи, серебряный, годов двести-триста будет. Он не знает, как поступить... Я сразу подумал: закопает в своём огороде. И закопал уже наверняка, чтобы никому не достался. Вот скажи, тебе охота было бы расстаться с кладом? Ну, скажи! Нет? Правильно. Клад – он и есть клад! Всегда в цене! Его прятать нужно! Так во все времена было. Спрячут до лучших деньков. А потом, когда все забудут, – вот он, бесценный! Дядя Вася так и сделал, закопал в огороде до лучших времён.

– А с чего ты взял, что закопал, да ещё в огороде? – добросовестно выслушав Вадюхины фантазии, спросил я. – Может, в лесу спрятал или в пещере? Впрочем, погоди! – осадил я дружка, готового снова обрушить на меня словесный поток. – Я не Юлий Цезарь, чтобы делать несколько дел одновременно: и тебя слушать, и игру запускать... У меня свой клад. Испанские корабли как раз на полпути из Америки, везут награбленные сокровища в Испанию, в порт Кадис.

Вадик припал к монитору.

– Я – английский пират, – стал я вводить его в игру. – Моё флагманское судно «Золотая лань» маневрирует, старается прорваться сквозь строй пиратских бригаantin. Моя задача: отнять золотую добычу у испанцев. Буду брать корабль с ценным грузом на абордаж, а пока – погоня.

Вадя быстро понял моё неважное положение: один мой галеон против семи кораблей противника – попытался помочь. Я – ему:

– Сам справлюсь. Испанский «Изрыгатель искр» тяжело вооружён, в окружении своих бригаantin идёт в сторону Панамского перевалка, доверху гружённый ценностями. На борту – толпы завоевателей – конкистадоров. Я поднял паруса, настиг его... Теперь только успевай потрошить испанский «Золотой флот»!

– Не утопи сокровища! – дал Вадик мне совет.

– Ветер дует с норда, ураган может снести «Золотую лань» в сторону, а там самая гуща чужих кораблей. Их бригаantины на вёслах, им легче, они в любую погоду пройдут. Вот моему кораблю может быть крышка, ведь он один, хотя и быстроходный. Смотри, какой он красавец: трёхмачтовый, восемнадцатипушечный, двадцать метров в длину и шесть в ширину!

– Крышка не крышка, нам пора, – сказал Вадя. – Дело не ждёт. Всё ясно как день. Зря, что ли, мы прозябаем с родичами на даче? Пока то да сё – вечер. Выключай комп! – дал отмашку Вадя.

Я нехотя подчинился. И тут увидел у Вадика на глазу чёрную повязку.

– Что с ним? – показал я на закрытый глаз.

Вместо ответа Вадюха, победно хмыкнув, соорудил мне рожу, стал вращать единственным глазом и петь жутким голосом: «Мы – разбойнички! Мы – пиратушки! Славные ребяташки...»

Ага, пирата изображает... Капитана Флинта... Ну и выдумщик Вадя! В его голове постоянно зреют всякие мысли, а потом – бах – получайте идейку и воплощайте в жизнь! Ну мы вдвоём и воплощаем... И, как правило, всё неудачно. То скутер разбили, то заблудились на лодке в протоках...

Вадик пылал новой затеей. Что ни минута, эмоции выплёскивались из него, как кипящая лава из вулкана. Он не мог стоять – вертелся, размахивал пистолетами, по одному в каждой руке, принимался подпрыгивать, как бойцовый петух перед схваткой с себе подобным. Я хорошо знал это психическое состояние друга и хотел его охладить. Но Вадькину горячую голову не смогла остудить даже прорубь, он в ней тонул. Поглощённый фантазиями, Вадя не знал, куда себя деть. Сунув мне в руку чёрную повязку, принялся с удвоенной энергией убеждать меня в целесообразности своей затеи:

– Что толку в виртуальных играх? Мы с тобой в двух шагах от настоящих сокровищ! Выкопаем клад, сдадим государству, прославимся, о нас с тобой во всех газетах напечатают, – мечтательно пел мне Вадька.

– Так уж и во всех?

– Ну, хотя бы в центральных. У меня «Комсомолка» возьмёт интервью, я же – генератор идеи. Клад – это сенсация! Все телеканалы будут транслировать репортажи с места событий, то бишь с дядива-синого огорода! – устремив вдаль светящийся вдохновением глаз, ораторствовал Вадик.

Румяные щёки, порывистые движения – знакомые признаки... Такое с Вадиком всегда, когда он раскручивает очередную идею. Его идейные порывы на меня действуют магически. Я верю и не верю Вадюхе, но смотрю на него всегда заворожённо. И всё же чаще – верю. Допустим, вчера у нас был полный провал, а через пару дней я опять развешиваю уши. В такие моменты я будто под гипнозом. Вот как на меня Вадькины слова действуют! Или его артистизм. Ораторское мастерство Вадика можно сравнить с искусством Демосфена, только в отличие от выдающегося оратора Древней Греции Вадюхе не пришлось в детстве преодолевать картавость, развивать свой голос. У Вадика дар от природы – завораживать меня своими придумками. Даже Цицерону не удалось бы переговорить Вадюху! «На этот раз, – подумал я, – фокус не пройдёт. Клад... Чихать на него. Опять фантазии. Дудки! Сам пусть ищет сокровища. Мне и компьютерных достаточно. Вот только разобью пиратов...»

Вадик будто прочитал мои мысли, он с утроенной энергией, просто как лавина обрушился на меня с уговорами, так яростно стал доказывать существование клада, называл координаты, что я не удержался и переспросил:

– Считаешь, сокровища именно там?

На что он с радостью, будто только и ждал этого вопроса, ответил:

– А где ж им находиться? Не на кладбище же. Ты думаешь, почему грядки разбились точнёхонько в центре огорода? Могли бы справа, например, или слева от дома... Маскировочка! Понимать надо! – Вадик так на меня глянул, будто я – недоразвитый, несмышлёный, вроде в сто раз глупее него. – Ясное дело, клад на том самом месте. Даю голову на отсечение. Ты не знаешь хитреца соседа! Это с виду он тихоня из тихонь. В народе говорят: «В тихом омуте черти водятся». Это как раз про него. Только у Василия не черти, а сокровища водятся! В огороде. Честное пиратское!

– А моряки говорят: «Ветер дует в компас, а корабли идут из компаса», – не зная к чему, брякнул я.

– Мы с тобой пока сухопутные пираты. Раздобуду штурманское оборудование – секстан и хронометр – вот тогда станем морскими. Давай помогу надеть повязку.

Пока Вадя пристраивал на моём глазу чёрную полоску, давил на моё сознание:

– Выкопаем клад, сдадим государству – и получай свои честно заработанные двадцать пять процентов! Тогда и утрём нос дяде Васе батистовым платком. А потом махнём в Испанию! Я тут правила поиска кладов прихватил... переписал из одного умного журнальчика. Читай!

Он развернул передо мной бумажный свиток, на нём чем-то чёрным, углём, что ли, было нацарапано: «Кладоискателю надо:

1. Изучать историю, особенно времён богатыря Стеньки Разина.
2. Место клада знать.
3. Это место по приметам искать.
4. Зарок знать, с которым клад положен.
5. Заклинание произнести на месте клада.
6. Сноровку иметь и смекалку.
7. Помнить: невежливым, жадным и нечестным клады не даются».

– Ты хоть знаешь, кто такой Стенька Разин? – спросил я Вадюху, когда прочитал.

– Богатырь!

– Разбойником он был, вот кем. Обогащался откупам с проходящих по Волге торговых судов. И даже казну захватил с разграбленного им и сожжённого первого русского корабля «Орёл». По всей Волге, в лесистых Жигулёвских горах да в песчаных буграх спрятаны Стенькины сокровища. А вот раскаявшийся разбойник Кудеяр, старец Питирим, свои клады прятал в Брянских лесах.

– А Василий – в огороде, – буркнул Вадя.

Короче, убедил он меня. Мы дождались темноты, перемахнули через окно и двинули в дядивасин огород, прихватив папины лопаты. Признаюсь, на душе было препаршиво. Что нас ожидало? А вдруг нарвёмся на Василия? Мне он мерещился таким: длинный, как макаронина, горбоносый, я явственно ощущал на себе его недобрый взгляд. Было не по себе. А Вадиму – всё нипочём! Авантюрист да и только. Ради сокровищ и славы он был готов рисковать жизнью. Одержимый идеей! Кто мог бы остановить его – только не я. Но я тоже был хорош, тащился за другом, как сосиска на верёвочке, и осуждал его. Впрочем, на полпути начал сожалеть о затее. Что хорошего, ночью... в чужом огороде... клад... Жуть! Вадик заметил, видно, мою трусость. Я ему с надеждой:

– Может, вернёмся?

– Ты заткнёшься или как? Угомонись! Поздняк метаться. Не нагнетай, – сердился Вадя и в то же время успокаивал меня: – Не дрейфь! Ведь мы скоро станем мужиками. А мужикам стыдно трусить. Потрогай! – он взял мою руку и приложил к своему лицу. – У меня уже борода растёт.

Мне было не до бороды. В воздухе чувствовалась сырость. Собираясь дождь. Было прохладно – ночь всё же. Перелезть через ограду нам не составило труда, а вот лопата как будто потяжелела, и ноги стали словно чужие.

Вадик с ходу взялся за дело, указав мне место для раскопок, был он грамотный в таких делах, и я ему доверял.

– Стоп! – Вадя поозирался, потом добавил еле слышно: – Минуточку, пригнись! В нашем деле нужна полная конспирация.

Я присел, с трудом припоминая, что означает это слово. Кажется, сохранение тайны. Действительно, конспирация нам была жизненно необходима. Как же без неё сухопутным пиратам?! А иначе... Представив на миг, что могло бы произойти, случись это самое «иначе», я плюхнулся на землю, брякнув перед собой лопатой. Мне захотелось домой, к виртуальным сокровищам... Вадим, споткнувшись о черенок, попенял мне:

– Чего расселся? Вставай! И заруби себе на носу: не уйдём, пока клад не отыщем.

Я и сам не знал, чего сижу. Но главное – не представлял, что делать дальше. Зато Вадик знал всё. Он воткнул лопату в землю, зыркнул по сторонам, достал свиток и принялся при свете луны всматриваться в каракули.

– Пора зарок говорить, – сказал мой дружок и забормотал, как старый дед: – Попадайся клад доброму человеку в пользу, а худому на погибель...

Он ещё что-то бубнил... Сумбурные мысли так и лезли в мою голову, я не понимал его белиберды.

– Теперь повторяй за мной, будем вместе заклинать, – заговорщически сказал Вадюха и опять понёс несусветную ересь: – Отойди ж ты, нечистая сила, не вами положено, не вам и стеречь...

Я говорил за ним, запинаясь. Потом он достал из кармана компас и карту, которую сам же нарисовал.

– А компас и карта зачем? – спросил я ни жив ни мёртв. – Мы же у цели.

– Как же без них сухопутным пиратам? – вопросом на вопрос ответил мой мудрёный друг. – В таких делах положено и карту иметь, и компас, и повязки чёрные, и пистолеты. Раз положено, значит, будут. Такой порядок. Жаль, «Весёлого Роджера» у нас нет, глядишь, пригодился бы.

– Кого-кого нет? – округлил я глаза.

– Пиратского флага с черепом и костями, – сплюнув сквозь зубы, мрачно сказал Вадя и полез за пазуху.

– Зачем нам флаг? Мы же не на параде.

– Какой ты наивный... При случае флаг нагнал бы страху на дядю Васю. Всё, кончай гутарить! За работу! За наше пиратское дело –

ура! – крикнул Вадя и лихо отхлебнул из бутылки. При этом так сморщился! В скукоженном его лице было столько страдания!

– Урааа... – запоздало проскрипел я, глядя в перекошенное лицо своего дружка.

Боевое «ура» придало мне бодрости, будто я холодного кваса выпил в знойный день.

И тут Вадя протянул ту бутылку мне.

– Это что?

– Не отрава, так, для храбрости.

Я глотнул и чуть не сыграл в ящик. Отроду не пил такой гадости! И пить не буду. Хуже раскалённого железа! Капитально сжѐг горло. Мне захотелось двинуть Вадьке... Не замечая моих страданий, Вадя распорядился:

– Начинай копать в центре, а я буду вон там, – потыкал он куда-то пальцем. – Только осторожнее, помидоры не повреди.

Центр огорода находился в помидорных грядках, и это усложняло дело. Томатные кусты вымахали ого-го какие! – в человеческий рост. Возвышаясь над капустой, они наводили ужас. Пару раз я всё же ткнулся головой в лапы этих гигантских страшил. Тут ещё Вадькина фигура маячила в темноте – прямо как Кощей Бессмертный. Фигура зловеще колыхалась вместе с лопатой из стороны в сторону. Я косился на неё, а чья-то невидимая железная рука сжимала мне горло. «Парализация всех внутренних и внешних органов», – поставил я себе диагноз и окончательно сник. А одноглазый Кощей всё копал и копал, он никого не боялся, ибо был бессмертным. Время от времени, замирая от ужаса, я спрашивал шёпотом:

– Вадь, это ты или не ты?

– Кто же ещё?! – отвечала фигура сурово, стряхивая с лопаты комья земли.

От загробного голоса меня бросало в дрожь, как при минус ста по Цельсию.

– Левее бери, – советовал мне в темноте зловещий голос. – Копай дорожку, вглубь бери, – упорно наставлял меня, словно маленького. – Какой дурак будет прятать сокровища в помидорных корнях. Здесь всё с умом... Идёт человек по дорожке и не догадывается, что

под его ногами клад. Но мы-то знаем... Нас, дядя Васенька, не проведёшь... Не такое видали! Сейчас мы этот клад – раз! – и дело гото...

Дальше произошло страшное, никем не предвиденное, такое, о чём и говорить – только расстраивать себя. Не успев договорить, – бамс! – и Кошей получил по лбу лопатой! Моей, между прочим. Но я не хотел. Само вышло... Я так усердно копал вслепую, с широкой отмашкой, что не заметил, как он рядом оказался. Лопата в моих руках – назад – и прямо концом черенка в лоб! Хорошо, повязка на лице оказалась толстой, смягчила удар. Но Вадюху это не спасло, он взвыл вселенским воем (его так переколбасило!), переходя на фальцет:

– Что с моими глазами?... Я ослеп!.. Помогите!.. Мамочка моя!..

В один миг я понял ужас нашего положения и буквально онемел. Вадик вопил, стонал, охал, но негромко – понимал: мы были в чужом огороде. А что же я? Забыл и про Кошея, и про дядю Васю, не мог уразуметь, где мы и кто мы. И не мог взять в толк, почему мой дружок так развопился? «Бежать!» – метнулась в моей голове подлая мысль. И тут же другая: «А как же наше геройство?! Как жаль... Неужели бежать вот сейчас, когда у цели?» Я чувствовал, как плавают уши и дрожат колени... А Вадюха всё скулил. Некрепким орешком он оказался... А ведь так умеет внешне сохранять своё достоинство!

Эх, была не была! Я схватил его под руку и – домой.

– Прорвёмся! – успокаивал я Вадю, когда улепёгивали.

Пару раз кувыркнулись, и Вадик остался без кедины. Искать её не стали – темно, а у нас всего пара глаз на двоих (те, что под повязками, – не в счёт).

Насмерть перепуганные, мы уносили ноющие в коленях ноги. Редкие прохожие оборачивались на нас, один дядька обронил: «Ишь, сопляки!»

На подходе к Вадюхиному дому нас накрыл ливень.

– Если предки узнают, голову оторвут... – скулил Вадя.

– Не пасуй! Не оторвут, – отвечал я на его слова.

Как оказался в кровати, я толком не помнил, видимо, случилась амнезия. А утром открыл глаза и удивился: «Ну и сновидения...» Минуты две приходил в себя... И тут мой взгляд упал на чёрную повязку и свиток, мне стало понятно как дважды два: это был не сон.

Весь этот день винил я то Вадика, то себя, то ночь, переживал: «Эх, клад остался в земле. Впрочем, так нам и надо! Позарились на чужие сокровища... Чужое – оно чужое, пусть чужим и остаётся». Признаюсь, мне после тех раскопок – ничего, только ноги ломило, а вот Вадик пострадал капитально: шишка на лбу, один глаз – красный, как помидорина с дядивасинового огорода. Сидел Вадюха в четырёх стенах и дулся на меня. А чего обижаться, я же не нарочно... Я к нему с извинениями и мороженым – мол, нечаянно... А он нулём на меня.

Что касается Василия... Он – руки в боки – сиял в огороде, словно старая луна. Ещё бы! Ведь клад остался нетронутым. Кстати, весь посёлок узнал вскоре, что в районе дач волонтеры объявились. Эти славные ребята, как выразился дядя Вася, всю дорожку в огороде перекопали. «Вот ведь какие скромные, ночью работали, – говорил он всем подряд. – Жаль, не знаю, кого благодарить...» А ещё Василий сокрушался насчёт лопат, не знал, кому их вернуть. И мои родители недоумевали по тому же поводу – куда делись орудия труда?

Как-то раз за обедом мама сказала, что Василий отнёс в церковь старинную икону в серебряном окладе, доставшуюся ему от прабабушки. Я наострил уши, потом помчался рассказать Вадюхе. У него от новости – глаза на лоб, и он в ту же секунду простил меня.

С тех пор много утекло воды... А мы с Вадюхой всё гадаем: может, не было у дяди Васи клада? Я предполагаю, что, вероятнее всего, это была Вадюкина фантазия. Или он не понял тех старух и принял слово «оклад» за слово «клад». Хотя... нам по-прежнему хочется думать, что клад существует. На том самом месте – в центре дядивасинового огорода.

Нужно проявить сноровку...

Ольга Воронина

БАБУШКИНЫ ГРЯДКИ

Таня любит помогать
Бабушке в саду.
Любит грядки поливать,
Дёргать лебеду.
Лебеда ты, лебеда,
Для капусты ты – беда.
И для свёклы ты – беда,
Злая травка лебеда.
Ах ты, дерзкий молочай,
На, вредитель, получай!
А ещё – пырей, осот,
Что непрошено растёт.
Лук, картошку и морковку
Полет Таня тяпкой ловко.
Всё!
Теперь в порядке
Бабушкины грядки.

ТЫКВА

Круглая, дородная
Тыква огородная –
Рыжая красавица –
Всякому понравится.

ОГУРЧИК

Хрупкий огурец пахучий
Дорог нам в мороз трескучий.
Всяк его нарезать рад
И в окрошку, и в салат.

СВЁКЛА

Под дождём промокла
Чудо овощ свёкла.
Лучше свёклы не ищи
На салаты и борщи.

Я – КАПУСТКА

До чего же хрустящая,
Вкусная капустка я!
Все листочки гладкие,
Кочерыжки сладкие.

ПОМИДОРКИ

Сочные и красные,
Яркие, прекрасные,
Словно в небе зорьки,
Чудо помидорки.

МОРКОВКА

Нужно проявить сноровку,
Чтобы выдернуть морковку.
С нею будет наш салат
Витаминами богат.

Надежда Ермакова

НЕСКУЧНЫЙ ДЕНЬ

Лил дождь. Погода была не для прогулок. Андрей сидел дома и скучал.

Звонок в квартиру мальчика обрадовал, хотя дверь категорически запрещено было открывать. Кстати, на этот раз у Андрея ничего бы не получилось. Зная своего неугомонного сына, родители закрыли его снаружи.

- Кто там? – спросил Андрей.
- Открывай быстрее, – сказал Лёша, соседский мальчишка.
- Не могу, я заперт. Зачем пришёл?
- Так просто, посидеть. На улице дождь.
- Давай посидим.
- А как?
- Неси стул, располагайся рядом с дверью.
- А ты?
- Ну а я со своей стороны.
- Что делать-то будем?
- Сидеть. Ты же посидеть хотел.

- Вот дурной: я хотел поиграть.
- Ну давай поиграем.
- Во что?
- Тащи табуретку-то.
- Лёша, выполняя указание, побежал наверх.
- Андрей... Я уже здесь! Чем заниматься будем? – крикнул затворнику сосед.
- И я здесь. Давай прозвища друг другу придумывать?
- Чтоб ты мне потом по шее надавал? – обиженно протянул Лёша.
- Совсем нет. Попробуем? Допустим, ты, Лёша, «длинный».
- А ты – «короткий», – отчеканил сосед.
- Белобрысый.
- Кто белобрысый? Мама говорит, я шатен, – возмутился Лёша.
- Шатен – батен. – Батон ты!
- Сам Батон, я худой.
- Ну, худой Батон. Знаешь, бывают такие для бутербродов?
- А ты, ты Батон нарезной.
- Какой ещё нарезной? – возмущённо пробубнил Андрей.
- В киосках продают, папа их любит. Они такие толстые, с ямочками.
- Я тебе за Толстого Батона знаешь, что сделаю?! – закричал Андрей.
- Я же говорил, чтоб в прозвища не играть, – оправдывался Лёша.
- Хорошо, не будем, – смирился затворник, – Лёш, а ты в дверь кому-нибудь позвони. Её откроют, а тут никого, только стул, пусть думают, что это он позвонил.
- Умный ты, Андрей, сам дома будешь, а я потом отдувайся.
- Ну и мучайся от скуки.
- Ладно.
- Лёша поставил стул, позвонил в дверь и побежал к себе на пятый этаж.
- Дверь долго не открывали. Потом послышалось шуршание. Всё затихло. Видно, баба Клава смотрела в глазок. Через несколько минут дверь тихонько приоткрылась и показалась голова:
- Что это такое? Стул?

Похожая на корабль, показалась вся баба Клава.

– Совсем новый. И чей он будет? – осматривая предмет, рассуждала бабуля.

Она стала ходить по площадке. Андрей смотрел за ней в замочную скважину и хихикал. Старушка позвонила соседям, никто не открывал. Она спустилась вниз, опросила там жильцов, но хозяин не обнаружился. Покрутила ещё раз стул и со словами «А вещь-то хорошая, в хозяйстве пригодится» взяла его себе.

У Андрея надрывался мобильник. Лёшу интересовало, как там дела.

Узнав, что его собственный стул забрали, срочно прибежал и стал барабанить другу в дверь.

– Андрей, мама с работы придёт, что я ей скажу?

– Давай, стучи бабе Клаве, объясняй, что это твоя мебель, – посоветовал Андрей.

Пришлось подождать, пока осторожная бабуля разглядела Лёшу в глазок. Дверь скрипнула, и высунулась всё та же голова.

– Тебе чего надо?

– Баба Клава, вы мой стул забрали.

– Почему твой? Что он тут делал?

– Я сидел на нём, – робко произнёс мальчик.

– Как сидел? Я почему-то тебя не видела! Иди-ка отсюда, пока милицию не вызвала.

Она захлопнула дверь.

– Да... влип, – посочувствовал Андрей другу.

– Делать-то теперь что? – спросил Лёша.

– Может, твоя мама не заметит пропажу?

– Заметит, она всё замечает.

– Звони ещё бабуле, скажи, что специально стул поставил, чтоб позвонить и убежать. Шутка такая, – снова посоветовал Андрей.

– Вот сам и звони теперь. Почему я должен? Ты придумал, ты и оправдывайся.

– Я не могу. Я запертый.

– Всегда так, ты натворишь, а мне расхлёбывай, – бормотал Лёша.

Мальчики горячо спорили.

Тут из лифта вышел дворник дядя Саша. Он детвору любил, всегда им зимой каток заливал, а летом на футбольной площадке траву косил.

– Что за проблемы? – спросил он.

Друзья доложили ситуацию. Пожурив немножко мальчишек, дядя Саша предложил план по освобождению собственности. Он сказал бабе Клаве, что стул нёс в другую квартиру, но перепутал этажи.

Лёша схватил спасённую вещь из итальянского гарнитура и убежал восвояси.

На следующий день опять лил дождь.

Лёша стоял у Андрюшиной двери и думал о том, что теперь-то он на глупые предложения не согласится ни за что. Даже если будет очень, очень скучно.

СИАМКА

Быль-небылица

Наконец-то в нашем доме появилось животное, чудесная кошка – тёмно-коричневая, с большими жёлтыми глазами. Нашей Симе уже полгода. Она подросла и превратилась в изящную, грациозную Симону, хотя чаще мы зовём её просто Симкой.

Днём она обычно остаётся с бабушкой, которая сейчас уехала. Все очень волнуются о том, как живётся нашей любимице в пустой квартире. Родители на работе, а я в школе, да плюс ещё продлёнка и кружок.

Сегодня я пошутила и сказала девочкам, что позвоню Симе. Они посмеялись и предложили:

– Позвони, может, ответит.

Я отошла в сторону, взяла мобильник и набрала домашний номер. Послышались протяжные гудки, и вдруг там, далеко, что-то щёлкнуло, и кто-то с переливами замурлыкал, совсем как наша Симка. Я не поверила своим ушам и взволнованным голосом спросила:

– Сима, это ты?

Урчание повторилось. Сомнений не было: это – Симона.

– Симочка, как ты там поживаешь? – спросила я.

– Скучно. Я не люблю быть одна.

– Почему?

– Я сиамская кошка, и этим всё сказано!

– Сима, расскажи мне про сиамских кошек...

– Ну, это длинная история.

В трубке надолго повисла пауза. Я не дождалась и убежала к подружкам.

После разговора с Симкой мне очень захотелось домой. Время тянулось поистине бесконечно. Хорошо, что папа заехал за мной на машине вовремя.

Я ворвалась в квартиру как ветер, распахивая подряд все двери и выискивая кошку. Наконец, увидела Симку: она лениво потянулась в кресле и равнодушно посмотрела на меня.

– Сима, Симочка, я очень соскучилась по тебе.

С этими словами я протянула руки, но она увернулась от меня и соскочила с кресла. Весь вечер она была не в настроении. После ужина я обычно брала верёвочку и играла с кошкой, но и от этого удовольствия она отказалась. Мне очень хотелось остаться с ней наедине. Однако на все мои похвалы и ухаживания Сима отвечала равнодушным взглядом. Я поняла, что продолжение нашей беседы не состоится, и поплелась в комнату делать уроки. Сидевшая всегда в этот час у меня на столе Сима сегодня так и не подошла. Утром она меня не проводила.

В школе, после второго урока, я попробовала снова позвонить домой. После долгих гудков я услышала урчание и голос:

– Слушаю.

– Симочка, ты на меня обиделась?

– Вчера ты не дослушала меня.

– Я очень долго ждала от тебя ответа! – начала я быстро оправдываться.

– Ну, хорошо, – остановила меня Симона, – тогда слушай. Мои предки появились очень давно в Таиланде. Эта страна раньше именовалась Сиам, поэтому нас и зовут сиамскими. Мой род принадлежал исключительно к королевской семье. Государь обожал нас. Мы отвечали ему любовью и привязанностью. Послы и дипломаты, бывавшие в те времена в Сиаме, были в восторге от неизвестных домашних

красавцев. Мы блистали умом, выносливостью. У нас присутствовали повадки обезьян и отвага львов. Без нас не обходилось ни одно торжество. Повелитель гордился нами. Однажды в столичный порт пришёл европейский корабль. В честь гостей король устроил званый ужин. На нём присутствовала дама, которая очаровала нашего короля. Он страстно в неё влюбился.

– Симочка, извини, я не могу тебя дослушать, звенит звонок на урок. Сегодня я не пойду на продлёнку: папа отдал мне ключи, и скоро я уже буду дома.

На уроке русского языка я плохо слушала учительницу и в изложении наделала кучу ошибок, но не очень расстроилась, ведь я торопилась домой.

Открыв ключом дверь, я быстро сбросила с себя пальто, обувь и отправилась искать свою любимицу.

Она мирно спала на кровати у родителей. Будить её я не решилась. Тихонечко вышла из спальни и побрела на кухню. Когда Сима проснулась, то не показала своего расположения ко мне. Как всегда, охотно поиграла со мной, побегала со своими игрушками, потом запрыгнула на шкаф и ещё долго дремала.

Симу я обожала, знала её тайну и с нетерпением ждала следующего дня, чтобы дослушать давнюю историю.

В школе я всё-таки не выдержала и сказала девочкам, что дозволилась до Симы. Они захихикали, решив, что я пошутила. Как им объяснить, что моя Симона необыкновенная, что она единственная на свете хранительница тайны своих предков.

После моего очередного звонка Сима продолжила:

– Всё внимание король уделял теперь своей возлюбленной. Ей очень нравилась самая близкая к королю сиамская кошка, это была моя прапрапрабабушка. Королевской даме сердца всё время хотелось взять её на руки и погладить, а бабушка была недовольна этим обстоятельством. В один момент она не выдержала и вырвалась из рук знатной особы, расцарапав ей ладони. Поднялись крик и шум. Король рассердился. Он не отходил от своей фаворитки и приказал найти кошку и наказать её. Сиамка была в смятении. Отчаяние сменилось гневом. Она не давалась в руки слугам, раздирая при этом их лица и тела. Кошку всё же поймали. Её посадили в клетку! О, ужас!

Во все времена их боготворили, им поклонялись как хранителям храмов, их никогда не трогали! Приезжая дама оказалась мудрой женщиной, она поняла смущение короля и попросила отдать ей злую сиамку.

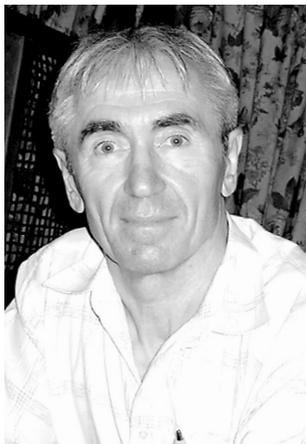
Путешествие в Европу показалось моей бабушке вечностью. Она плохо перенесла дорогу.

Однако в путь моя бабушка отправилась не одна. На этом же корабле находились её ближайшие родственники: кот и кошечка. Так сиамцы оказались в Европе. Но история моей бабушки на этом не закончилась.

К новой хозяйке и к новому дому она так и не привыкла. И вот однажды, ухитрившись незаметно выскользнуть из особняка, она, перепрыгнув через забор, убежала. Некоторое время она жила на улице и даже успела познакомиться с местным дворовым котом, отменным здоровяком и разбойником, но через некоторое время сбежала и от него. Ей было одиноко и трудно, она была беззащитна и голодна. Как-то она, измотанная и усталая, брела под проливным дождём. Вконец обессилив, остановилась у ворот какого-то здания. Сколько кошка пробыла на улице, неизвестно, но люди её подобрали, и она оказалась в очень порядочной многодетной семье. Кошечку выносили, и, когда она совсем поправилась, её очарование, красота и грациозность всех покорили. Сиамка была благодарна людям, умерила свой нрав, стала покладистой и очень привязалась ко всему семейству. В этом благопристойном, тихом доме у неё появилось потомство, четыре замечательных котёнка.

Эпилог

Алёнка была в восторге от услышанной истории. Она рассказала всё папе. Выслушав дочь, папа сказал, что Алёнка прекрасная рассказчица и фантазёрка. Но когда, заинтересовавшись историей сиамских кошек, самостоятельно решил разузнать о них в Интернете, весьма удивился сходству вычитанной информации и того, о чём поведала дочь.

Олег Корниенко

ЛАЗЕРНАЯ УКАЗКА

Рассказ

Это, конечно, был Юрка, Юрка Сивков, с которым Тимка и Федька когда-то ходили в детсад. Теперь они встречались только летом, когда Юрка приезжал на каникулы к дедушке с бабушкой с Дальнего Востока.

– Привет дальневосточникам! – крикнул Тимка.

– Привет волжанам! – прозвучало в ответ.

Юркин отец – капитан дальнего плавания, и потому у его сына был настоящий кортик. Сегодня на боку у приятеля болтался коричневый продолговатый футляр, который он придерживал точно кортик.

– Бинокль? – поинтересовался Федька.

– Фонарик, – Юрка важно похлопал по футляру.

– А фонарик зачем? – спросил удивленно Тимка.

– Точнее это не фонарик, а секретное оружие: лазерная указка, – почти шёпотом объяснил Юрка.

Ребята уже слышали по телевизору о лазерных указках, лучи которых хулиганы наводили на садящиеся самолёты. Но ведь Юрка не хулиган, а сын моряка, капитана дальнего плавания.

– Он что угодно может остановить хоть на земле, хоть в воздухе, – похвастался Юрка, доставая из футляра фонарик: блестящий, с зелёным стеклом.

– Ври больше! Ты что – Терминатор? – засомневались друзья.

– Когда стемнеет, выходите на улицу – сами убедитесь.

Когда солнце, наконец, спряталось за горизонт, ребята встретились у подъезда и решительно зашагали к небольшому парку, мимо которого проходила автомобильная дорога.

Они спрятались за кустами, и Юрка достал фонарик. Ждать пришлось недолго. Впереди показались огни машины.

– К бою! – скомандовал Юрка и включил фонарик.

Тимка и Федыка увидели, как тонкий зелёный луч метнулся на встречу машине и, ослепляя водителя, замер на лобовом стекле. Завизжали тормоза, машина завияла из стороны в сторону и, съехав с дороги, залетела в кусты. Из кабины, ругаясь, выскочил водитель:

– Эх, я сейчас кому-то уши надеру!

– Атас! Смываемся! – скомандовал Юрка, и первый показал ребятам спину. Тимка и Федыка бросились за ним.

– Держись левее – там гаражи! – крикнул Тимка.

Через несколько минут, тяжело дыша, ребята остановились возле гаражей.

– Ну, как? – спросил Юрка и прислушался.

– Кажется, оторвались, – ответил Федыка.

– Хорошо, что мы не уши, – заметил Тимка. – Может, хватит на сегодня приключений?

– Вам виднее, – пряча фонарик в футляр, важно заметил Юрка. – Один – ноль в мою пользу.

Дома их уже потеряли.

– Вы куда пропали? – спросила мама Юрки и подозрительно посмотрела на ребят.

Те испуганно переглянулись, но тут вмешался Юркин отец:

– Новости дадите спокойно посмотреть?

Мальчишки тоже механически уставились на экран телевизора. Там показывали какой-то аэропорт и много самолётов.

– В некоторых регионах России участились случаи хулиганства при помощи «лазерных указок», – сказала диктор, и Тимке показалось, что она уставилась на него. – Так, в Махачкале и Самаре

лазером пытались ослепить экипажи пассажирских самолётов. Президент Чечни Рамзан Кадыров приказал запретить продажу «лазерных указок» на территории республики.

Тимка с Федькой переглянулись и посмотрели на Юрку, глаза которого восторженно блестели.

– Видели? – спросил он и достал фонарик. – Направляешь на самолёт, и тот как миленький садится, где тебе нужно.

Тимка вспомнил вдруг про отца, который ушёл сегодня на ночные полёты, и сказал:

– Да, сильная штука. Дай посмотрю.

– А я что говорю, – захихикал Юрка и протянул фонарик Тимке. – Если хорошенько потренироваться, можно и спутниками на орбите управлять.

– Ой! – вскрикнул вдруг Тимка.

Фонарик, сверкнув ненавистным зелёным стеклом, полетел на пол.

Первым почувствовал неладное Юрка.

– Эх ты, балда! – захныкал он, поднимая фонарик.

Фонарик был целым, только не светил, сколько Юрка ни дёргал кнопку-рычажок.

– Я ведь пошутил, – признался вдруг он. – Никакой это не лазер, а обычный фонарик. Только стекло зелёное.

– Дошутился, – радостно заметил Тимка и точно обезвреженную гранату подкинул на ладони мёртвый фонарик. Потом добавил:

– Один – один – ничья!

РАНЕНый «ОРЛЁНОК»

Рассказ

О том, что в нашем микрорайоне будет проходить военно-патриотическая игра «Орлёнок», мы с Валериком узнали из объявлений, расклеенных почти на каждом доме. В этой игре мы были не новички. У нас даже имелась своя команда с грозным названием «Динамит». С толстушкой Светкой, капитаном нашей команды, мы всегда занимали призовые места – второе или третье. И никогда – первое. Может быть, сегодня нам повезёт?

Чтобы не опоздать на построение, мы всю дорогу бежали, представляя, как волновалась Светка. Ничего, похудеет килограмма на два, это ей полезно.

Команд было семь. После поздравления депутата всем ребятам раздали ленточки, похожие на российский триколор, и булавки. Светка быстро, как будто ежедневно это делала, приколотла нам ленточки к рубашкам. Команда под третьим номером «Динамит» к соревнованиям была готова.

Светка бегала к судьям, к организаторам соревнований. Она им что-то говорила, они ей отвечали, размахивая руками.

– Надо пробежаться по трассе. Так сказать, проверить её на зуб, чтоб меньше было проблем, – предложила нам Светка.

С этим согласились все и, когда до начала соревнований осталось десять минут, мы быстро пробежались по маршруту: противогазы, полоса препятствий, оказание первой медицинской помощи, преодоление рва, «мышеловка», «паутина»...

Валерик скривил презрительно губы и поплевал на ладошки:

– Элементарно! Первое место у нас в кармане.

– Не скажи, – оглянулась Светка на трассу. – Одно дело со стороны смотреть, другое – соревноваться.

После короткого инструктажа на старт вышла первая команда.

Наша очередь была ещё не скоро, и мы расположились так, чтобы видеть все этапы соревнования.

– «Динамит»! Где у нас «Динамит»?! – крикнула в рупор судья.

Мы выросли перед ней, как грибы после дождя.

– Готовы? – спросила она.

Светка только открыла рот, чтобы ответить, как за спиной кто-то рявкнул:

– Так точно!

Это был Валерик.

– Ваш девиз?

И мы дружно, хором, во весь голос прокричали:

– Мы команда классная

И взрывоопасная.

Кто сегодня победит?

Ну, конечно, «Динамит»!

Судья бросила взгляд на трассу (она была свободна) и скомандовала:

– На старт! Внимание! Марш!

И мы рванули с места. Первый этап – «стометровку» – мы пробежали быстро и бросились к противогазам. В них надо было пробежать второй этап, метров двадцать, потом снять и отнести обратно.

Мы уже добежали до финиша, когда услышали за спиной страшный рёв. По звукам, за нами мчался слон. Слоном оказался Валерик. Его алые щёки выглядывали из противогаса, а вместо того чтобы бежать вперед, он топтался на месте и трубил. Мы подхватили Валерику под руки, быстро потащили к финишу. Только там выяснилось, что не была снята заглушка на противогазной коробке, и Валерик чуть не задохнулся.

На третьем этапе нас ждала врач с повязкой «красный крест».

– Вам задание: мальчик потерял сознание, – сказала она. – Ваши действия?

Мы посмотрели на Светку. Все-таки папа у неё врач, пусть и ветеринарный.

– Привести его в чувство, – тяжело дыша, бросила Светка.

– А конкретнее? Надо дать больному ... – врач пыталась нам помочь.

– Мороженое, – запрыгал от находчивости Валерик.

– Ещё одно слово, и ты вместо мороженого в ухо получишь, – показал я кулак Валерику.

– Дать больному понюхать нашатырь, – вспомнила Светка.

– Правильно! – похвалила нас врач. – А теперь – на «тарзанку».

Так же легко, но не без проблем, мы преодолели «тарзанку» – качающееся бревно, отстреляли из «воздушки» и замерли перед последним испытанием – «паутиной».

– Прижимайтесь к земле, когда будете ползти под сеткой, – напомнила нам судья. – Касаться её нельзя. И не спешите! Главное не скорость, а отсутствие штрафных очков.

Сетка была натянута так низко, что Светка не могла её не задеть, но тут случилось ЧП, которое спасло нашего капитана.

Я прошёл этап быстро и ждал Валерику. Он упал под сетку и так заработал руками и ногами, что мы чуть не потеряли его в пыли.

Когда же сияющий Валерик появился на финише, он напоминал индейца: грязное от пыли лицо и белые зрачки.

– Ну, как я? – сияя, спросил он.

– Можно было и лучше, – заметила Светка. – А что это у тебя с ногой?

Все посмотрели на левую ногу Валерика и только тут заметили, что она в крови. Валерик побледнел, и, чтоб он не упал, мы усадили его под дерево. А Светка побежала за врачом.

Врач быстро осмотрела рану.

– Должно быть, стеклом поцарапался, – доложила она судье.

– Мы ведь всю дистанцию перед соревнованием осмотрели, – судья виновато развела руками.

Врач дала понюхать Валерику нашатырного спирта, обработала рану перекисью водорода и наложила повязку.

– Как дела у «Динамита»? – спросила она судью.

– Скорее всего, третье место.

– Как третье? – чуть ли не вскочил Валерик. – Да если бы не ранение, мы бы обставили всех!

Судья соревнований ещё раз посмотрела на списки, потом на доктора:

– Второе место, в принципе, они заслужили.

– Ура! – взорвался «Динамит» от радости.

Домой мы возвращались не спеша. Во-первых, сказала усталость от соревнований. Плюс нам, как призёрам, каши дали с добавкой. Валерика мы вели по очереди. Каждый из команды считал за честь помочь раненому герою. Хотя хромать Валерик почти перестал. Все понимали: без него мы ни за что бы не завоевали второго места.

Уже возле дома, прощаясь, Валерик заметил:

– Чепуха! Какой я герой. Вот если б и вторая нога была ранена – первое место у нас было бы точно!

Пальму посажу я на своём окне

Елена Миронова

СТОРОЖ

– Ни к чему, – сказал щенок, –
Запираться на замок.
Сам решил он у двери
Сторожить дом до зари.
...Но лишь ночь пришла во двор –
Дверь закрыл я на запор:
На щеколду, на замок,
На цепочку и крючок.
Так надёжнее пока
Для меня и для щенка!

МАСТЕР

Дверка жалобно скрипела:
– Скрип, скрип.
Словно горлышко болело:
– Хрип, хрип.
Дверку быстро подлечу,

Все шурупы подкручу,
Петли маслом я помажу
И работу их налажу.
Не привык сидеть без дела,
Целый день я топ да топ.
Дверка вмиг повеселела,
И теперь всё хлоп да хлоп!

ВЕРТОЛЁТ

Вертолёт красивый Жене
Подарили в день рожденья.
С пультом управления –
Всем на удивление.
Женя кнопку нажимает –
Вертолёт его взлетает.
Как он может подниматься?
Надо в этом разобраться,
Посмотреть, что там, внутри.
Взял отвёртку: раз, два, три!..
Всё на части разобрал –
Не нашёл, чего искал:
Нет в кабине вертолёта
Ни радиста, ни пилота.
Без пилота да в полёт?!
Мог разбиться вертолёт.
Ладно, Женя догадался
Разобрать, чтоб не сломался
При полёте вертолёт.
Пусть в ангаре подождёт:
Может, сыщется пилот.

БЕЛКА

Белка прыгает по веткам,
Рвёт орешки малым деткам,
Чтоб росли и хорошели,
Шубки ярче чтоб рыжели.

КРОКОДИЛ

Рано утром Крокодил
Двух лягушек проглотил.
И теперь не ест, не пьёт:
У него болит живот.
Не ложится на подушки,
Потому что две лягушки
Громко квакают, хохочут,
Изнутри его щекочут.
Плачет бедный Крокодил:
– Зря лягушек проглотил.

БОТИНКИ

Маленькой Иринке
Мерили ботинки.
На любой был вкус товар,
Перемерили сто пар.
По душе Иринке
Красные ботинки.
Очень уж к пальто идут,
Не беда, что сильно жмут.

ЛИСА И ЗАЙКА

Зайка по лесу скакал,
От лисицы удирал.
Уши длинные прижал,
Думал, что уже пропал.
А лиса давно отстала –
Зайку просто напугала.
Напугав, от смеха плачет:
Ей смешно, как зайка скачет.

ДРУГ

Папа мне принёс щенка.
Мяса он не ест пока.
Уши чёрные и нос;
Кошка больше, чем мой пёс.
С ним гулять иду чуть свет,
А сосед мой Вовка – вслед:
– Ну, собака, ха-ха-ха!
Не грознее петуха.
И не знает мой сосед,
Что для друга мерки нет.
Мне не нужен злобный пёс,
Ни при чём здесь вес и рост.
У друзей другая ценность –
Это преданность и верность!

СТРАШИЛКА

У меня есть братик Костик.
Он – везде за мной как хвостик.
На футбол идём гурьбой,
Брат пищит:
– И я с тобой!
– Не могу тебя я взять.
Мал ещё со мной гулять.
За окном злой Бармалей
Ловит маленьких детей.
И ещё там есть Яга –
У неё одна нога, –
На метле своей летает,
Деток малых собирает.
Сто опасностей в пути.
Я и сам боюсь идти.
Видишь, весь уже дрожу.
...Лучше дома посижу!

ГОРОХ

Посадила бабка Ох
На дворе своём горох.
Не ленилась, поливала,
Вёдра полные таскала.
Поливать устала Ох:
– Ох, уж этот мне горох!
Рано утречком вставала
И от ветра закрывала.
А потом просила Ох:
– Вырастай скорей, горох!
Лето всё переживала,
Сорняки все удаляла.
Очень уж старалась Ох.
Не подвёл её горох –
Вырос сахарный, в стручках.
И сказала бабка: – Ах!

БАНАНЫ

Пальму посажу я
На своем окне.
Очень уж бананы
Полюбились мне.
Буду хорошо я
Пальму поливать.
Буду днём и ночью
Урожая ждать.
Вырастут бананы
Сладкие, как мёд.
Маму позову я –
Их она сорвёт.
И бананы наши,
Каждый – по ведру,
Буду вместо каши
Есть я поутру.

По лесам идёт молва, что бояться надо льва

Александр Мишенков

КОТ И НОВЫЙ ГОД

Мой любимый рыжий кот
С нетерпением праздник ждёт:
Знает он, что утром рано
Накормлю его сметаной,
Творогом и молоком,
Вкусным рыбным пирогом,
Приготовлю на обед
Жареных мясных котлет,
А на ужин рыжей киске
Дам сгущёнку и сосиски...
Вот поэтому мой кот
Очень любит Новый Год!

МАКАКА

Симпатичную макаку
Никогда не тянет в драку.
Лучше, что и говорить,
Ребятишек веселить.

МИШКА

Что есть мочи мчится Мишка,
Потому что он – воришка.
Пчёлы бедного догнали,
Очень больно покусали,
Чтоб не лазил косолапый
В улей с мёдом грязной лапой.

ИГРУШКИ

Для Алисы и Ванюшки
Папа делает игрушки:
Попугаев, петушков,
Обезьянок и слонов...
У него особый дар –
Он художник и гончар!

ПОПУГАЙ

Попугай всегда готов
Выучить хоть сколько слов.
Пусть он ростом невелик,
Но способный ученик!

СКВОРЕЧНИК

Вместе с дедушкой Петром
Строили мы птичий дом.
Подавала доски Галя,
Размечали Ира с Валец,
Петя резал их ножовкой,
Гвозди били Толик с Вовкой...
И сказал сосед усатый:
– Дружно трудитесь, ребята!

ПИСЬМО

Кот не спит ни днем, ни ночью,
Озабочен он весьма:
Не приносит что-то почта
Долгожданного письма.
Может, кошка приболела,
Или просто недосуг?
Ну а может быть, без дела
Засиделась у подруг?
Долго так наш кот не хочет
Письмеца от Мурки ждать.
И решил он ей по почте
Сам открытку отослать!

ЕЖАТА

Двое маленьких ежат
Под берёзкою лежат.
Берегитесь, злые волки:
У ежат растут иголки!

ЛЕВ

По лесам идёт молва,
Что бояться надо льва.
Грозно он рычит в кустах,
Приводя зверюшек в страх.
Даже хитрая лисица
Льва немножечко боится.
Только юркий воробей
Ближе всех к царю зверей.
Знает: может он успеть
Очень быстро улететь.

ЗАЙЧИШКА

Серый маленький зайчишка
Был доверчив – даже слишком.
Говорит ему зайчиха:
– Ты веди себя, сын, тихо,
Чтоб не встретить нам в лесу
Злого волка и лису.

КЕНГУРЯТА

Хорошо живут ребята –
Маленькие кенгурята:
Мамы в сумках их таскают,
И они забот не знают.

КРОТ

В чёрно-бурой шубке крот
В темноте всю жизнь живёт:
Он родился под землёй
И поэтому слепой.
Потому-то видеть свет
У него желанья нет.

БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Летом в клетке зоопарка
Белому медведю жарко.
Вы спросили: почему?
Север домом был ему!

БОБР

У бобра всё по порядку:
Он из брёвен и ветвей
На реке построил хатку
И живёт счастливо в ней.

БЫЧОК

Повстречал в лесу бычок
Очень злого волка:
– Съем тебя я, дурачок,
И зубами щёлкну!
Но бычок отважным был:
Долго с ним бодался.
Волку шкуру повредил,
Чтоб не задавался.

ГАЛЧОНОК

Любознательный галчонок
Учит азбуку с пелёнок:
Хочет он поэтом стать –
Для детей стихи писать.

ДЯТЕЛ

Это что в лесу за стук
Тишину нарушил вдруг?
Это пёстрый дятел ищет
Под корой дубовой пищу.

Николай Овчинников

ДРУГ ФОМА

Артист был стар. Он смотрел в зал из-под набрякших век, и взгляд его водянистых глаз, казалось, был глубоко равнодушен. Он стоял, опираясь на облупленное клубное пианино, и ждал, когда окончатся овации. Артист был знаменит. Его песнями заслушивались, за пластинками с его голосом стояли очереди.

Я посмотрел на Пахтушкина. Он показывал на сцену и гудел в ухо нашему бригадиру Аркаше:

– Стёкла били... Вытащили, черти полосатые, этого деда смотреть. Плакали мои рупь двадцать...

Фома Пахтушкин в нашей бригаде недавно. Работает подсобником. Образование его, как он сам говорит, «четыре класса и коридор».

Когда в бригаде решили идти на концерт, Пахтушкин заартачился.

– В кино – с нашим удовольствием, – заявил он. – Не накладно – от силы сорок копеек.

Некоторые поддержали его:

– Эстрадников бы или цирк поглядеть...

Тогда Аркаша дёрнул себя за ухо. Он всегда дёргает себя за ухо, когда сердится.

– Разве здесь барахолка и мы торгуемся? – спросил он. – Разве кто подавляет личность Пахтушкина?

Он оглядел каждого из нас и сказал:

– Этот тенор пел у нас в Одессе два года назад. Билетов не хватило. Чтобы его послушать, люди с улицы выбивали стёкла и платили штраф. У вас, Пахтушкин, застывший интеллект.

Пахтушкин молча отсчитал рубль двадцать копеек и только спросил:

– Взаправда, стёкла били?..

Аплодисменты умолкли, и пианист взял первый аккорд. Артист стоял у рояля всё в той же позе, только голова его склонилась, он смотрел в пол.

Я не заметил, когда он начал петь. Казалось, песня сама возникла среди нас, притихших людей в затемнённом зале, и от нас, невидимая, перелетела к человеку, стоящему у рояля. Пахтушкин даже повертел головой, оглядываясь, и снова уставился на сцену. А там стоял уже не тот человек. Артист запел о любви, которая сжигает сердце, о любимой, краше которой нет на свете, и я перестал замечать набрякшие мешки под глазами и его грузную фигуру. Для меня он стал молодым, стал ровесником, и я почувствовал, что эта песня – только обо мне, о моей любви.

Шквал аплодисментов прервал мои мысли. Я оторопело оглянулся вокруг и тоже зааплодировал. Справа от меня Пахтушкин колотил изо всех сил ладонями, и хлопки получались гулками, как ружейные выстрелы. Он восторженно смотрел на сцену и что-то кричал. Артист стоял неподвижно, наклонив голову.

Он делал с нами что хотел, этот артист. Слушая его, мы видели на сцене то пламенного Ленского, то плутоватого украинского парубка Левко. В полутёмном зале слушали шум родных берёз – то ласковый, то тревожный:

*Не спят под Москвою берёзы,
В Париже каштаны не спят.
Берёзы, берёзы...*

Антракт наступил неожиданно. В зале вспыхнул свет. Пахтушкин повернулся ко мне и прохрипел:

– В сорок первом батьо под Ельней убили, а в сорок четвёртом – брата Ваню... Под Псковом... Эх! За душу взял!..

В курительной он сказал в сердцах:

– Нутро выворотил, чёртов дед. И пошто сюда заявился, Москвы ему мало?

– Что ж, если мы не москвичи, нам можно частушками забавляться? – проговорил Аркаша, трогая усы-ниточку. – С тебя, Фома, за эти полтора часа бескультурье кусками отваливалось. Накажи меня гром и начальник участка, если вру...

Второе отделение Фома присидел как на иголках. Артист пел испанские серенады и итальянские канцоны... Каналы Венеции... Гондольеры... Увитые плющом монастырские стены...

– Слышь-ка, – толкал меня в бок Пахтушкин, – неужто он все эти языки знает?

А когда артист запел песни Африки, Фома был окончательно покорён. Он аплодировал громче всех, надрывался, вызывая артиста на бис.

– Это ведь надо! – восклицал он. – Всех народов песни поёт. Да ему Ленинской премии мало!..

Артист был тронут непосредственностью, с которой выражали восхищение его талантом простые рабочие. Он безотказно пел сверх программы то, что просили эти люди в далеко не модных костюмах, с простуженными голосами и обветренными лицами.

Едва окончился концерт, Пахтушкин помчался за кулисы. Мы дожидались его на улице, и Аркаша сказал про артиста:

– У нас в Одессе его несли на руках до вокзала. Остановливалось уличное движение, и в порту гудели пароходы. А здесь бегут за кулисы – и даже без букета цветов. Мельчают люди!

В общежитие мы шли, не торопясь. Делились впечатлениями. Аркаша рассказывал бесчисленные истории из жизни Одессы-мамы. Только Фома отмалчивался и лишь у самого общежития сказал Аркаше:

– Ты, бригадир, завтра отпусти меня, дело есть.

Получив разрешение, он молча ушёл в свою комнату, разделся и лёг в постель. Утром Фому мы не видели, он куда-то ушёл. Комендантша спросила нас, почему это с утра Фома чистился да утюжился, не жениться ли собрался? Что мы могли ответить? Если и жениться – чем это плохо?

В этот день некогда было говорить о Фоме, но думали о нём все члены бригады. Мысли были неутешительные. Я вспомнил, как полгода назад у нас произошло ЧП. Подсобник Черных отпросился в город, а вечером стало известно, что он попал в вытрезвитель. «Не выкинул бы такой трюк и Фома», – беспокойно думал я.

Пахтушкин пришёл в нашу бригаду, когда мы работали на отделке магазина.

– Еле упросил, чтобы в твою бригаду послали, – доверительно сообщил он Аркаше, протягивая направление.

– Чем обязаны такому вниманию? – спросил тот.

– Да, платят вам хорошо...

Мы переглянулись, но ничего не сказали. Лишь когда с Аркашей шли домой, он пробормотал:

– Ну, фрукт! Посмотрим в деле.

В деле Фома оказался расторопным и сметливым малым. Мы радовались, но, как оказалось, преждевременно. После первой же полочки мы судили Фому, судили всей бригадой – за пьянку и дебош. Мы сидели на койках, а Фома – на табуретке. Мы молча смотрели на него, а он кричал:

– Чего вы от меня хотите! Пил на свои кровные! На работу вышел вовремя. А если подрался, так дело до милиции не дошло!..

Мы молчали, как у постели тяжело больного, и это для Фомы было невыносимо. Он вскакивал с табуретки и уже не кричал, плаксиво тянул:

– Ну, ребята, ну, что вы... Аркаша, или я плохо работал?.. Ну, излупите меня, паразита...

Звания передовой бригады нас лишили. В первые дни Фома переживал, виновато заглядывал нам в глаза, старался услужить чем мог. Но как только узнал, что зарплата не уменьшится, повеселел.

– Поду-у-умаешь, звание, – ухмыльнулся он, – абы гроши платили, без званиев проживём.

Аркаша бросил ручник и дёрнул себя за ухо:

– Ха, вы слышали, о чём жужжит этот кустарь-одиночка с кулацким уклоном?

Мы побросали работу. Очевидно, наш вид не предвещал ничего хорошего для Фомы, и он опять заскулил:

– Я хочу как лучше, а выходит хуже. На вас, образованных, не потрафишь.

С этого дня и стали мы водить Фому на лекции и концерты.

Воспитанию он поддавался туго, за старое цеплялся упорно. Не удавалось заставить его учиться в вечерней школе.

– Памяти у меня нет, – жаловался он. – Бывало, учу-учу, а как вызовут к доске – всё начисто забуду. Ну и стою, как чурбак с глазами, а, чай, стыдно.

– Ещё не созрел, – констатировал Аркаша. – Его интеллект спит, как лодырь на солнышке. Но жизнь даст ему такого пинка под задний мост, что проснётся наш Фома за школьной партой. Разрази меня гром, если вру!

Фома только ухмылялся. А потом приехал этот столичный артист...

После работы мы шли в общежитие всей бригадой. Едва на дороге появлялся кто-либо из знакомых, мы ждали – вот сейчас скажет: «Ваш-то Фома...» Но знакомые проходили, о Фоме никто не говорил, а мы прибавляли шаг. В вестибюле комендантша встретила нас словами:

– Ваш-то Фома...

У меня пересохло в горле, у Аркаши на скулах забегали желваки.

А она продолжала, посмеиваясь:

– Пришёл как огурчик.

Мы метнулись по коридору, не дослушав её. «Значит, нализался», – подумал я, едва поспевая за Аркашей, который около двери прохрипел: «Ну, выдам я ему полной мерой!» И рванул дверь.

Фома стоял, прислонившись к оконному косяку, в нижней рубашке с засученными рукавами. Он повернул к нам лицо, наполовину закрытое рассыпавшимися волосами, и мы увидели, что он... трезв.

Аркаша остолбенел, но быстро пришёл в себя.

– Где же невеста? – воскликнул он. – Нам сказали, что ты сватать-ся пошёл.

– Это, чай, комендантша наплела. Лиса баба.

Он неторопливо прошёл к шкафу, открыл его и достал оттуда пиджак. Потом запустил руку в боковой карман и вынул какую-то бумагу.

– Вот... – он положил её перед Аркашей, отошёл и присел на койку.

Это был сложенный четверо листок плотной бумаги, покрытый причудливой нотной вязью. Мы вопросительно посмотрели на Фома.

– Да читайте, написано там! – махнул он рукой.

Аркаша развернул листок и прочитал вслух: «Дорогой друг Фома! Для меня встреча с Вами была встречей с моей молодостью. Жизнь прекрасна своим движением вперёд. Не жалеите труда, держайте и помните, что трудно только в начале пути. Народный артист СССР...»

Дочитав, Аркаша аж подпрыгнул на табуретке:

– Такого не случалось даже в Одессе! Он, этот артист, простого автографа никому не даёт. Тебе повезло!

Но Фома не разделял восторгов темпераментного Аркаши. Он сидел на койке, положив руки на колени, и вздыхал. Аркаша заметил его состояние и встревожился:

– С тобой, друг, что-то не того... Ты должен сиять, как надраенная медяшка, а ты... Выкладывай, в чём дело!

– Что ж тут выкладывать, – нехотя отозвался Фома. – Ведь к артисту я вчера не попал, не протолкаться было. Хотел у него спросить, как он столько языков постиг. С малых лет учил или как... Да и ты, бригадир, меня упрекнул вчера: без букета, мол, мелкота лезет...

Аркаша завозился, а Фома продолжал:

– Принял он меня честь честью. Букет я преподнёс, за шесть гривен купил. Чай он меня поил. Ну и... поговорили маленько. Всё про отделку меня выспрашивал: какими материалами да что отделяем. Альфрейщиком он в молодости был, потолок расписывал. Он мне про лаки, политуры, а я... кроме синьки да извёстки ничего не знаю. Стыдобушка... Адрес дал, московский. В гости звал. Пиши, говорит, друг Фома, как строитель строителю...

Он помолчал, потом взял ноты, посмотрел написанное и осторожно погладил бумагу:

– А что я напишу? Как из-за меня товарищи натерпелись? Как я всю бригаду подвёл?

Фома подошёл к окну и стал смотреть на улицу. Мы тихо вышли из комнаты.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЯТНИЦА

Сентябрьское солнце уже не палило, как летом, высушивая землю до каменной твёрдости. Оно просто грело ласковыми лучами. Лучи, просачиваясь сквозь ветки деревьев, пятнали землю золотыми веснушками.

Парк был запущен. Дорожки заросли упругими блинами спорыша. Засохшие деревья не вырубались, а стояли, вытянув голые пыльные ветви, как руки умирающего от жажды.

В парке был памятник, поставленный первым комсомольцам.

Но комсомольцев не стало, и памятник разрушался, превращаясь в руины.

В парке сохранилось несколько скамеек. На них коротали время старушки, приглядывающие за козами, которые паслись на заброшенных клумбах.

Скамейка в дальнем углу парка редко была занята, но на ней по пятницам всегда сидела парочка пожилых людей.

В эту пятницу Гаврилов пришёл в парк в тёмном костюме, ловко сидевшем на его сухопарой фигуре. Анны ещё не было, и он опустил ся на облупленную скамейку, некогда крашенную голубой краской.

Знакомство их состоялось полгода назад. Она заговорила первая.

Гаврилов был подавлен недавней смертью жены, и она предложила таблетку валидола.

С тех пор пятница стала их днём.

К сегодняшней встрече Гаврилов готовился особенно тщательно. Прежде чем выйти за дверь, остановился перед зеркалом, придирчиво всмотрелся. Обыкновенный, чуть выше среднего роста, с печальными серыми глазами. Кустистые брови тронуты сединой. Отдающий голубизной ёжик волос над широким лбом. Нос, по его собственному определению, «не кавказский, не нанайский».

«Ничего привлекательного», – с горечью подумал он, открывая дверь. Опять, в который раз, заколебался. Стоит ли говорить с Анной Андреевной, создавать ей ещё одну проблему?

Как обычно, в парке было безлюдно. Солнце гоняло золотых зайцев по первым опавшим листьям, увядающим на дорожках.

Гаврилов при встрече всегда целовал Анне ладошку и всегда задавал один и тот же вопрос: «Как Алёша?»

Алёша был сыном Анны Андреевны. Он, по счастью, проходил военную службу в родном городе и часто приходил в увольнение.

За время их знакомства не было случая, чтобы пропускалась хоть одна пятница. В дождливые дни Анна вытирала скамейку куском поролона, а он заботливо подстилал газету и раскрывал большой зонт, который укрывал обоих.

Их разговоры всегда начинались с Алёшки. Она говорила: «Алёшка малышом был очень плаксивым. Разрежешь яблоко – он в слёзы: яблочку больно».

«...В восьмом классе научился «крутить солнце», так, кажется, называется упражнение на турнике...»

«...В десятом классе получил медаль «За спасение утопающих». Девочку спас, пятиклассницу. Светой звать. В этом году школу заканчивает. С Алёшей дружит, в армию его провожала...»

Гаврилов отметил: рассказывая о дружбе сына и Светы, Анна Андреевна грустно улыбается. Он знал, что Алёшка рос без отца. Муж Анны работал где-то на Севере, летая туда самолётом. Это называлось «вахтовым методом». Однажды он не возвратился домой, прислал развод. Алёшка тогда учился в первом классе.

На вопросы о муже Анна Андреевна отвечала неохотно, и Гаврилов перестал касаться этой темы.

Она приносила и показывала карточки сына. На фотографии Алёшка был похож на сказочного Ивана-Царевича голубыми глазами и русыми кудрями.

Гаврилов сравнивал своего младшего с этим голубоглазым парнем. Свой сын был таким же плечистым, такой же широкой кости, только волосы его были жёсткими, в крупных блестящих завитках.

В прошлую пятницу Анна принесла чёрно-белую фотокарточку.

На ней Алёша не был похож на былинного Ивана-Царевича. Камуфляжная форма облегла фигуру, он стал тоньше в талии, а лицо утратило мягкость и было суровым. Гаврилов отметил ухватистость рук, стиснувших автомат.

Показывая карточку, Анна Андреевна сияла. Она нараспев читала его письмо, присланное из Чечни, с нового места службы. «...Мамуля, осталось совсем немного до дембеля, к ноябрьским праздникам приду домой», – писал он.

Слушая восторженный голос матери, Гаврилов вдруг сравнил душевный настрой солдата, назвавшего мать «мамулей» в письме из «горячей точки». Он знал по опыту сержанта-бронебойщика Великой Отечественной, что ласковые слова к родным и любимым солдаты таят в себе. Они, эти слова, приходят из сердца в редкие часы сна или вот так, в письмах, скрытые от чужого глаза. Действительность вытесняла природную нежность и доброту грубой прагматичностью. Обстановка подчас требовала резких слов и решительных действий.

Анна поверяла Гаврилову заветные мысли о будущем. Она говорила: «Вот придёт Алёша возмужавшим и сильным, и будет у меня в доме мужчина, моя опора. Женится он на Светланке, будут у них дети, а у меня внуки. Буду с ними, маленькими, приходиться в этот парк гулять. Представь себе, внучка будет с пышным белым бантом на голвке, а внук – обязательно в матросском костюмчике...»

Гаврилов понимал её, и ему было завидно. Завидно оттого, что не может вот так похвалиться своими внуками. Он тоже мог бы с ними гулять, покупать им газированную воду или мороженое. Ему так хотелось пойти на рыбалку со старшим внуком, который уже ходит в школу. Он привёл бы его на берег Волги рано утром, когда по воде плывут седые космы тумана, размываемые встающим солнцем. Он показывал бы внуку, как наживить червяка на крючок, в каком месте собирается рыба, куда закинуть леску с лесным поплавком. Гаврилову хотелось увидеть ни с чем не сравнимую радость в глазах внука, выловившего первую в своей жизни рыбку. Он знал и был уверен, что эта рыбка приворожит внука к замечательному увлечению – рыбалке. Он поведал бы внуку, как поведал в своё время ему отец, непреложную истину о том, что время, проведённое на рыбалке, не засчитывается в срок жизни. Но... внук его жил, как теперь говорят, в ближнем зарубежье, на самостийной Украине. А сын, обременённый заботами о выживании, о том, где и как заработать лишнюю кучмовскую гривну, не балует отца письмами. А младшие сыновья, промышляющие мелким бизнесом, не решаются заводить детей.

Гаврилов посмотрел на часы. Анна Андреевна, такая аккуратная, опаздывала на целый час.

Солнце время от времени закрывалось облаками. Дорожки без солнечных пятен становились серыми и скучными. И невесть откуда

появлялся острый сквознячок. Он шевелил опавшие листья, заставлял Гаврилова зябко поводить плечами.

Он всё чаще вглядывался в конец аллеи, ожидая увидеть полную фигуру Анны в шляпке с полями, в очках на тонком носу. Но аллея оставалась пустынной, и тревога исподволь вползала в сердце: уж не случилось ли чего?

Если он при каждой встрече спрашивал про Алёшку, то Анну при встрече интересовало: из дома ли Гаврилов пришёл? Дело в том, что с ним в квартире жил средний сын. Жена сына была молчалива, и Гаврилову казалось, что она им недовольна. Удрученный её постоянно сердитым молчанием, он уходил на неделю-другую к младшему сыну. Вторая сноха, наоборот, была говорлива и целыми днями трещала как сорока. Её болтовня не давала спокойно посидеть перед телевизором, вникнуть в хитросплетения думских политиков. Сноха не считалась с тем, что он любил после обеда полежать на диване, почитать книгу. Она говорила, не обращаясь к нему лично, говорила просто так. Ходила по комнатам и говорила о том, как растут цены «на всё-всё». Она сообщала, что к соседям приехали родственники из Туркмении и привезли огромные дыни, а Рукавишниковы из соседнего подъезда купили такую дыню для взятки, и теперь их Петька-новобранец служит здесь же, в городе, и уже приходил домой в солдатской форме. Сноха приводила подробности ссоры между Марьей Григорьевной и Наташкой-спекулянткой, которая оказалась ещё и колдуньей.

Гаврилов подозревал, что сноха, оставаясь одна в квартире, всё равно говорит без умолку, никого не видя, ни к кому не обращаясь. Она не стеснялась при свёкре надевать колготки, менять лифчики.

Кое-как выдержав неделю-полторы, Гаврилов уходил домой, где первые дни наслаждался тишиной, не замечая косых взглядов невестки.

Пятницы он ждал как праздника.

В последнее время его всё чаще занимала мысль о своей неприкаянности, ненужности ни сыновьям, ни снохам. Сыновья пребывают в беготне, чтобы в бизнесе удержаться на плаву, а снохи, если прихворнётся, не подадут кружку воды.

«Сойтись бы с Анной да и доживать век вдвоём», — думал он.

Но мысли эти он же и гнал, понимая, что женщина живёт одним сыном и ему, Гаврилову, нет места в её жизни.

За невесёлыми размышлениями он не заметил, как солнце заглотала сизая туча. А резкий удар грома заставил вздрогнуть и пригнуться – сказала окопная привычка. Этой привычке он усмехнулся и выпрямился.

И тут увидел Анну. Она шла, семеня ногами, будто по заледенелому скользкому мосту, часто останавливаясь, вытягивала вперёд руки, как делают слепые люди в тёмном незнакомом помещении.

Предчувствуя недоброе, Гаврилов подхватил женщину под руку, довёл и усадил на скамейку.

– На тебе лица нет, что случилось?

Она что-то хотела сказать, но дрожащий подбородок пропускал лишь разрозненные звуки, которые Гаврилов пытался связать в слова.

С новым ударом грома хлынул дождь. Анна, зарывав, упала головой на грудь Гаврилова:

– ...Алёшеньку... у...у...убили...

Они не замечали дождя. А он шёл стеной. Его крупные капли, как осколки, секли деревья, впивались в землю.

Лица их были мокры. Письмо-похоронка в руке Анны намокло, и с него скатывались сизые чернильные капли, как горькие слёзы.

Елена Панфилова

КРАСИВАЯ?!

Рассказ

«Ничего себе, красивая, – уныло подумала Элька, – нос курносый, уши торчат...разве что косы хорошие». Она с досадой отодвинула зеркальце и всхлипнула, но слёзы кончились. Осталось чувство потери и одиночества. В таких случаях вернуть душевное равновесие помогал тайный дневник – его Элька вела с пятого класса. Она достала из дальнего уголка книжного шкафа потрёпанную тетрадку и открыла на первой странице.

«1-е сентября. Сегодня к нам пришёл новенький. Все уже сидели за партами, а он опоздал. В дверь заглянул, спрашивает: «Здесь 5-й Б?», а сам рыжий-рыжий, веснушки яркие-яркие, а глаза – как васильки. И костюм в цвет глаз. Увидел, что на него все смотрят, и покраснел, аж веснушки стало не видно. Смешной такой». Элька улыбнулась. Да, с этой минуты смешной мальчишка прочно занял место в её сердечке.

«Сегодня мы со Славкой дежурили по классу. Он парты переворачивает запросто, потому что в гимнастику ходит...»

«Вчера в походе мы победили в соревнованиях, потому что Славка костёр с одной спички разжигает и так умеет компас держать, что по азимуту мы ближе всех к цели вышли...»

«Занималась со Славкой историей. У него отец пьёт, готовить уроки трудно. Анна Дмитриевна предложила записать его в группу продлённого дня, а он говорит, что это унижительно. Буду учиться на одни пятёрки и ему помогать. После школы вместе поступим в институт, станем учёными...»

Здесь Элька вздохнула: она-то на пятёрки училась легко, а вот Славка в учёные совсем не стремился.

«На улице весна. Так на душе хорошо. Сегодня ночью сочинила стихи:

*...Он самый лучший и красивый,
спокойный, строгий, молчаливый,
а синие глаза его – такие славные, лучистые –
похожи на озёра чистые, где небо всё отражено...»*

И дальше в том же духе на трёх страницах – не стихи, а целая поэма.

«Сегодня не было учительницы истории, и нас попросили тихонько посидеть. Мы и не шумели. Ну, пересаживались, конечно, с парты на парту, записками перебрасывались...»

Этот день Элька помнила хорошо. Записки летали и просто передавались из рук в руки. От мальчиков – к девочкам. Те краснели, хихикали или фыркали и писали ответы. Элька передавала записки во все стороны, но ни одна не задержалась у неё. Никто ей не написал.

«Спросила маму, как стать красивой. Она говорит, что красота не важна, что надо учиться, а не в зеркало смотреться и что главное – внутреннее содержание, а не внешность. Но в драматический кружок записаться разрешила. Говорит, что там меня, может быть, научат не сутулиться...»

Драмкружок стал новой эпохой в Элькиной жизни. Им руководила старая актриса. Её не интересовали школьные оценки. Она трепетно относилась к сцене и требовала от кружковцев, которых называла «студийцами», такого же отношения. Даже когда в доме пионеров

что-то случилось с отоплением, никому в голову не пришло репетировать в пальто или валенках! Вслед за руководительницей ребята влюблялись в сцену и мечтали стать артистами.

«Сегодня мне дали настоящую роль! Буду играть в пьесе про старшеклассников. Ничего, что там про девятый класс, а я только в седьмом, Майка по пьесе самая маленькая в классе – ведь все девочки разные, даже старшие. Елизавета Васильевна говорит, что я справлюсь. И ещё она сказала, что у меня талант. Завтра расскажу в школе».

Известие об Элькиных артистических успехах на подруг особого впечатления не произвело. Славка тоже ничего не сказал, только посмотрел на неё внимательно и немного грустно и вздохнул.

«Завтра в классе вечер – день именинника. Я сшила красивый воротничок к платью. Ольга Рожкова научила меня танцевать чарльстон. Думаю, будет здорово. Только бы не было сильного мороза, тогда погуляем. Надеюсь, Славка предложит мне, наконец, встретаться?»

Слёзы снова навернулись на глаза: не только не предложил, а не проводил даже. Ушёл после вечера с Людкой Петровой. Элька в полной растерянности домой пришла, ночью почти не спала и к утру твёрдо решила не показывать вида, что это её задело. «Наплевать мне на него», – сказала она подружкам, которые пытались выразить ей сочувствие: все давно наблюдали за ними со Славкой и считали, что им пора уже встречаться. Весь день она держалась гордо и независимо, но после уроков неугомонная Ольга Рожкова подбежала, запыхавшись, схватила Эльку за руку и потащила в уголок коридора за большущей пальмой – там девочки всегда секретничали. «Я всё узнала. Так напрямую и спросила: «Вы же с Элькой дружите, чего это ты вдруг с Людкой стал ходить?» Он пыхтел, краснел, а потом говорит: «Элька слишком красивая. Артистка. Она меня бросит». Вот дурак! Людка в сто раз тебя хуже...» Элька отняла руку. «Зря ты это, – сказала она Ольге, – совершенно зря!» Хотела сказать ещё что-нибудь – как во взрослой пьесе, но не смогла. Едва сдерживая слёзы, заторопилась в раздевалку. Дома долго плакала, уткнувшись в подушку. Потом стала рассматривать своё отражение сначала в маленьком карманном зеркальце, потом в «большом» (так они с мамой называли настольное зеркало, перед которым причёсывались: настоящее трюмо в их комнатухе не поместилось бы). Однако ничего утешительного не увидела.

Элька взглянула на часы: половина пятого. Пора было идти в кружок. Она закрыла тетрадку и положила её на прежнее место. Посмотрела в зеркальце: веки припухли от слёз, нос покраснел. Достала из комода мамину пудру, провела пуховкой по носу, долго растирала пальцами, чтобы не заметно было. Обычно она тщательно заплетала косы и подвязывала их «корзиночкой», ей казалось, что так худенькое личико выглядит круглее, но сегодня ничего не хотелось. Она заплела одну косу и небрежно забросила её на спину. Потом оделась и вышла на улицу.

«Артистка!» – послышался за спиной знакомый крик. Это был Колька Игошин, сосед по бараку. Много лет он портил Эльке жизнь своими преследованиями. Зимой бросал в неё снежками, летом догонял и дёргал за косы, сажал в волосы майских жуков, а однажды сунул за шиворот громадную гусеницу... Теперь вот прознал о её занятиях в кружке. Заслышав Колькины шаги, Элька обычно втягивала голову в плечи и спешила прочь. Так было всегда, но не сегодня. Слишком много накопилось обид.

Элька остановилась, обернулась, посмотрела Кольке в лицо и спросила: «Ну и что, что артистка?» Мальчишка растерялся. Он машинально продолжал стискивать в ладонях снежок и ничего не говорил. Глаза у него потемнели и стали как будто больше. И в этом взгляде Элька прочла то, чего не могли сказать ей самые лучшие зеркала: красивая. «Ну и что же?» – повторила она, потом чуть усмехнулась, отвернулась и, высоко подняв голову, зашагала прочь. Ненужный снежок упал на тротуар. Колька сунул обветренные руки в карманы и медленно, словно нехотя, пошёл за ней следом.

ТАРЕЛОЧКА

Рассказ

– Если бы могли воспоминания сами на бумагу ложиться, такая повесть вышла бы! А то мало, что сами не записываются, так ещё и скачут, словно белка...

Таисия улыбнулась своим мыслям и потянулась к стопке вымытой посуды за следующей тарелкой.

– Вот эту тарелочку взять. Вроде простенькая: белый фаянс, по краям маленькие букетики: сверху розовый мазок-лепесток, по бокам от него – два голубеньких, а снизу три зелёных листика.

Прислонившись к подоконнику, Таисия медленно вытирала тарелку и пристально разглядывала её.

– Надо же, какая сеточка морщин с годами образовалась... и пятнышки какие-то появились.

В открытое окно задувал мягкий майский ветер, пахло раскрывшимися тополиными почками.

– Девятое мая. И тогда, в сорок пятом, погода в тот день хорошая стояла. Нам как сказали, что войне конец, победа наша, Господи, что мы только творили! И визжали, и прыгали, и обнимались. Дети же. Потом кто-то крикнул: «А тарелка-то!» И все побежали к Вале.

Когда их вывозили из Ленинграда, мало у кого из детей были с собой какие-то вещи. У большинства ничего и не сохранилось. Особым предметом зависти были фотографии, письма от родителей, ценились какой-нибудь домашний шарфик или вышитая салфетка. А у Вали в маленьком фанерном чемоданчике хранилась настоящая фаянсовая тарелочка, своя, домашняя, точь-в-точь такая, как эта: розовый мазок, два голубеньких и три зелёных листочка. В детском доме кормили из тарелок, но они были сделаны из целлулоида и противно пахли, когда в них наливали горячую еду. А Валя ела из домашней тарелочки, заботливо мыла её и прятала в чемоданчик. На что только не пытались эту тарелочку у Валуши выменять! Но она держалась твёрдо: «Нет, вот разгромим немца, настанет победа, тогда я её разобью. Чтоб война от нас отвязалась».

И вот толпой, чуть ли не всем детдомом ввалились в спальню и окружили кровать, на которой Валя сидела. Стояли и молчали. А она поднялась, достала чемоданчик, вынула тарелочку, посмотрела на неё, а потом подняла повыше и отпустила. Брызнули в стороны белые осколки, мелькнули розовые и голубые мазочки-лепесточки. Радостно было, а посудинку всё-таки жаль.

Таисия глубоко задумалась. Прижав к груди тарелочку и влажное полотенце, она смотрела в окно, но ничего не видела. Отпущенные на свободу воспоминания мчались дальше.

Как обрадовалась, когда увидела на прилавке промтоварного магазинчика точно такие тарелочки! Конец мая стоял, сдавала последние экзамены в техникуме, готовилась к отъезду. Незадолго до того вышла замуж, и назначение молодому лейтенанту дали в Венгрию.

Ей хотелось, чтобы своё было в хозяйстве – на самое первое время. Толик убеждал не возиться с покупками, дескать, куда военного судьба занесёт, там он и обустроится. А уж когда с такой женой вместе... Вообще она мужа слушалась, но тарелочки купила, не удержалась. Очень уж ту, Валину, напоминали.

В Венгрии действительно хорошо устроились, и посуда была замечательная, не чета простому фаянсу. Всё прекрасно было, до того дня в пятьдесят шестом, когда, зажимая под мышкой сумочку с документами и прижимая к груди годовалую Людочку, вместе с другими женщинами томилаась страхом и неизвестностью в центральной части гарнизона, в то время как мужчины исполняли свой долг. При первой возможности их эвакуировали в Союз.

Здесь устроили, конечно. Жильём обеспечили, Людочке пенсию за отца назначили, садик без очереди дали, ей работу нашли. Жили не хуже людей.

Как-то у Толиной мамы гостили, и там такая же тарелочка оказалась. Сама Таисия в жизни не решилась бы её попросить, но малоежка Людочка так из неё хорошо кушала, что бабушка умилилась и сделала внучке подарок.

И вот тоже майский день был. Мыла после завтрака посуду, когда в дверь позвонили. Людмила бегом открывать бросилась, даром что на сносях была: Гриша из Афгана обещал письмо передать и посылочку для маленького.

Таисия поёжилась.

Как Людочка закричала! До сих пор при воспоминании – мурашки по коже. Уже потом, когда «скорая» уехала, и поплакали вместе, и поговорили. И выругать дочку пришлось: никто не гнал за военного, теперь ребёночка беречь обязана, Гришину кровиночку. После всего вошла в кухню, а там весь пол осколками усыпан. Розовый мазок, голубой мазок, зелёные листики...

А эту купила в девяносто первом, когда вся страна в сплошной блошинный рынок превратилась: стелили на асфальт газету или клеёнку и расставляли-раскладывали домашний скарб, припасы. Вот у одной женщины в стопке разномастных тарелок снова увидела знакомые розовые и голубые лепесточки. И не устояла, купила. Думалось: внучка замуж выйдет, буду правнучку из любимой тарелочки кормить.

Эх, что там загадывать. Вышла Галинка замуж, а новобрачного в армию призвали. И сразу в Чечню. Очень уж его мать потом убивалась: «Не осталось у меня на земле родной кровиночки! И зачем вы, Галенька, до свадьбы-то терпели...»

Что-то грохнуло в вечернем воздухе.

– Обстрел! Да нет, какой обстрел, из детства испуг пришёл. Просто петарда.

Однако руки от испуга разжались, и любимая тарелочка усеяла кухонный пол белыми осколками. Приходя в себя от воспоминаний, Таисия всхлипывала и вытирала слёзы. В кухню вошла внучка.

– Бабуленька, ты что, родная? Не плачь, посуда к счастью бьётся.

Крепкие молодые руки обняли за плечи, гладили успокаивающе по спине. Галя прижалась к бабушке круглым, тугим животом, потёрлась о лицо нежной щёчкой и защебетала:

– На УЗИ сказали – девочка, а Сашка расстроился. Глупый, девочки-то лучше! Когда много девочек рождается, войны дольше не бывает.

– Вот и славно, – подумала Таисия. – Не жалко тарелочки, только бы отвязалась от нас, наконец, война эта проклятушая.

Виктор Трошин

«СЕСТРА ВО ХРИСТЕ»

Нельзя сказать, что до смерти бабушки бабушка вообще не верила в Бога. Нет, верила, конечно, и даже изредка в церковь ходила, но верить по-настоящему ей было всё как-то недосуг – и огород все силушки выматывал, и на базаре надо было торговать, и нас с дедом кормить да обстирывать. В общем, до этого верование её было каким-то запыленным: и свою вину перед Богом за то, что не уделяла Ему должного внимания, чувствовала, но и отжаться Ему нацело, по занятости своей, никак не могла. Со смертью же бабушки она остро ощутила себя «великой грешницей» и со всей своей необузданностью «отдалась Господу». Время также содействовало этому: стояла глухая зима, и всех дел на огороде – кот наплакал.

Оставлять меня дома теперь стало не с кем, и мне приходилось сопровождать бабушку в церковь. В свои шесть лет я ходил туда с удовольствием. В церкви я, как и на базаре, вполне освоился.

Очень нравилось мне давать милостыню нищим и убогим, которых в те времена в нашем Куроедове, и особенно возле церкви, было предостаточно. Для этого бабушка ещё дома выделяла мне мелкие деньги и наставляла, чтобы я давал каждому.

А более всего я любил причащаться. Едва батюшка успевал произнести: «А теперь, дети мои, вкусим тела и крови Христовой...», как мы, ребятишки, которых в церкви по воскресным дням всегда было много, выстраивались в длинную очередь впереди взрослых и «вкусали».

Наделённый от природы хорошей памятью, я быстро заучил непонятные молитвы, а богатое воображение позволяло мне во время этих молитв воочию видеть в благообразном седобородом старце, распростёршем под куполом церкви руки свои, действительного, живого Бога.

А дома бабушка каждый день теперь читала мне вслух «Евангелие» и «Жития святых», а потом объясняла прочитанное. Если я не понимал, начинала сердиться и ругаться. Здесь, однако, я быстро нашёл на неё управу.

– Бабуля, – говорил я, – не ругайся, Боженька всё видит.

И действовало! Бабушка прекращала ругаться, испуганно молилась и терпеливо объясняла снова.

Наказывать меня, что прежде случалось частенько, она совсем перестала. В этом, впрочем, теперь уже и не было надобности – чтобы урезонить меня, ей также вполне хватало одного лишь напоминания о вездесущем Боге. Да и вообще в ту зиму мы оба как-то присмирели: на бабушку давило непомерное горе её, а я, точно барометр, чутко реагировал на любое её состояние. Особенно тяжело было нам, когда бабушка принималась вспоминать прошлое. Тут она совсем раскисала, доводя до слёз и меня. Теперь дедушка представлялся ей каким-то особенным, каких на земле, дескать, и не появлялось ещё, нарекала его «великомучеником». И хотя дедушка не был верующим и она, бывало, поедом ела его за это, но это всё уже напрочь забылось, бабушка почитала его сейчас как «наипервейшего сына Божия». И всё это со слезами да с причитаниями.

Оплакав деда, бабушка переходила к рано умершей дочери своей Валентине. Затем – к сыну Фёдору, который как уехал куда-то после войны, так и не подал о себе ни единой весточки. Потом добиралась и до остальных, живых и здравствующих детей своих – всех жалела, и они были в воспоминаниях её послушными, добрыми, ласковыми.

Лишь после церкви, отслужив поминания, бабушка несколько прояснялась, но ненадолго – дня на три всего, а потом опять начинала терзать и себя, и меня воспоминаниями да слезами. И к очередной воскресной службе мы шли, будто и впрямь «крест тяжкий несли», но всё же и с великой надеждой, что вот совсем скоро, сейчас Господь снимет с нас этот груз...

Когда церковь нашу неожиданно закрыли, бабушка попричитала, поохала и однажды в воскресенье собрала меня, и мы поехали с ней на поезде в Сызрань – в ближайший от нас действующий Казанский собор, куда сразу же после закрытия нашего прихода стали ездить еженовременно наиболее преданные Господу прихожане наши.

Как и ожидала бабушка, дорога выдалась – хуже некуда. Это сейчас от нас до Сызрани лишь два часа на электричке, а тогда на нашей железнодорожной магистрали ещё доживали свой век паровозы. Тащились они медленно (в один конец у нас ушло на дорогу почти пять часов!), к тому же ужасно дымили, и дым проникал даже в вагоны, а бабушка уже тогда страдала астмой и очень мучилась «без воздуха». Да и не одни мы направлялись в Казанский собор – более половины всех пассажиров в поездах, идущих в сторону Сызрани по воскресным дням, были верующие – и из Куроедова, и со всего нашего района. Сразу же возникла проблема с билетами, и если бабушка смогла купить билеты без особого труда, воспользовавшись доброй памятью о дедушке среди его сослуживцев-железнодорожников, то другие просились в поезда у проводников «за Христа ради», а потом толпились в тамбурах и проходах, теснили и давили пассажиров «благородных», как говаривала бабушка, то есть тех, кто ехал по билетам. Было душно, шумно, постоянно возникали из-за мест склоки и даже драки. То и дело, прося милостыню, сновали мимо калеченные, увечные, погорельцы, слепые, обворованные в дороге и прочие «истинные дети Божии», и бабушке пришлось потратить на подаяния куда больше, чем когда мы ходили в нашу церковь. Хоть и ворчала потом, когда очередной проситель проходил дальше, что, мол, притворщики всё это и лодыри, которым просто работать не хочется, а как не дать: вдруг и в самом деле – «чадо Господне». Да и много в вагоне наших, куроедовских, а они – «усё видят, усё примечают».

Так же было, когда возвращались уже поздней ночью.

Всё это пришлось бабушке «не по нутру», и она тотчас же изобрела план, который разом помог бы ей избавиться от изнурительных поездок в Сызрань: решила организовать в Куроедове... молельный дом. К осуществлению этого грандиозного замысла бабушка, по обыкновению своему, приступила сразу же, прямо в поезде: обговорила свою идею с несколькими старушками, также крайне измученными поездкой, благосклонно приняла их восхищение своим умом и немедля заручилась их поддержкой.

Все последующие дни бабушка была занята «по саму маковку». Первым делом обошла, по своему усмотрению, ещё десятка два «сестёр», обговорила всё подробно и с ними. Потом во главе целой делегации отправилась к одинокой старушке, проживающей в большом пустующем доме, и без особого труда склонила её к согласию на проведение у неё ежевоскресных богослужений. Не забыла также получить разрешение и от властей, ни минуты не размышляя, дала подписку в поселковом совете о том, что никаких антигосударственных проповедей в доме этом проводиться не будет. Собрала среди вновь образовавшейся «паствы» всевозможные иконы, подсвечники, огромную кипу религиозной литературы – всё, что ни попало под руку.

И в следующее же воскресенье все избранные бабушкой «сёстры» собрались на своё торжество. Но этот великий праздник вылился, главным образом, в стремительное бабушкино возвышение над нашими куроедовскими старушками. Надо было только видеть, с каким достоинством она принимала поздравления! С какой уморительной смиренностью, вот-вот готовой смениться горделивым хвастовством, встречала всё прибывающих и прибывающих «сестёр»!

Но бабушка сдержалась-таки. Уж как умела, произнесла короткую вступительную речь, и «новый храм Божий» начал действовать.

Окончив всего два класса церковно-приходской школы, бабушка была почти безграмотной – кое-как могла отвечать на письма и с трудом, по слогам читала. Мне-то она ещё могла что-то читать и объяснять (хотя я к тому времени читал и писал благодаря дедушке уже лучше её), но вот «сёстрам», многие из которых были гораздо грамотнее, конечно же, – уже нет. И она, по своей природной смекалке, сразу сообразила это – тут же выделила самых образованных и назначила

их «чтицами». Но вот что именно читать и в каком порядке – право решать это оставила за собой.

Обычно сначала читалось наскоро по молитвеннику (безо всякого соблюдения канонов!) несколько молитв, подходящих к данному дню, в который проходило «служение», потом – что-нибудь из «Евангелия», а затем начиналось самое «главное» и длительное – читались «Жития святых». «Жития» были наиболее доступны бабушкиному восприятию, и она отдавала им полное предпочтение.

Буквально с первого же дня она прямо-таки замучила всех чтением «Жития Алексея – Божьего человека». Это была какая-то «самодельная» – длинная и неудачно срифмованная вариация «Жития Алексея». Очень жалостливая, впрочем. И поначалу, слушая её, все «сёстры» заливались слезами. Особенно сильно действовала она на бабушку мою. По-видимому, и имя Алексей, и кротость, и терпимость его ассоциировались у неё с дедушкой. Она каждый раз во время чтения об Алексее теряла чувство, и её приходилось потом долго отхаивать. Но всё-таки снова и снова заставляла «чтиц» перечитывать это «Житие». Вскоре «сёстры» плакать перестали, а глаза промакивали платочками лишь для вида. Но бабушка, на беду свою, этого не заметила.

Это, однако же, не ускользнуло от меня, и я решил, что происходит так оттого, что история об Алексее просто нескладно рассказана.

Ну, вот, к примеру, начальные строки её:

*Я родился в городе Риме.
Нежно, быстро возростал.
И отец мой, Афемиян,
Меня строго воспитал...*

Ведь правда, не очень складно? Мне тоже так тогда показалось.

И, зная «Житие» от начала до конца наизусть, я всё его мысленно отредактировал. Оно стало выглядеть у меня следующим образом:

*Я в городе Риме родился
И быстро я там возростал.
И Афемиян, мой папа,
Строго меня воспитал...*

Я рискнул поделиться своим поэтическим опытом с бабушкой, она... пришла в неописуемый восторг! И по мере того как я рассказывал, едва опять не лишилась чувств. Но не лишилась всё же и, подзреваю, потому только, наверное, что мы были дома вдвоём.

Как только бабушка не прославляла меня! Что я, де, и Самим Богом отмечен; что не иначе как меня какой-нибудь Ангел посетил; что отныне, мол, мне неминуемо рай на том свете обеспечен и тому подобное в том же духе!

Она тут же усадила меня записывать «Житие» в моей обработке на бумаге, а сама бросилась оповещать «сестёр» о «чуде», посетившем наш дом. Не иначе как бабушка вознамерилась провозгласить меня чуть ли не наместником Господа на земле.

Поторапливаемый и подбадриваемый бабушкой, я не покладая рук трудился дней пять – до самого воскресенья. И вот, наконец, мы пошли на молебен. Бабушка всё проверяла, не потеряла ли листки, на которых записано «Житие», всё ли нормально у меня с одеждой. Но в этот день её ждал первый удар: пересказ мой приняли более чем прохладно – никто даже и не всплакнул ни разу. Просто слушали себе спокойненько да не торопясь крестились...

Так был встречен мой первый крупный литературный опыт. И совсем не по причине бездарности моей. Как выяснилось позже, «сёстры» предпочли всё же именно этот вариант «Жития Алексея – Божьего человека» и ещё лет пятнадцать назад нет-нет, да и почитывали его. Сейчас, когда все старушки давным-давно померли, наверняка истлели и те листки с моими детскими каракулями...

Всю последующую неделю бабушка пребывала в полном недоумении. А в следующее же воскресенье всё открылось: против бабушки готовился «заговор»! Когда мы в тот день, по обыкновению чуть запоздав, пришли в «бабушкин молебельный дом», служба, о чём раньше и помыслить-то было нельзя, была уже... в полном разгаре.

И проводил её... горбатенький дьячок – помощник умершего нынешней зимой батюшки. Оказалось, что «сёстры» отыскиали его, и он охотно согласился вести дело не так, «как этот бес в юбке – Катька Дергунова, а как оно и положено в самделишной церкви».

Вот это был удар так удар!

Бабушка сначала оцепенела, потом затряслась и пронзительным злобным голосом обозвала всю службу... «вертепом антихристовым». Не слушая робких, но благоразумных объяснений «сестёр», сорвала со стены свою личную икону, забрала две Библии свои и, уходя, так шарахнула дверью, что упало со стены ещё несколько икон. Она даже про меня в этот момент забыла, и я едва догнал её на улице.

Бесилась бабушка, наверное, дней десять. Сколько посуды перебила, сколько раз дверь в горницу с петель срывала! А мне опять то и дело Бог весть за что перепадать стало. Ужас, что творилось – хоть из дома беги без оглядки!

Но, слава Богу, здесь уж и остатки снега сошли, земля запарилась. Потянуло бабушку на огород. Так истосковалась по работе, так в неё впряглась, что забывала порой и меня покормить, и сама поесть. Стала опять стонать по ночам от «ломоты в спинушке», но всё равно вставала чуть свет – «аж до солнышка».

– Бог-то Бог, – всё чаще приговаривала, – да, мотри, сам не будь плох. Сам не добудешь – никто не подаст...

Снова стали проводить мы дни свои на базаре, а раз в месяц, по воскресеньям, упрямо продолжали ездить в Казанский собор. А модельный дом в Куроедове бабушка по-прежнему называла «вертепом» и успокаивала себя тем, что «настояща-то служба тока в церкви бывает».

Видно, и во мне что-то там такое сорвалось – озорничать я стал.

Всё норовил улизнуть с базара то с ребятами на речку, то ещё куда-нибудь. Бабушка со мной вконец измучилась. Всё чаще и чаще приговаривала:

– Господи! Вот лихо-то навязалось на мою головушку! Да за што ж мне мука едакая! Да уж забрали б ты, што ли, поскорейча! И ет в кого ж такой несусветный баловень народился-то?..

Говорила так, а вот когда, как снег на голову, пришло письмо от мамы с её нового места жительства о том, что она скоро придет и заберёт меня, – всю ночь над этим письмом проплакала...

Любила она меня! Больше всех своих внуков любила...

Леонид Воротынский

О ПРАВНУЧКЕ ГУСАРА И ПОЭТА

Родословная

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) – гусар, герой-партизан Отечественной войны 1812 года – поэт, был женат на Софии Николаевне, урождённой Чирковой. Постоянно, с 1829 г. жил в имении Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии, которое принадлежало его супруге. У них было девятеро детей (пятеро сыновей и четыре дочери). По старшинству: Василий (1822–1882), Николай (1825–1885), Денис (1826–1867), Ахилл (1827–1861/62), Екатерина (1829–1898), Юлия (1832–1882), Вадим (1832–1881), София (1833–1885), Евдокия (1839–1886)*.

Второй сын поэта – Николай Денисович Давыдов – женился на Софии Петровне, урождённой Бестужевой. У них было пятеро детей. По старшинству: Мария (1856–1922), Николай (1860–1920), София (1862–1940) и два брата-близнеца Пётр (1864–1910) и Александр (1864–1868), который умер в детстве.

* Сызранский Филиал ЦГА Самарской обл. Ф. И-63. Оп.2 Д.1

София Николаевна Давыдова (дочь Николая Денисовича Давыдова) вышла замуж за Владимира Александровича Буторова. Трое детей (Николай (1884–1970), Юлия (1885–1946), Ольга (1887–1950)) были правнуками Дениса Васильевича Давыдова по женской линии*. Юлия была участницей Первой мировой войны и в четвёртом поколении продолжила славную традицию всех русских воинов и своего прадеда Дениса Давыдова защищать Отечество. Это случилось через 100 лет, в Отечественную войну 1914–1918 гг.**

Детство. Юность

Юлия Владимировна появилась на свет 20 мая 1885 года в родовом имении Давыдовых – Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии. В 1887г. причислена к дворянству. Первоначально получила домашнее образование, её обучала гувернантка. С осени и до весны семья жила в г. Санкт-Петербурге (там служил отец), а лето проводила в имениях Верхняя Маза, затем – Вязовое, где был построен новый дом. Детство Юли протекало весело и беззаботно.

В сентябре 1897 г. родители отдали Юлию в Екатерининский институт (пансион) в С.-Петербурге. Пока она училась, трогательную заботу о ней проявляла бабушка по отцовской линии Юлия Карловна Буторова (урождённая Геркен), которая проживала в С.-Петербурге. Шесть лет подряд, каждые четверг и воскресенье, она посылала внучке пакет с гостинцами. Когда девушка болела, бабушка ежедневно справлялась о её здоровье. На летние каникулы Юлия приезжала в имение Вязовое. Время проходило интересно. Ездили в гости к родственникам.

23 мая 1903г. Юлия окончила институт. Ей исполнилось 18 лет – впереди была вся жизнь, которая манила своей загадочностью и, как представлялось девушке, безоблачным, счастливым будущим. Она стала взрослой, и ей предстояло войти в общество. Мать, София Николаевна, представила дочь ко двору – Императрице Александре Фёдоровне.

* Сызранский филиал ЦГА Самарской обл. Ф. И-63. Оп.2 Д.1

** Войну 1914-1918гг. против германцев и австрийцев в России называли Великой, Отечественной. С захватом власти большевиками в октябре 1917г. – это название было запрещено и заменили ленинским определением – империалистическая.

Зиму провели в Петербурге: вечера, балы, театр. Здесь встретили известие о начале Русско-японской войны в январе 1905 г. Уже вскоре Юлия вместе с матерью работала на складе Императрицы Александры Фёдоровны, где шили бельё для армии.

Весной 1905 г. уехали в своё имение Вязовое. Оно находилось недалеко, в пяти верстах от Верхней Мазы. Лето 1905 г., как вспоминает София Николаевна, «было беспокойное, волнения среди крестьян», в том числе и в Симбирской губернии.

В конце сентября 1905 г. Юлия, Ольга и мать ездили в Крым (г. Ялта). Пробыли там полтора месяца. Затем на зиму 1906 г. отправились в г. Петербург, чтобы отвлечься ото всех неприятностей и переживаний. С этого времени, с весны и до осени, жили в имении Вязовое. А на зиму возвращались в Петербург. В апреле 1909 г. Юлия ездила в Швейцарию к их бывшей гувернантке. И погостить, и посмотреть страну. Осенью 1911 г. Юлия отправилась в Константинополь (Турция) к своей подруге Марии Николаевне Кушелёвой. Прожила там до декабря. Одной из причин поездок Юлии за границу было то, что она была любознательной и эстетически развитой личностью – чутко воспринимала красоту природы и любовалась пейзажами, а также архитектурой городов других стран.

Зиму 1913–1914 гг. Юля с матерью провела в Петербурге. Там же жила и её младшая сестра Ольга, бывшая замужем за Константином Павловичем Шабельским, который, как и её брат, окончил Императорский Александровский Лицей. Весной 1914 г., как обычно, отправились в имение Вязовое. В конце июня 1914 г. Юлия уехала погостить в Старую Руссу, где жили Шабельские (сестра Ольга с мужем и дочерью Софочкой). Здесь и застала её Первая мировая война.

В Первой мировой

Юлия была истинной патриоткой. С началом войны она захотела принять посильное участие в защите Отечества. С принятием такого решения сложностей не возникло, так как она была не замужем, детей не имела. Послала матери известие: уехала в Петербург, чтобы поступить в Кауфманскую общину на ускоренные курсы сестёр милосердия. И попросила благословения. Получили его и дочь, и сын Николай. А иначе и быть не могло. Так Давыдовы и Буторовы были

воспитаны. Мужчины в их роду были, в основном, военными и «верой и правдой служили Отечеству». Один прадед (по матери) Юлии Денис Васильевич Давыдов, генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г. чего стоил!

После окончания курсов, 18 сентября 1914 г., Юлию с шестьюдесятью четырьмя сёстрами милосердия направили на Юго-западный фронт. Мать не смогла её проводить, так как полевые работы в имении были в разгаре. В г. Киеве уже первого октября Юлию определили во второй санитарный поезд Красного Креста. Он действовал на передовых позициях, т.е. непосредственно возле линии фронта, обеспечивал эвакуацию раненых. Место дислокации санитарного поезда – Восточная Галиция (территория Австро-Венгрии). Она к этому времени уже была занята русскими войсками, но бои продолжались. Поезд, в котором находилась Юлия, курсировал к линии фронта, останавливался на железнодорожных станциях. Там медики забирали раненых, оказывали им первичную и неотложную помощь. А затем отвозили в госпитали или перегружали на другие санитарные поезда.

Четвёртого октября, в день начала деятельности Юлии в качестве сестры милосердия, санитарный поезд выехал к линии фронта – железнодорожным станциям Бердичев – Броды – Львов, а затем и к другим в районе боевых действий.

В своём дневнике, который Юлия Буторова вела на фронте с самого начала своего пребывания там, т.е. с 23 сентября 1914 г. по 31-е августа 1916 г., она довольно подробно, эмоционально и образно описывает тогдашнюю жизнь. В том числе – эвакуацию раненых и уход за ними в пути следования; бытовые детали; отношение к войне, в которой участвовала Россия; впечатления о городах и населённых пунктах, в которых доводилось останавливаться. Выражала также своё негодование по поводу безобразий, творившихся в армии. Фронтной дневник состоит из четырёх отдельных тетрадей. В одной из них – письма сугубо личного характера. На каждой тетради дата начала и завершения. Видимо, дар, который имелся у прадеда Юлии Дениса Васильевича Давыдова, в какой-то степени передался и ей – она обладала незаурядным литературным и художественным вкусом, была хорошим рассказчиком, знала много стихотворений. Кроме фронтовых записей (дневника), сохранились и фотографии. Юлия, очевидно,

делала их сама. На снимках запечатлены не только она сама и фронтовые товарищи (её подруги – сёстры милосердия, офицеры и рядовые), но и эпизоды Первой мировой войны. Сохранились 283 фотографии.

Почему дальше Юлия Владимировна не продолжила записи (как на фронте, так и после войны), неизвестно. Может, они потерялись в вихре революционных перемен. Может, не было условий для продолжения. А может, были и другие причины.

Как следует из дневника, у Буторовой были минуты отчаяния и безнадежности, когда хотелось бросить всё и уехать с фронта. Но она, несмотря на невероятные трудности, страдания и переживания, болезненное состояние, себе этого не позволила. Чувство долга, сострадание, любовь к Родине были превыше всего: личных чувств, переживаний и недомоганий!

Фронтовые записи Юлии закончились в августе 1916-го года, но её пребывание на фронте, судя по дошедшим до нас источникам, не завершилось. Поскольку Первая мировая война приняла затяжной характер, то рядовому и офицерскому составам, в том числе и медицинскому персоналу, в действующей армии, по мере возможности, предоставляли отпуска. Юлия Владимировна несколько раз воспользовалась ими. Первый отпуск она получила, притом неожиданно, 30 декабря 1914 г., на десять дней. Провела его в Петрограде, повидалась с родными. Вернулась во Львов 12-го января 1915 г.

Софья Николаевна Буторова (мать Юлии Владимировны) пишет в своих воспоминаниях: «В декабре (1916 г.), ко мне приехала моя старшая дочь в отпуск, мы с ней прожили около двух недель на Вязовом и уехали в Петроград 22-го декабря. По дороге читали в газетах об убийстве Распутина». В начале февраля 1917 г. она проводила Юлию на фронт.

Следующая запись. «В июле (1917 г.) приезжала моя старшая дочь с фронта и, видевши, что там происходило и как разлагалась вся армия, умоляла меня всё продавать, ничего не беречь и не оставлять. Но я не поверила её рассказам и сделала этим огромную ошибку».

Следовательно, Юлия была на фронте до осени 1917 г. Это – точно. Но вполне возможно, что и до прекращения военных действий (декабрь 1917 г.). По имеющимся сведениям, Юлия Владимировна была награждена Георгиевской медалью.

После фронта

Очевидно, после фронта, в конце 1917 г., Юлия Владимировна направилась в Петроград. Больше ехать было некуда: имение в Вязовом разорено. Знакомые находились в Петрограде. Там же оказался брат Юлии Николай, тоже вернувшийся с фронта. Мать находилась недалеко – в Финляндии – вместе с младшей сестрой Ольгой. Известно, что весной 1918 г. брат Юлии Николай предложил ей поработать в антикварном магазине, который он открыл вместе с товарищами. Но эта затея длилась недолго, так как большевики быстро прикрыли частную торговлю. 19 августа 1918 г. Юлия вместе с матерью, которая с риском попасть под арест приехала из Финляндии, была на свадьбе Николая с Надей Кох. В сентябре она проводила молодых, когда те уезжали из Петрограда в Стокгольм (Швеция).

В эмиграции

Весной 1919 г. Юлия эмигрировала из России. Тайно на лодке контрабандистов перебралась в Финляндию, в местечко Мустомяки, где находились мать и сестра Ольга с детьми. С этого времени началась жизнь Юлии за границей, которая была для неё чужбиной. Всё хорошее, светлое и радостное осталось в России, в той стране, в которой она родилась, провела счастливое детство и юность. И даже та война, в которой Юлия участвовала, была её войной, несмотря на все тяготы и страдания.

Вскоре Юлия Владимировна с матерью уехала в Швецию, так как в Финляндии было трудно. Некоторое время они жили в имении графини Поссе. Та занималась благотворительностью и оказывала помощь русским эмигрантам. Графиня радушно их приняла. Юлия особенно сдружилась с её дочерьми. Через месяц – полтора переехали на дачу Натальи Кузьминой-Караваевой, дочери генерала Селиванова. Его Юлия знала по фронту. Затем – на дачу под Стокгольмом, которую снял брат Николай. Через некоторое время Буторова устроилась на работу, но всё равно жили очень скромно. Пробыв некоторое время в Швеции, Юлия Владимировна вместе с матерью переехала в Австрию, а затем в Берлин.

Узнав, что Алексей Татищев, которого Буторова хорошо знала, так как он был однокурсником её брата Николая в Императорском

Александровском Лицее (выпуск 1906 года), проживает в Константинополе, Юлия Владимировна стала хлопотать о его переезде в Берлин. Лёша, как его называли все близкие, после окончания лицея и до революции работал помощником начальника Переселенческого Управления. В армию он не был призван по состоянию здоровья. После войны Юлия, очевидно, с ним встречалась в Петрограде. В конце лета 1923 года они были объявлены женихом и невестой. Свадьба состоялась 5 сентября 1923 года. Вскоре Софья Николаевна переехала в Брюссель, где жил Николай с семьёй, а Татищевы переехали в Париж, чему помогло поступление Алексея главным бухгалтером в шведскую фирму, где он проработал до начала Второй мировой войны (1939-й год).

Юлия Владимировна помимо воспитания дочери Марии (Марьюшки), родившейся 23 ноября 1924 года, вела домашнее хозяйство. Заодно присматривала за матерью, поселившейся у них с начала 1926-го. Татищева хорошо рисовала и чудно вышивала сумки мелким крестиком. Её работы очень нравились богатым американкам. И благодаря дружбе с дочерьми Великого Князя Павла Александровича мастерица выполняла заказы. Во время Второй мировой войны Татищевы проживали в Париже. Юлия Владимировна зарабатывала тем, что украшала замечательной вышивкой гладью летние соломенные шляпки. Таким образом она, как могла, пополняла бюджет семьи. В связи с возрастом, переживаниями и перенесёнными трудностями её здоровье стало ухудшаться.

Юлия Владимировна умерла 21 января 1946 года. Похоронена, как и её мать Софья Николаевна Буторова (урождённая Давыдова), на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Протоиерей Леонид Коркодинов

НАТЕЛЬНЫЙ КРЕСТИК

Сегодня Пасха!

В казарме нет приятной праздничной суеты, но он – вокруг. И наполняет собой воздух, и проникает в души воинов-музыкантов.

У многих из них есть нательные кресты и уважительное отношение к христианскому символу. Для одного это – память о бабушке или матери, ведь это они надели крестик на сына как благословение. Для другого – оберег от зла. Для третьего – «оружие на дьявола»... В любом случае многие крещёные солдаты не считают его обычной висячей безделушкой. И стало это понятным сегодня же, когда старшина всем приказал крестики снять.

Армия переходила на летнюю форму одежды. У здешнего осеннего призыва то было первое лето «в сапогах». Приказывалось для всех: расстегнуть верхнюю пуговицу кителя (что уже негласно позволялось только старослужащим) и закатать до локтя рукава. Молодые воины с радостью выполнили новый приказ и заважничали, чувствуя себя повзрослевшими. Да вот незадача: у некоторых ранее незаметные нательные крестики оказались на виду.

– Армия – светское учреждение, и все ритуальные атрибуты должны быть убраны, – мудрёно выразился старшина, а потом просто добавил перед строем: «Крестики немедленно снять! Чтоб я их больше у вас не видел!»

– Не ты мне его надевал, и не тебе снимать! – выкрикнул из строя Лёха Пьянзин.

Это было неожиданно. Солдат-барабанщик даже немного позавидовал такой храбрости: вот ведь, и в наши дни бывают духовно смелые люди.

Промолчав, старшина спокойным голосом мирно сказал: «Ребята, перевесьте крестики так, чтобы на груди их не было видно».

– Разойдись! – тут же яростно скомандовал он.

Все разошлись кто куда. Барабанщик отправился в раздевалку, там тихо... Нашёл шнурок подлиннее и, встав возле подоконника, перекрестился, а затем, порвав старую, со множеством узелков верёвочку, снял с шеи свой оловянный крестик. Поцеловал потёртое от времени Распятие.

– Рядовой, ко мне! – услышал он за спиной голос сержанта. Зная особую придирчивость командира к своей персоне, барабанщик затылком почувствовал – тут надолго!

– Я сейчас, товарищ сержант, только крестик надену! Не могу без него быть, это важно для меня! – говорил барабанщик, замедляя время к выполнению новой команды и торопливо пытаясь выполнить прежнее приказание, – просунуть в ушко новую верёвочку. От спешки и заминки ничего не получалось. «Ведь нашёл же меня в самый неподходящий момент», – думал он с досадой.

– Бегом, солдат! Сюда иди! – уже с раздражением скомандовал сержант.

Солдат молчал и не оборачивался. Это являлось одновременно и упрямством, то есть нарушением дисциплины, и в тоже время – нежеланием долго оставаться без креста, что для человека было важнее. С шестнадцати лет крестик был надет им осознанно, так больше и не снимался. И барабанщик чувствовал, что без оногo «я уже не совсем я».

Сержант Соколов сам подошёл к рядовому и попробовал выхватить святыню из рук. Барабанщик молниеносно сжал крестик

в правой руке. Затем резко развернулся и, забывая себя, схватил ворот кителя сержанта левой рукой, с силой надавил на горло. К своему удивлению, без особого усилия повалил сержанта в солдатские шинели, висевшие рядом, и резко занёс для удара правую руку.

В ней тесно лежал крестик, на котором был изображён распятый ради нашего спасения Богочеловек.

Сержант ничего подобного не ожидал! Да и рядовой – тоже.

Прошли секунды, удар не наносился. Вглядываясь в окаменевшее, с короткими усиками лицо, рядовой раздумывал: «Бить или не бить?»

На счастье для обоих в раздевалку заглянул старшина.

– Это что такое?! Солдат бьёт сержанта?! А ну смирно!

Барабанщик с облегчением разжал руку. Сержант выпрямился, резко поправил воротник и с лютой ненавистью посмотрел в лицо неприятеля. Во взгляде, полном суровости, тот прочитал: «Вешайся!»

Через несколько минут старшина отправил барабанщика в наряд вне очереди. Возможно, в наказание, хотя скорее всего – для избавления от иных неминуемых последствий. Идти следовало в солдатскую столовую.

Барабанщик шёл по части, сильно размахивая руками. Весенний воздух теплом обдавал открытую грудь. Крестик непривычно касался кожи в области солнечного сплетения. «Ничего, привыкну, главное – со мной. Значит, ничего не страшно!» – улыбаясь, думал солдат.

...Сегодня Пасха! Христос Воскрес и смерти нет!

Испытания велики, когда их малоет собственное самолюбивое воображение, но очень важны, если находим поддержку свыше. «С Божьей помощью прорвёмся!» – укрепила пришедшая на сердце уверенность, и солдат зашагал быстрей.

В казарму он вернулся перед самым отбоем. Навстречу шёл сослуживец-одногодок:

– Тебя старики зовут на разговор.

Барабанщик перекрестился и зашёл в бытовку.

Возле накрытого стола сидели кружком трое: сержант и ещё двое старослужащих.

– А, борзый пришёл! – заговорил один. – Тебя, слоняра, не учили в школе вежливости? Папа с мамой не объясняли, что старших надо

слушаться? – он растягивал слова, в промежутках затягиваясь сигаретой.

– Я выполнял приказ старшины, – виновный старался говорить спокойно, но внутри всё самовольно и неприятно сжималось.

– Подойди ближе, – попросил «дед», закусывая фильтр сигареты в зубах.

Тот подошёл и тут же получил сильный удар в грудь. Чтоб удержать равновесие, пришлось сделать несколько шагов назад.

– Спасибо, «дедушка», как дома побывал, – ответил он традиционной для подобных случаев фразой, чему был научен с первых дней службы.

– Соколов, скажешь чего? – обратился «дед» к сержанту.

– У тебя, салага, залёт сегодня по полной. Из рядов ты у меня вылезать не будешь. Тебе ясно?

– Так точно.

– Короче, сейчас на тумбочке сменишь дневального. Ночку подежуришь. А завтра с утраца у тебя, солдат, взлётка, оркестровая, кабинет начальника. Чтоб везде блестело! Всё, солдат, иди теперь.

Выйдя из бытовки, барабанщик видел столпившихся у тумбочки своих ребят-одногодков.

– Сильно били? – спросил кто-то.

Он молча прошёл мимо них прямо в раздевалку, размышляя в душе: «Слава Тебе, Господи!»

Посреди ночи он услышал, что кто-то идёт по взлётке.

В голубых офицерских кальсонах и с голым торсом шёл по коридору, шаркая тапочками, командир-гонитель. На его шее на серебряной цепочке качался нательный крестик.

Приложив руку к виску, внеочередной дневальный начал рапортовать:

– Товарищ сержант, за время моего дежурства...

– Да тише ты, – остановил его сержант. – Спят же все.

Он приблизился.

– Ты, паря, помалкивай о том, что случилось между нами. Был неправ... Я, вот видишь, тоже крест ношу. Мать надела... И всё же слушаться меня надо.

– Я понял! Сам от себя не ожидал. Простите.

Сержант прищурил глаз:

– Как там говорится, Христос воскрес?!

– Воистину воскрес! – ответил барабанщик и улыбнулся.

– Ну, вот и договорились! Завтра всё, как велел. Моё слово для вас, салаги, закон!

Сержант хлопнул его по плечу, достал из пачки сигарету и пошёл в курилку.

КАРАНТИН

Я живу у бабушки с дедушкой уже два месяца, потому что в нашем детском саду поселился Карантин. Кто это – мы с ребятами не успели узнать, так как встревоженные родители перестали нас туда водить.

– А кто он такой – Ка-ран-тин? – спросил я маму, когда мы ехали в гости к бабушке. Мне казалось, что это какой-то сказочный великан.

– Как тебе объяснить? Ну, это время, когда никто не может находиться в помещении.

– А-а, ясно. А почему?

– Потому что опасно для здоровья. Можно заболеть.

– А он долго будет жить в нашем садике?

– Думаю, месяц, может, два. Не больше. Ты не переживай. Пока у дедушки с бабушкой поживёшь. Они уже сильно соскучились по тебе.

Мама надавила своим пальчиком мне на нос, и я засмеялся.

Мне объяснили, что папе с мамой нужно каждый день ходить на работу и со мной просто некому сидеть. Пришлось взять с собой сменные вещи, книжки, игрушки. А ещё – лупу, которую мне папа подарил. Я представлял себя сыщиком, и с ней не расставался. Оказалось, очень интересно изучать через лупу различные следы насекомых, разглядывать паутины и книжки читать.

В квартире у дедушки с бабушкой для меня, как сыщика, был простор. Ещё бы! Две комнаты, кухня, прихожая, кладовка, ванная. И всё это – мне одному. Я за несколько дней всё изучил. Вот только на днях закончил исследовать тёмные углы под диваном. Где темно, там всегда интересно и опасно.

– Всю пыль собрал? – спросила меня бабушка, то ли ругая, то ли шутя, когда я вылез из-под дивана довольный.

Она в десятый раз отряхнула мне штаны, а я, тут же вырвавшись, побежал на кухню. Там, как на параде, постоянно гремели крышками кастрюли, что-то жарилось с шипением на плите, весело бурлила вода в чайнике. На полках стройными рядами стояли баночки с крупой. Бабушка была генералом на кухне, потому что все её слушались. Даже дедушка, как солдат, часто чистил картошку.

– Вот, Иван, – говорил он мне, – учись, пока молодой, в армии пригодится.

И я с увлечением смотрел, как кожурная змейка вырастает, извиваясь, из-под дедушкиного ножа.

Больше всего я люблю крутиться волчком возле бабушки. Прятаться под её застиранный фартук.

– Ваня, перестань вертеться. Мешаешь. Дед, займи его чем-нибудь, – беспомощно вздыхала бабушка.

– А ну, иди-ка сюда, – подозвал меня как-то дедушка. – Что же тебе показать интересное? – в задумчивости проговорил он, когда мы вошли в комнату.

– А покажи, что в шкафу.

Я часто с любопытством прижимался носом к мутному стеклу дверцы, пытаюсь разглядеть, что в нём спрятано от меня. Но почти ничего не видел.

– Это моя библиотека, – объяснил дедушка, поворачивая ключ в маленьком замке. – Всю жизнь собирал по крупицам. Книги – это большая ценность. Кладезь знаний.

– Что такое кладезь? – перебил я.

– Кладезь – значит колодец по-старинному. Ну, из которого воду черпают ведром.

– А как из книжки черпать?

– Читать её надо, внимательно вчитываться в каждое слово. В ней найдёшь много интересного и полезного, – дедушка бережно достал книгу с тёмными кожаными корочками.

– Деда, а это старая книга?

– Про книги, Ваня, так не говорят. Старой бывает газета. Ну или журнал. А это – древний месяцеслов, – поправил меня дедушка. – Эта

книга на старославянском языке написана. Был у наших предков такой. А писали тогда гусиными перьями тушью.

– Ты, наверное, всё-всё на свете знаешь, раз целый шкаф прочитал? – спросил я, рассматривая ряды с книгами.

На меня с высоты смотрели разноцветные корочки с красивыми надписями. Одни были кожаными, другие – в бархате с золотом и ещё в какой-то неизвестной мне ткани. Встречались и просто бумажные.

– А ты хочешь всё знать? – спросил меня дед.

– Ага!

– Выбирай любую книгу. Какая на тебя смотрит?

– А в этой древней книге, деда, есть картинки?

– Имеются.

– Наверное, такие же древние?

– В этой книге картинки необычные, не такие, как в твоих детских книжках.

– Необычные? Волшебные, что ли?

– Нет, не волшебные, а святые.

– Свя-ты-е, – повторил я за дедушкой по слогам.

Мне стало жутко интересно. Я часто слышал, как вечерами бабушка в своей комнате шёпотом повторяет: «Святой Николае, моли Бога о нас».

– Такие изображения, – продолжал дедушка, – где нарисованы святые люди, называются иконами. Вот посмотри. Дедушка открыл книгу с пожелтевшими страницами. На листе был нарисован человек с бородой и в длинной одежде. А рядом с ним – дикий зверь. Я сразу его узнал.

– Это же лев, дедушка! Он тоже святой?

– Это святой Герасим и его лев. Молодец, сразу узнал опасного хищника. Но со святым Герасимом этот лев был как ручной котёнок. Здесь, в житии, просто написано, что Герасим вылечил льва, и тот, в благодарность за исцеление служил ему потом всю жизнь и даже умер на могиле старца.

– А как лев служил Герасиму? Добычей делился или сторожил его дом?

– Ты очень удивишься, – рассмеялся дедушка, – но этот лев охранял осла. А тот возил воду из источника в монастырь, где жил старец

Герасим. А однажды лев вернулся без ослика. Все подумали, что это царь зверей съел бедное животное. И заставили самого льва возить на спине воду. А оказалось, что осла угнали караванщики. И через некоторое время лев вернул его. Вместе со всем караваном. Попробуй ослушайся царя зверей!

– Вот это да! Мне бы такого царя зверей, в садик возил бы меня и во дворе защищал... Дедушка, а имя было у льва, как у всех домашних животных?

– Его звали Иордан.

Мы листали с дедушкой древние страницы, которые местами прогрыз жучок. Наверное, тоже древний. Картинок в книге было много, но ещё больше – буковок. Первые – особенные: крупнее остальных, причудливых форм, с красивыми завитушками. Я водил по ним пальцем, повторяя замысловатый узор, похожий то на диковинный цветок, то на зверя, и долго рассматривал каждую такую букву. И представлял, как её когда-то очень давно кто-то древний выводил гусиным пером. Буквы сначала были ровными, но постепенно стали наклоняться, наклоняться и потом совсем выстроились в ровную полосочку...

Потом я почему-то очутился в своей постели. Оказалось, было уже утро.

– Что, удивлён? – спросила меня бабушка, зайдя в комнату. – Ты прямо за столом заснул. А дедушка тебя перенёс на диван, – бабушкины морщинки улыбались. – Вставай, внучок, хватит уже нежиться, а то недолго и в принцессу превратиться.

– Какую ещё принцессу? – сморщился я.

– На горошине, – бодрый голос бабушки окончательно меня разбудил.

А всё же увлекательное это дело – черпать знания.

Карантин продолжался. И тут со мной приключилась ещё одна история.

Если бы проводили чемпионат мира по приготовлению борща, моя бабушка заняла бы первое место. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Бабушкин борщ всегда наваристый, густой и даже на вид очень красивый. Я, конечно, больше всего на свете люблю конфеты. Но бабушкин борщ ем. У нас уговор: съел тарелку борща – получи конфету.

Вчера мне сильно не повезло. Сначала всё складывалось хорошо: бабушка ушла в магазин за хлебом, оставив меня одного дома. Дедушки тоже дома не было. Красота! Я тут же решил, что сюрприз очень обрадует бабушку.

Мы сегодня ещё не пообедали, и я решил помочь по хозяйству. Забравшись на табурет, взял с полки две глубокие тарелки. Из ящика комода достал ложки. Поднял с плиты кастрюлю с борщом, чтобы переставить её на стол, а она вдруг выскользнула из моих рук, перевернулась в воздухе и полетела вниз. Весь борщ оказался на полу. В кастрюле только ложки две – не больше – оставалось. «Сейчас бабушка придёт! Что делать? – растерялся я. – Вот был бы у меня друг – лев, он бы всё это мигом слизал». Но пришлось справляться самому. Я быстро стал собирать холодный борщ в кастрюлю ладошками. Но некогда красивая жижа мне никак не поддавалась. «Вот-вот бабушка придёт, а борщ всё продолжает растекаться по полу», – в волнении думал я.

Мои скользкие ладошки сильно пахли борщом. Я вытер их о кухонное полотенце. Запах никуда не делся. А на полотенце появились предательские оранжевые пятна. «Раз оно уже в борще, хуже не будет», – подумал я и мигом вытер им жирное пятно с пола. Грязное полотенце я ловко запихнул под диван. «Там темно, не найдут. Да и, кроме меня, туда никто не залезет», – решил я и встал в угол.

Сюрприз для бабушки всё же удался. Когда она вернулась, то обнаружила меня стоящим в углу. Ничего не понимая, она прошла на кухню, всплеснула руками и... сначала заохала, а потом засмеялась.

– Вы только подумайте: сам себя в угол поставил! Такого я ещё на своём веку не видывала! – рассказывала она вечером моим родителям. – Он меня обезоружил. Хорошо ещё, что не успела кастрюлю разогреть.

Папа с мамой тоже дружно смеялись. Только потом мама сказала мне строго:

– Сынок, больше с плиты ничего не бери! Опасно! Представляешь, если бы борщ был горячим?

– Мама, я полотенце под диваном спрятал, – признался я и грустно повесил голову.

– А мы уже знаем, – спокойно ответила мама.

– От кого?

– Твой дедушка нашёл. По запаху!

– Ничего себе! – удивился я, почёсывая затылок. – Дедушка, оказывается, тоже сыщик!

– Весь в тебя, – улыбнулась мама.

Через пару дней меня снова повели в детский сад. Карантина там уже не было. Это и понятно. Одному что в пустых группах делать? Каждый заскучает! Я, даже не попрощавшись с мамой, сразу побежал к ребятам. Нам всем не терпелось рассказать друг другу, что интересного произошло с каждым за это время – время карантина. Но вот про борщ...

Поэзия уже сотворена*Надежда Ланина***ЖЕРЕБЁНОК**

Тихо вечер ушёл синеокий.
Жеребёнка веду вдоль реки.
Пусть напьётся воды из протоки,
Там, где чистые бьют родники.

Длинноногий ступил осторожно,
Разбежалась кругами вода.
Отражаются звёзды тревожно
И плывут неизвестно куда.

Жеребёнка горячие губы
Потянулись навстречу воде...
Вдруг отпрянул, метнулся в испуге,
Задрожал: быть сегодня беде!

Небо тихо в реке отражалось...
Жеребёнок застыл в поводу.
Лишь тревога в глазах задержалась:
Испугался, что выпил звезду.

Роня жёлтые закаты
На придорожные кусты,
Жизнь, улыбаясь виновато,
Сжигает за собой мосты.

Так чудной грусти день созвучен,
Так светится листва всегда,
Что я в костре кленовом жгучем
Сгореть согласна без следа...

Я плакать не стану – я просто умру.
Развеется мир мой на быстром ветру.
Осколки его над землёй полетят
Словами, стихами, что в душу глядят.
Снежинка упала на руку мою.
Застывшие губы не шепчут: «Люблю».
Но, в памяти цепкой невольно живя,
Кусочек меня вдруг коснётся тебя...
И вновь, проклиная сквозь слёзы судьбу,
Я плакать не стану – навеки уйду...

Непокорный белый снег
Не чернеет даже ночью.
Не приснишься ты во сне
И не встретишься воочью.

Будет ветер в окна бить,
Будет даль манить порошей.
Как же мне тебя забыть,
Мой хороший, мой хороший?

С неба бледная луна
В бездну чёрную упала.
Если порвана струна,
Песню не споёшь сначала.

Ты ушёл, ушёл навек!
Встречу я не напророчу.
Непокорный белый снег
Не чернеет даже ночью.

РАСТОРОПША

Пусть злится бумага, упрямится ручка,
Но в книге хранится сухая колючка –
Цветок расторопши сиренево-синий.
Хочу написать, как его взять просили;

Как солнце светило и птицы звенели;
А травам душистым приснились капли;
Как вечером поздним над спящею Волгой
Сверкнула звезда неожиданно колко;

Как ветер горячий с зарёй целовался,
Мой шёлковый шарф из руки вырывался...
Хотя и сердились бумага и ручка,
Но я написала про эту колючку,

А с ней между строчек легко уместила
Воздушные замки и дверь в них открыла.

СТИХИЯ СЛОВ

Я отпила волшебного вина
Из рифм и ритма, сомкнутых в порыве,
Вина из строчек звонких, как струна,
И нежных, как волна в морском заливе;

Из резких фраз, из окрика-хлыста,
Из омота, из огненного света.
Стихия слов возвышенно проста.
Она, как ветер, лишена запрета.

То сужена до сумрачного дна,
А то бескрайней солнечного мира.
Вокруг кричат: «Не сотвори кумира!»
Поэзия уже сотворена.

Во всём я ощущаю Божий храм

Александр Пайдулов

ДЫМ

Мне дым Отечества приятен:
И дым костра, и банный дым...
Он каждому из нас понятен,
Влечёт всегда к местам родным.

Европа нас ругает строго,
Но ей до нас – как до Луны.
Пусть катится своей дорогой,
А мы своей идти должны.

Не зря же шли солдаты наши
С боями сквозь огонь и дым.
А мы – потомки в битвах павших.
Мы Русь в обиду не дадим.

МАЛИНОВКА

Небеса голубого свечения...
И с таинственных этих высот
Будто ангела слышится пенье –
То малиновка утром поёт.

Голосок не смолкает певуньи,
Завороженно, чисто звучит,
Даже ветер по веткам не дунет,
И сорока-трещотка молчит.

И в лесу разливается счастье!
Чутко слушаю нежную звень:
Хорошо на Руси без ненастья
С ней, малиновкой, в благодный день.

И, послушав её, понимаю:
Всё природе от Бога дано.
До сих пор пенье то вспоминаю.
Жаль, не смог с птицей петь заодно.

Гляжу ли я на веточку сирени,
Или навстречу солнечным лучам,
Во всём я вижу разум, Божий гений,
Во всём я ощущаю Божий храм.

Живая ширь! Живые песнопенья!
И всё живое в красках и цветах.
Люблю я мир до умопомраченья,
До боли в сердце в яви и во снах!

МУРАВЕЙ

Я человек сентиментальный...
Я уступлю и муравью,
Когда дорогу он случайно
Займёт законную мою.

Я подожду, пока дорогу
Перебежит тот муравей.
Вот перебрался. Слава Богу!
Живым остался, дуралей!

Жалею малое в природе –
Чудно мне даже самому:
Такая блажь порой находит,
И сам не знаю – почему.

Ведь им – живым,
по жизни страшно.
И с грустью рассуждаю я:
Меж человеческих букашек
Похож и я на муравья.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Мороз пришёл. На градуснике – минус.
И лёд, и снег сегодня на крыльце,
И на губах снежинок мокрых привкус,
И молодой румянец на лице.

За чистоту ли улиц побелевших,
За тот морозец ли, что так бодрит,
Люблю я первый снег светло и нежно.
Люблю глядеть, как он к земле летит.

Всё новизной и молодостью дышит,
Чему и рад я, русский человек.
И вновь душа сквозь времена расслышит
Неудержимых русских троек бег!

И шум шагов, и крик отчаянья...

Дмитрий Ревякин

Всё очень просто и вполне понятно.
И стоит ли подыскивать слова?
И оттого, что есть на Солнце пятна,
Болят, как от похмелья, голова.

Опять смешаю ямбы и хорей,
Синекдохой заправлю их коктейль.
Но если выйду в тёмные аллеи,
Не стану я набрасывать шинель!

Эти ночи такие длинные,
Осень сыплется за окном.
Дом становится домовиною,
Если память приходит в дом,

Если слово, что было сказано,
Чертит полночью рикошет,-
Мир становится страшной сказкою,
Где не важен уже сюжет,

Где охота окончить выстрелом
В конной лаве навскидку, влёт,
Чтобы сердце уже не видело,
Как любовь его предаёт...

Но бумажную твою лилию,
Как в кристалле, хранит хрусталь.
Будь ты счастлива, моя милая!
Да не тронет тебя печаль!..

И когда уже вечером, затемно
Возвращаюсь в домашний уют,
Жизнь и Смерть,
Как два старых приятеля,
У меня за спиною идут.

И закутавши плечи торжественно
В покрывало вечерней зари,
Жизнь велит:
– Возлюби человечество!
Шепчет Смерть:
– Обожди,
Покури...

Когда сентябрь совсем обуглился
Листком календаря в печи,
Фонарь всю ночь кивает улице,
Но улица в ответ молчит.

И шум шагов, и крик отчаянья,
И тихий вздох, и звонкий смех –
Всё обратилось в ожидание:
Когда же ляжет первый снег?

Чтоб на дорожке скособоченной,
Вспоров нетронутую гладь,
Тропинки торопливым почерком
Всю жизнь свою переписать!..

Закавычена корифеями
Среди строчек без всякой меры,
Бродит в полночь пустыми аллеями,
Бродит в полдень холодными скверами

Осень. Ездит с тобою в троллейбусе,
Среди веток трамвайных ютится.
Только в сердце твоём не поселится –
Нет у осени места жительства,

Нет прописки и нет обязанностей,
Ни стыда у нее нет, ни родины...
Осень ходит по миру развязанно,
Только в гости она не ходит.

Будет вечно для всех и каждого,
Никого не пуская в душу.
Ей всё кажется, ей всё кажется,
Будто в Болдино ждёт её Пушкин!

И рассветы встречая пегие,
То ли плачет, а то ли хохочет.
Осень раньше встречалась с гением!
А с другими встречаться не хочет...

Между домов, среди сараев
Раскинув свой километраж,
Бежит дорога городская
Наискосок через пейзаж.

Она минует повороты,
Чихает гарью на ветру,
Она ведёт домой с работы.
И на работу – поутру.

Картина, в общем-то, простая,
Знакомая из года в год.
А кто по ней идёт, петляя?
А! Это – жизнь моя идёт...

Снег идёт на склоне дня по моей судьбе

Евгений Семичев

В небе вольные птицы
Рассекают простор.
В белой Божьей рубахе
Софийский собор.

С покаянною дрожью
На молитву встаю.
Мне за пазухой Божьей
Хорошо, как в раю.

В жизни брэнной и тяжкой
До скончания лет
Всем нам служит рубашкой
Божий праведный свет.

На пиру и на плахе
Русский зла не таит,
В белой отчей рубахе
Перед Богом стоит.

И в Господней вселенной
Осеняют простор
Крест нательный нетленный
И Софийский собор.

Мир отражается в слезинке
И ощущает с небом связь.
Слезами вымою ботинки,
Чтоб не тащить на небо грязь.

Как старики сентиментальны:
Чуть что – и слёзы на глазах.
Какие постигают тайны
Они в Божественных слезах?

Прощайте старикам капризы.
На вас взирает, чуть дыша,
Сквозь слёз оптические линзы
Подслеповатая душа.

Снег идёт на склоне дня.
Он идёт ко мне.
Снег проходит сквозь меня...
Голова в огне.

Закипает в сердце дрожь.
Голова в дыму.
«Ты куда, куда идёшь?» –
Я кричу ему.

Замерзает в горле крик:
«Ты мне другом был!»
Он в ответ: «Отстань, старик,
Я тебя забыл!»

Я в смятенье: «Как же так.
Я ещё живой?»
Белый саван.
Белый флаг.
Снег над головой.

Слёзы зябкие мои
Превратил в шугу.
Вроде зыбкой полыньи
Вся душа в снегу.

Но не слышит он меня.
Мне не по себе.
...Снег идёт на склоне дня
По моей судьбе.

Листобоем напролом
В дом вломившись спозаранку,
Осень за моим столом
Стелет скатерть-самобранку.

Ломит тучный каравай
И поводит томно бровью.
Говорит: «Отец, давай
Выпьем за твоё здоровье!»

– За здоровье? Я не прочь,
Хоть глаза твои – туманы.
Но к здоровью приторочь
Спирта полные стаканы.

Коли ты родная мать,
Невзирая на погоду,
Гулевать так гулевать! –
Разбавлять не будем воду.

На двоих с тобой вдвоём
Каравай судьбы разделим
И отчаянно споём
Колыбельную метелям.

Неспроста, не задарма
Нынче праздник в доме нашем.
А сварливая зима
За окошком пусть попляшет.

ОСЛИК

Марине Ганичевой...

Лихо дьявол танцует чечётку.
Мечет искры в кромешном аду.
Я пошлю его, рыжего, к чёрту
И другою дорогой пойду.
Той дорогой, что всеми забыта,
Где надрывно в лихую грозу
Не грохочут, а плачут копыта,
Вышибая из камня слезу.
И пускай обо мне скажут после,
Что он жизнь не ценил ни черта!..
И был глуп и упрям, словно ослик,
На себе вывозивший Христа.

ЮГРА

Проделав путь томительный неблизкий,
Приветствую тебя, моя сестра,
В Самарове (читай – в Ханте-Мансийске)
Вогульская остяцкая Югра.

Сорвавшийся с лихого крутояра,
Твой волжский брат, растроганный до слёз,
Земной поклон от города Самара
И жигулёвской вольницы привёз.

Готов поклясться нашей общей мамой,
Что не один я нынче с толку сбит.
Раскопанный в степи заволжской мамонт
Своим югорским родичам трубит.

Когда бурлит над Волгой вешний ливень,
Тараня грозовые облака,
Над степью выгибается, как бивень,
Гудящая Самарская Лука.

Когда клубятся волжские туманы,
Вздымаясь до небесной высоты,
Толпятся жигулёвские курганы,
Как первобытных мамонтов хребты.

Самарово – и я самарский, то бишь! –
В любви моё признание прими.
Ведь все мы – дети мамонтовых стойбищ,
По Божьей воле ставшие людьми.

...И левые, и правые –
Вы мальчишки кровавые.
Над Русью Божий витязь
На огненном коне.
А вы ей только снитесь
В её кошмарном сне.

Всё в жизни разумно и мудро

Евгений Хаванов

РОССИЯ И МОСКВА

Наверное, это нам свыше дано,
Судьба нас такими взрастила:
Два имени гордых звучат как одно,
Два слова – Москва и Россия.

Не сразу пришли к нам вот эти слова,
Не сразу – с победой и славой.
Руси была необходима Москва,
Чтоб стать всемогущей державой.

Явилась и стала на службу Москва,
Всей жизни направив течение –
И сердце её, и её голова,
И духа сосредоточенье.

И что б ни сулили нам злая молва
И злобные взгляды косые,
На страже России стояла Москва,
На страже столицы – Россия.

РОЖДЕНИЕ УТРА

Всё в жизни разумно и мудро.
Свет побеждает тень.
Мудро рождается утро.
Мудро приходит день:

Тихо, спокойно, без стука
Дверь открывает в мой дом
Аккордами чистого звука,
Как светлым и чистым ключом.

Жена в голубой сорочке.
И, словно в саду соловьи, –
Строчки, родные строчки...
Как жаль, что они не мои.

Пушкин, Никитин, Есенин...
Не это ль живительный свет?
Не это ли ветер весенний?
Вдыхай, заряжайся, поэт.

Всё ясно, и всё открыто.
Прозрачно звенит капель.
Словно свою сюиту
Играет мне сам Равель.

Яви столь же чисто и мудро
Сердечные струи огня,
Достойные этого утра,
Во имя грядущего дня.

Это что за наваждение?
Не опишешь и пером.
Надо ж – разных два Евгения
Ужились во мне одном.

Первый радуется, сердится.
У второго дар – слова.
Первый выбрал символ – сердце,
У второго – голова.

Сердце – то без слов обидных;
Мозг другого бьёт в упор.
Коль один всегда защитник,
Роль другого – прокурор.

Что же истинно, что ложно,
Право, как здесь рассудить?
Если противоположно –
Как всё это совместить?

Лучше всё же не сдаваться!
Глубже взгляд, яснее суть!
Чтобы вместе разобраться –
В общий поиск, в добрый путь!

Много слов, немало мнений.
Кто ж сильнее, правда чья?
Сопоставит всё Евгений.
Потому он и судья.

Потому никто не сердится
И согласие рождено,
Раз уж наши ум и сердце
В нашем деле заодно.

Да, не взять проблемы разом.
Много их – твои, мои.
И всегда нужны нам разум
И ответственность судьи.

... И сладкой тихой болью наполнилась душа

Николай Черняев

ВЕТЛА

Отзвенели песни.
Отгостила
Старая под окнами ветла:
Ствол её с чудовищною силой
Раскололи надвое ветра.

И сосед, угрюмый и небритый,
Подойдёт, качая головой,
Отшвырнёт прогнившее корыто
И распилит ствол бензопилой.

Вот и всё...
В затылок дышит время:
Как отец – ветёлку посажу.
Молодость подхватит жизни бремя
И проложит новую межу.

Выйдут сроки – тоже отгощу я,
И, ромашки белые примяв,
Навзничь упаду в траву густую,
Землю, словно мать свою, обняв.

И в густом кузнечиковом хоре
На моей родимой стороне,
Той ветлой любуясь на просторе,
Может, кто-то вспомнит обо мне.

СНОВА ДОМА

Я возвращался в марте
На родину, домой.
И в радостном азарте
Нехоженой тропой
По снегу шёл упрямо –
Добрался, наконец.
Как постарела мама
И поседел отец!

А дом не изменился,
Лишь потемнел слегка.
Всё так же дым струился,
Вплетаясь в облака.
Родной обледенелый
С подпорками забор.
Мой папа занят делом:
От снега чистит двор.
И мама тряпкой влажной
Стирает зимний дух.
И всё такой же важный
Задиристый петух.

А солнце опускалось
Над бровкою лесной.
Коснулась сердца жалость:
Приехал на постой...
Я не спешил к застолью,
Стоял, едва дыша.
И сладкой тихой болью
Наполнилась душа.

Стучит в окно осеннее ненастье.
Срывает ветер жухлую листву.
Я не ищу несбывшегося счастья.
Я верю в жизнь и верою живу.

И если вдруг придёт лихая стужа
И время счёт предъявит за кредит, –
Душа вспорхнёт, как облако, закружит
И невесомо к небу полетит.

И чем дышал – рассудит это время.
И прожито не важно сколько лет.
Но важно то, взрастил какое семя
И на земле какой оставил след.

В ГРОЗУ

Наползла большая туча,
Тёмный свесила живот,
И от блеска молний жгучих
Ярко вспыхнул небосвод.

От грозы и урагана
Всяк в укрытие спешит.
Крона дуба-великана –
Для гостей надёжный щит.

Под густые спрячусь ветви.
Душу былью тронет грусть.
И к стволу, как в раннем детстве,
Будто к матери прижмусь.

РЕКА

Румяные спят облака
На красных ладонях заката.
С ручьями прощаясь, река
Бежит торопливо куда-то.

Петляет в горах вдалеке,
С крутыми теснинами споря,
А дальше уже налегке
Низинами тянется к морю.

И устьем окончится бег,
И стихнет речное течение...
Вот так и живёт человек
Для высшего предназначенья.

РОДНИК

Скучаю по родине малой.
Откладывать не было сил, –
Пришёл.
Как паломник, усталый.
За чёрствость прощение просил.
Откликнулась где-то кукушка.
Тревога слегка улеглась...
Здесь раньше была деревушка,
Зелёною Рощей звалась.
Теперь тут безлюдная зона:
Густые сплетенья ветвей,
Бесхозные заросли клёна
И мрачная тень тополей.

Но я, сквозь листву продираясь,
К заветному месту проник.
Стою и смотрю, удивляясь:
– Ты жив, мой далёкий родник!

Как в прежние дни медовые
Ласкаешь безлюдную тишь
И светлые струи живые
Для будущей жизни хранишь.

НОЧЬ НАД ВОЛГОЙ

Зной в вечерней растаял прохладе.
Смолкли дали, остыла река.
На зеркальной темнеющей глади
Отражённые спят облака.

Стайка звёздочек – юных кудесниц –
Полнит ковшик священной водой.
Тучки клоч зацепился за месяц
И лохматой висит бородой.

К Волге берег склонился отвесный.
Тьма сползает в овраг, не спеша.
А по млечной дороге небесной
Путешествует чья-то душа.

И неведомо: много ли, мало
Ей шагать, отвергаясь от зла.
Может, просто она заплутала?
Или, может быть, счастье нашла?

Лягушкам вряд ли нас переорать

Владимир Варламов

ЗАЛИСТОПАДИЛО

*Души спасительный бальзам
В меня по капле проникает.
Когда, о, слава небесам! –
Они мне рифму посылают.
Мне в этот миг всё по плечу.
Всё восприму, переиначу.
И то от счастья закричу.
А то от боли вдруг заплачу.*

Вот опять залистопадило...

Надежда Чванова, г. Сызрань

Когда спасительный бальзам
Я натошак воспринимаю,
Так листопадит по мозгам,
Что в небесах потом летаю.

Бальзам мне нравится, хотя
Вершит он что-то с головою.
С него то плачу, как дитя,
То иногда, как зверь, завою.

ОБШАРОВКА

*Обшаровка. Обшаровка.
Старинное село.
От левой Волги в сторону
Раскинулось оно.
Я из окна вагонного
Смотрю, не насмотрюсь:
Моя страна озёрная –
Обшаровская Русь.
Окошки школы старенькой
От солнышка горят.
Там я училась маленькой
Так много лет назад.*

Валентина Юдина. г. Сызрань

В названии всё сказано –
Зазря не назовут.
Ведь после Стеньки Разина
Село возникло тут.

Его холопы беглые
Вернулись с грабежей,
Но их привычки скверные
Остались не свежей.

Дорогой от Обшаровки
До тракта Батраки
Ограбят и обшарят вас,
Держите кошельки.

Историю не вычеркнуть,
Её сменить нельзя.
Не кой-чему, не как-нибудь
Училась здесь и я.

Смотрю в окно вагонное,
Но выйти я боюсь,
Ведь вся страна огромная –
Обшаровская Русь.

ХМЕЛЬНОЕ ВРЕМЕЧКО

*К горе прильнуло озеро лесное.
Лягушек пересуды не унять.
Настало летом времечко хмельное.
Тем, кто не видел, это не понять.*

*Людей на склонах – словно на насесте.
Горланят песни с бардами все вместе.*

Г. Елисеева, Сызрань

Пришёл июль, с ним времечко хмельное.
Непьющим эту прелесть не понять.
На Грушинской поляне под горою
Мы будем алкоголь уничтожать.

Что зря сидеть, как куры на насесте!
Минуту здесь приходится беречь,
Как можно больше чтобы на фиесте
Спиртного зелья слить, разбить и сжечь.

Но если этих мер хватать не станет,
Придётся внутрь его употреблять.
И вот тогда мы песни погорланим –
Лягушкам вряд ли нас переорать.

А если барды к нам прильнут с рассветом,
Луна замедлит в шоке свой полёт...
На Грушинский мы ездим каждым летом,
Но водка всё ж на убыль не идёт.

ТАНЕЦ ПРИ СВЕЧАХ

*Плавно музыка льётся
Под мерцание свеч,
И рука остаётся
Выше уровня плеч.*

Надежда Белова, г. Сызрань

Ночь тихонько крадётся,
И пора бы прилечь.
Жаль, рука остаётся
Выше уровня плеч.

У меня всё нормально:
И фигура, и грудь.
Опусти хоть до талии
Или ниже чуть-чуть.

Танцы мне надоели,
Душит копоть от свеч.
Что ж ты руки приклеил
Выше уровня плеч!

УДОБРЕНИЕ

*Я удобряю яблони навозом.
Дышу туманом утренней земли.
В награду мне взметнётся гордо роза.
Купаясь в водной радужной пыли.*

Юрий Сизов, г. Тольятти

Всем порядком надоели
Рифмы: розы и мимозы.
Безнадёжно устарели
Грозы, слёзы и морозы.

Я в свои стихотворенья
Воду лью и удобренья,
Чтобы строчки, как и розы,
Были с привкусом навоза.

ЯБЛОКИ

*Эти яблоки режем, режем
На варенье и на компот.
Ну а мысли? Они всё те же,
От которых бросает в пот.*

Людмила Уланова, г. Сызрань

Я режу яблоки и плачу,
Готовлю сок, вино, компот.
Послать бы всё к чертям собачьим,
Ведь эту дрянь никто не пьёт.

Все водку любят, как ни странно,
В вине сивуха, говорят.
А с банок крышки постоянно,
Пугая всю семью, летят.

Напрасный труд, но кто посмеет
Бросать на свалку каждый год
Что так цветёт, растёт и зреет?
Ведь жадность за душу берёт.

Виталий Байковский

НА ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

Давай любовь на чёрный день отложим,
Хоть дни уже смолы густой черней,
Друг друга мы сегодня зря тревожим.
По линиям судьбы не всё видней.

Те линии с тобой нас не связали.
У Бога каждый – со своей судьбой.
И наши встречи лишь насмешкой стали
Над тем, о чём мечталось нам с тобой.

Давай решим на этом перекрёстке,
Каким маршрутом каждому идти?
Сердца по юности ещё не слишком чёрствы,
Чтоб ставить камни на чужом пути.

Сергей Иванченко

БУМАЖНЫЙ САМОЛЁТ

Из старого тетрадного листа,
Где были мной стихи тебе начертаны,
Я самолёт бумажный делать стал,
Чтоб запустить его погодой ветреной.
Мечтал я, чтоб к высоким облакам
Вознёсся он, влеком судьбой и смерчами,
И чтоб потом упал к твоим ногам,
Неся тебе надежды и бессмертие.

Его я долго взглядом провожал,
Когда из рук взлетел он птицей белой,
И долго небеса я заклинал:
Не трогайте игрушку неумелую.

Ведь в ней мои надежды и мечты,
Я в этот самолёт, как в чудо, верую.
Он должен долететь, чтоб знала ты:
Всё в мире этом для тебя я сделаю.

Мой путь был раньше для меня открыт,
А вот теперь перед закрытой дверью я.
Любви бумажный самолётик сбит –
И в сердце боль, и в сердце лёд неверия.
Лежит недолетевший самолёт,
Уткнувшись тонким носом в землю влажную,
И дождь над ним скупые слёзы льёт,
Роняя их на крылышки бумажные.

Зоя Искаева

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Солнцу встать ещё рано...
Утро вешнего дня...
Белой дымкой тумана
Мир окутал меня.

Он окутал – вот жалость! –
Все деревья, дома
Так, что мне показалось:
Наступила зима.

Но лишь встало светило,
Над землёй воспаря,
И весь мир превратило
В дивный блеск янтаря.

И туманы уплыли,
Словно тени былин,
Преодо мною открыли
Ширь бескрайних равнин.

СИРЕНЕВАЯ ДЫМКА

Сиреневая дымка так легка!
Сады весенним маревом покрылись,
Как будто кучевые облака
На землю нашу грешную спустились.

Сама сирень украсила сады.
Её палитра пусть и небогата:
Лиловые и белые цветы –
Как облака роскошного заката.

Оттенки чувств так молодо чисты,
Волшебно так перемешались краски,
Что юных грёз счастливые мечты
Нам щедро дарят солнечные сказки.

Мне осень снова годы отмеряет,
А сколько суждено мне – знать не знает.
Легко промчалось детство золотое –
Счастливое, смешное, озорное.

Студенческая юность пролетела
С любовью первой, робкой и несмелой.
А с Мендельсона вальсом дивным
Жизнь подарила дочку с сыном.

Всё было – счастье и невзгоды,
Но осень вновь отсчитывает годы.
И счастлива я осенью опять,
Как будто снова мне лишь двадцать пять!

Елена Катышева

ЗИМНЕЕ

Снег не скроет полыньи
И к тебе моих дорог.
Милый, я считала дни...
Знай, разлуки близок срок.

Не шагал ты сквозь метель,
И не видел ты мой взгляд.
Чёрным вороном летел.
Шёл по жизни наугад.

Ты не камень – истукан.
Потому замедлю шаг,
Вновь в твоей руке стакан...
Вновь сражение без шпаг!

Всё я знаю наперёд.
Ты останешься таким...
Но придёт и мой черёд –
Растоплю я холод зим.

Ты, родной мой, бесспорно, чудак.
Снова скажешь мне: это не так.
Но поступки твои налицо:
Ты снимаешь до встречи кольцо...
Как младенец во сне, мил и тих.
И безропотно входишь в мой стих.
И сидим мы с тобой при свечах,
Нет обмана и злобы в речах.
В души льётся любовный мотив.
Я красива, ты тоже красив...
Ты родной мой, но мы не родня...
Ты женатый, есть муж у меня!

ЛЮБИМОМУ

...И пусть на земле зима
Сметает в сугробы снег.
И пусть за окошком тьма.
Но рядом ты – мой человек!
Пусть ждёт нас студёный рассвет
И в речке замёрзнет вода.
Пусть скажут, что счастья нам нет...
Но я не согласна всегда.
Коль рядом твоё плечо,
То в сердце моём весна.
Нам горе вдвоём нипочём,
И жизнь даст нам счастье сполна!

Леонид Родионов

ДЖОМОЛУНГМА

Юрию Тайдакову

Кто был в горах хоть раз, тот знает:
Есть в центре Азии страна –
Звучит как песня – Гималаи.
Над миром царствует она!

Четырнадцать могучих пиков
За восемь тысяч вознеслись.
Как вечность, каменные лики
Невозмутимо смотрят вниз.

Здесь Джомолунгмы мир огромный,
Ревут здесь ветры между скал,
И жертву ждёт здесь вероломный
Бездонных пропастей оскал.

О, Джомолунгма, чудо света!
О, Джомолунгма, мать богов!
Ты, как сокровище, одета
В оправу девственных снегов.

Сюда не долетает птица,
Здесь зверь не оставляет след,
Всему живому здесь граница.
Здесь только смерть, здесь жизни нет...

Нигде ни в чём не знавший меры,
Лишь только дерзкий человек,
Рукой достав до стратосферы,
Впечатал след в вершинный снег.

И среди них, совсем немногих
Таких вот дерзких мужиков –
Один из тех, кто рос на Волге,
Земляк наш Юрий Тайдаков!

На высшей точке всей планеты
Теперь осталась навсегда
Бутылочка с его приметой,
И в ней – из Сызрани вода.

Как знак высокого стремленья
И покорённой высоты,
Как знак особого значенья –
Знак исполнения мечты.

НЕ НАПРАСНО

Мой друг, давай припомним это:
Как раньше мы встречали лето,
Как весь бродячий наш народ
Рюкзак за плечи и – вперёд.

Нам было у костра не тесно
До самой утренней поры,
Мы так орала наши песни,
Что подыхали комары.

Припомним, как рассвет встречали
На самом краешке земли
И как самой судьбой вставали
Нам горы синие вдали.

По вечерам гитара пела.
Был ледоруб, и был штурвал.
Волна упруго шелестела,
И крепкий ветер парус рвал.

И верю я: не всё угасло,
Ещё огонь горит в груди.
И всё, что было, – не напрасно,
И будут встречи впереди!

ДЕВЧОНКА

Сосульки с крыш слетают звонко,
Зарёю полыхнул рассвет.
Весной по улице девчонка
Идёт, ей восемнадцать лет.

На ней короткая юбочка,
Глаза, как небо, глубоки,
И, словно кастаньеты, звонко
Бьют по асфальту каблучки.

Идёт она, как будто фея,
Как будто вышла из мечты.
Водители свернули шею,
Прохожие раскрыли рты.

Идёт она легко и ровно
По всей поверхности земной,
Как будто этот мир огромный
Был создан для неё одной.

Куда ведёт её дорога,
Не стану я искать ответ.
Она, шагая длинноного,
Прошла, и вот её уж нет.

Но если вдруг окинешь взглядом
Тех, кто вокруг, увидишь ты,
Что в женщинах с тобою рядом
Есть от девчонки той черты.

Татьяна Чёрная

Остался год. А может быть, и пять.
А может, мне отпущена лишь осень.
Придётся перед Господом предстать.
И он за жизнь мою с меня же спросит.

По заповедям иль грешно жила?
Шла напролом иль щёку подставляла?
Отказывала, хоть помочь могла?
Хорошего свершила много, мало?

Что мне ответить? Я живу как все:
Богата каждым днём, что дан мне свыше.
Кручусь порой, как белка в колесе.
Не всех, конечно, в этой гонке слышу.

Но наконец-то стала понимать,
Что нет «потом», чему, конечно, рада.
К тому, что прожито, раз десять дай по пять
Мне, Господи, чтоб сделать всё как надо.

Иду к тебе с коробочкой конфет
Поздравить с днём рождения. Так вышло –
Несу тебе в ликёре сладком вишню,
Любви желаю, счастья, долгих лет...

Ты вроде пригласить готов на чай.
Не стоит, право, я тут мимоходом.
...Закружит осень листья хороводом.
Ты через год меня опять встречай.

Себя не выдам. Ведь нельзя никак –
Ни взглядом, ни каким-то словом лишним.
И не спасут в ликёре сладком вишни.
И даже пятизвёздочный коньяк.

Юлия Черных

СПАСИБО, СЫЗРАНЬ!

Я здесь нашла свой безмятежный рай,
Здесь испытала первую влюблённость.
Спасибо, Сызрань, мой родимый край,
За жизнь и быть любимой возможность.

По улочкам, дарящим красоту,
Иду, не торопясь, всегда на пристань,
Где Волга и составы на мосту,
И виден весь родной мой город Сызрань.

Всегда мои с ним планы и мечты:
Построить дом, дать жизнь семье и детям.
В нём есть уют, нет шумной суеты,
Он самый лучший город на планете!

ЯНВАРЬ

Вероника Жобер, француженка с русскими корнями, семья которой в XIX – первой четверти XX века проживала в Сызранском уезде и в Петербурге, в рождественские дни дала о себе весточку.

Она с радостью сообщила хорошую новость: в издательстве «Русский путь» выходит новая книга «Скитания русского офицера», в которой публикуется дневник её деда Иосифа Сергеевича Ильина.

Жобер живет в Париже, многие десятилетия преподавала славистику в Сорбонне, являлась профессором этого главного университета Франции, прекрасно владеет русским языком и даже пишет на нём художественную прозу. Её всегда занимала судьба русских предков. У Вероники Петровны оказались письма прабабушки Ольги Александровны Воейковой, которые она подготовила к печати и выпустила в 2009 году – «Русская семья» (1927–1930 гг.) и в 2012-м – «Когда жизнь так дешево стоит...» (1931–1933 гг.). И работа над эпистолярным наследием русской дворянки продолжается.

ФЕВРАЛЬ

«Большая литература малых городов» – так называлась встреча-знакомство любителей словесности с творчеством сызранского поэта Вячеслава Харитонов, организованная сотрудниками филиала № 18 ЦБС совместно с Общественным советом № 3 (председатель А. Н. Лексин) Монголы. Основными её участниками стали члены клуба «Радуга».

На этой встрече Вячеслав Харитонов поделился своими жизненными наблюдениями, поведал о сызранских писателях. Вспомнил о знаменитых предшественниках, начиная с баснописца и сенатора Ивана Дмитриева, поэта-партизана Дениса Давыдова и кончая классиками русской и советской литературы Алексеем Толстым и Константином Фединым. Рассказал и о наших современниках – Надежде Подлесовой, Николае Овчинникове, Анатолии Ульянове, Олеге Портнягине и многих других поэтах и прозаиках. Познакомил Вячеслав Харитонов присутствовавших и с деятельностью недавно отметившего 65-летний юбилей литературного объединения Сызрани и городской писательской организации.

Речь шла также о выступлениях перед читателями, патриотическом воспитании подрастающего поколения, творческих планах

и связях с городскими властями, которым надо воздать должное за их помощь в издании как книг отдельных авторов, так и антологии «Сызрань литературная» и ставшего уже ежегодным литературно-художественного альманаха «Сызранская излучина».

В ходе выступления Вячеслав Харитонов прочитал свои стихи, рассказал об истории их создания.

Очередной совместный проект молодёжного парламента при местной Думе (председатель – депутат Ирина Мингалишева) и общественной организации «Сила воли» (руководитель Радик Шафеев) удался на славу! Это – благотворительный творческий вечер поэта Григория Жукова.

Ограниченный физически по причине детского церебрального паралича, Григорий – удивительный оптимист. Его сильному характеру, активности, открытому сердцу, трепетной душе и стремлению к созиданию может позавидовать любой из нас.

Молодой человек стал участником городского литературного объединения, а вскоре и лауреатом именной премии главы г. о. Сызрань в области литературы, дипломантом многих региональных конкурсов и фестивалей. В 2011 году Жуков выпустил свой первый сборник стихов «Взлёт». И уже готова рукопись второго, нужны только финансовые средства на его издание.

В актовом зале Дома молодёжи в тот пятничный вечер царила удивительно добрая, дружеская атмосфера. По окончании встречи Гриша с удовольствием подписывал книжки всем желающим получить его первый сборник, а те вносили посильную лепту в фонд издания второй книжки. Вырученные средства также пополнили общую копилку, как и взнос депутата Государственной Думы Евгения Серпера. Сбор пожертвований продолжается.

МАРТ

«Приходите в гости, в гости приходите!». Так называется новая книга сызранской поэтессы Елены Мироновой, предназначенная для юных читателей. Презентация издания состоялась в Центральной детской библиотеке им. А. Гайдара.

С днём рождения сборника автора поздравили коллеги по перу Татьяна Твердохлебова, Валентина Юдина, Вячеслав Харитонов,

Александр Мишенков. Они искренне восхитились тем, как Елене Викторовне удаётся смотреть на окружающий мир глазами ребёнка и писать понятные для детей строчки.

Как всегда бывает в библиотеке им. А. Гайдара, презентация издания превратилась для пришедших сюда ребятшек в большое приключение. Они отгадывали загадки, переделанные из стихов Мироновой. Читали произведения из её нового сборника. А ещё вместе с Валентиной Юдиной пели песни на стихи всё той же Елены Викторовны.

Книжку приятно держать в руках. Чистые, ясные цвета, милые, порой наивные персонажи. Кстати, оформлением книжки занималась лично автор.

В дни весенних каникул в России проходит традиционная Неделя детской книги. Сызрань тоже не осталась в стороне от этой акции. Встречи школьников с местными писателями состоялись на различных городских площадках. И, конечно, в Центральной детской библиотеке им. А. П. Гайдара.

Открытие книжкиной недели состоялось 24 марта. Места в читальном зале заняли ученики СОШ № 30.

В тот день к школьникам пришли Татьяна Твердохлебова, Лидия Невская и Елена Миронова. Для многих ребят стало открытием, что поэты – очень даже весёлые люди. Елена Миронова читала юмористические стихи из жизни школьников. Татьяна Твердохлебова провела с ними забавные игры. Лидия Невская, чьи произведения переведены даже на иностранные языки, научила ребят здороваться и прощаться по-фински. Дети не остались в долгу и блеснули знаниями произведений присутствовавших поэтесс. Если что-то и забывали, авторы с удовольствием им подсказывали.

В небольшом, но уютном зале литературного краеведения Центральной городской библиотеки состоялась презентация двух книг сызранской писательницы Лидии Невской: «Дети барак»

и «Шанхайчик». Они стали продолжением биографической трилогии автора. Первая книга из этой серии – «Лидочка» – была издана в 2014 году.

Всё свое детство Лида провела в бедном густонаселённом районе города – «Шанхае». Это название сохранилось до сих пор. Только давно уже нет бараков, где жил народ. Их снесли в начале семидесятых годов.

Вот об этой нелёгкой, неудобной жизни людей (особенно – детей) и повествует писательница в своих новых книгах, ничего не придумывая, ничего не приукрашивая. Она так и говорит в предисловии к книге «Шанхайчик»: «Прошу прощения, если некоторые рассказы кого-то могут шокировать. Но таковой была жизнь её маленьких героев».

Поэт Вячеслав Харитонов, который был редактором этих книг, поделился с присутствовавшими, что, просматривая материалы рукописей, тоже вспоминал своё детство.

Отметил он и воспитательное воздействие книг «Дети бараков» и «Шанхайчик» на подрастающее поколение. От всей души он поздравил автора, пожелав ей новых творческих успехов.

Сызранский писатель и музыкант Александр Мишенков представил юным горожанам свои новые сборники «Любознательный галчонок» (стихи) и «Новенькая» (проза). Презентация книг прошла в Центральной детской библиотеке им. А. П. Гайдара двенадцатого апреля.

С выходом новых изданий Александра Григорьевича поздравили председатель Думы г. о. Сызрань Сергей Ананьев, а также друзья-писатели Вячеслав Харитонов, Сергей Кирюхин, Александр Карякин.

Юные читательницы показали инсценировку рассказа «Новенькая». К презентации книги подготовил сюрприз и гимназист Александр Емелин. Он прочёл отрывок из рассказа «Самокат».

В заключение мероприятия Александр Мишенков подарил городским библиотекам пятьдесят экземпляров книги «Любопытный галчонок». А школьникам раздал автографы.

«Сказки вверх тормашки» – так называется новая книга сызранской писательницы Татьяны Твердохлебовой. Презентация сборника состоялась 27 апреля в детской библиотеке им. А. Гайдара.

Поздравить автора пришли друзья и коллеги по перу Олег Портнягин, Александр Мишенков, Валентина Юдина, Наталья Окунева, Александр Карякин, Галина Цыплёноква, Елена Миронова, а также юные читатели. Они пожелали Татьяне Николаевне новых книжек, искренне порадовавшись за её достижения в творчестве.

Презентация книги превратилась для ребят в захватывающее приключение в мире сказок. Они с удовольствием отгадывали загадки, рассматривали причудливые картинки и увлечённо слушали отрывки из нового издания. Мальчики и девочки то и дело листали страницы сборника, вглядываясь в каждую чёрточку загадочных иллюстраций. Чтобы понять, что именно изображено на рисунке, дети должны были перевернуть книжку «вверх тормашками».

Татьяна Николаевна призналась, что все рисунки для издания подготовила сама. Ведь по профессии она – художник.

МАЙ

Сразу два значимых в культурной жизни нашего города события объединились в большой праздник, который состоялся 16 мая в Центральной библиотеке им. Аркадьева.

Это – презентация пятого номера литературно-художественного альманаха «Сызранская излучина» и чествование поэта, члена Союза писателей России Вячеслава Харитонов, отметившего свой 75-летний юбилей.

Провести эти два торжественных мероприятия в один день, как говорится, сам Бог велел. Ведь Вячеслав Владимирович Харитонов является одним из редакторов «Сызранской излучины», а также председателем городского литобъединения, члены которого постоянно публикуются в альманахе.

Презентуемый выпуск «Сызранской излучины» посвящён 165-летию Самарской губернии, которое пришлось на 2016 год. О том, чем ещё примечателен юбилейный номер альманаха, рассказала ведущая

мероприятия – заведующая отделом обслуживания библиотеки Галина Романова. Так, наряду с традиционными разделами («Проза», «Поэзия», «Детство», «Наследие», «Публицистика», «Гости» и «Поэтическая мозаика») появились два новых, значительно разнообразивших сборник. Это – «Литературоведение» и «Пародии». Расширилась и география писательского состава, представленного в разделе «Гости».

Кстати, некоторые из гостей специально приехали на презентацию, чтобы порадоваться вместе с сызранцами. Это Надежда Алексеева (с. Усолье), Анатолий Улунов (г. Самара) и Татьяна Коковина (г. Новокуйбышевск). Ну и, конечно, в числе приглашённых был наш постоянный гость – председатель правления областной организации Союза писателей России Александр Громов. Он как раз отметил тот факт, что местные писатели не только публикуют в альманахе себя любимых, но и дают возможность читателям познакомиться с литературой Самарской и соседних с ней областей. Кроме того, Александр Витальевич поблагодарил власти Сызрани за понимание того, насколько важны для города и своя писательская организация, и собственный сборник поэзии и прозы, которые прославляют отчий край на всю Россию и даже за её пределами.

Поприветствовали членов писательской организации, вручив им авторские экземпляры, и представители местной власти: заместитель главы администрации г. о. Сызрань – руководитель её аппарата, председатель редакционно-издательского совета Алексей Романенко, депутат городской Думы Александр Лексин и руководитель Управления культуры Ольга Дидык.

Не забыли, конечно, официальные лица поздравить и юбиляра – Вячеслава Харитонов, отметив активную деятельность поэта как на литературном поприще, так и во многих других делах. Он является членом Общественного совета при Думе г. о. Сызрань, а в минувшем году был удостоен нагрудного знака «За заслуги перед городом» II степени.

Итак, презентация «Сызранской излучины» плавно перешла в чествование В. В. Харитонova. Тем, какой он ответственный человек и надёжный друг, поделились со всеми собравшимися Олег Портнягин, Сергей Кирухин, Александр Мишенков, Николай Молев и Владимир

Варламов. Искренние чувства уважения и благодарности за наставничество и поддержку в творчестве прозвучали в высказываниях Александра Карякина, Натальи Окуневой, Галины Елисеевой, Надежды Чвановой, Татьяны Твердохлебовой, Валентины Юдиной и других.

Во второй декаде мая в нашей губернии состоялись литературные фестивали с одинаковым названием – «Жигулёвская весна». И в обоих участвовали сызранские писатели.

Местом проведения традиционного областного литературного фестиваля «Жигулёвская весна» 12 мая стал посёлок Рошинский. Сюда съехались товарищи по перу из разных городов губернии. Самару представляли председатель правления областной организации Союза писателей России Александр Громов, Василий Семёнов, Анатолий Улунов, Владимир Плотников, Виктор Володин и другие. Тольятти делегировал на фестиваль Вячеслав Московского, Семёна Краснова, Василия Мосина. Из Новокуйбышевска приехали Татьяна Коковина и Ольга Полухина. Из Чапаевска – Татьяна Кижайкина. Из Сызрани – Елена Миронова и Сергей Кирюхин.

Второй фестиваль состоялся 20 мая в Жигулёвске. Как и на первом, здесь побывали Александр Громов, Вячеслав Московский, Семён Краснов, Василий Мосин. А вот Сызрань представляли уже четверо: вместе с Еленой Мироновой в Жигулёвск приехали Наталья Окунева, Валентина Юдина и Олег Портнягин.

Писатели нашего города по традиции дарили хозяевам фестивалей свои книги. Среди них, конечно, и пятый выпуск литературно-художественного альманаха «Сызранская излучина».

ИЮНЬ

20 июня на литературном экспрессе «Летом весело читать...» в гости к детворе посёлка городского типа Балашейка отправились сызранские писательницы Татьяна Твердохлебова, Елена Миронова и Валентина Юдина.

Встреча с детьми проходила в рамках программы чтений «Лето, книга, я – верные друзья!». Инициаторами мероприятия выступили директор клуба Ю. А. Бычкова, библиотекари Н. М. Вотрина и Н. А. Хапугина.

В библиотеке ребятам 1-го класса Елена Миронова читала свои стихи, показывала иллюстрации и рассказывала, как создаётся книга. А в это время в зале клуба, где собралось более 100 детей и взрослых, со сцены звучали стихи, песни, игры, шутки в исполнении Татьяны Твердохлебовой и Валентины Юдиной. Ребята охотно принимали участие в представлении, помогали авторам, задавали вопросы.

В местном издательстве «Ваш Взгляд» вышел в свет сборник стихотворений сызранской писательницы Галины Цыплёнковой «Живу в предчувствии весны».

Это уже десятая книга нашей землячки, одинаково успешно работающей для взрослых и детей. Вступительную статью к сборнику, изданному тиражом 300 экз. написал Сызранский поэт Олег Портнягин.

ИЮЛЬ

Участие поэтов в слётах друзей Грушинского фестиваля вполне закономерно. Так было на всех предыдущих этих музыкальных праздниках. Традиция продолжилась и 22 июля.

Кто же на сей раз представлял поэтическое творчество в Трубетчино? От Сызрани это были Галина Елисеева, Валентина Юдина, Сергей Кирюхин, Николай Молев и Владимир Варламов. Причём четверо последних выступали на слёте ещё и как исполнители бардовской песни. Рифмованные строки звучали также из уст Льва Сандлера и Виктора Воронова (Самара), Алексея Смирнова (Тольятти), Евгения Варламова (Тула), Светланы Гусевой (райцентр Радищево Ульяновской области). Кстати, некоторые из выступавших читали стихи не только собственного сочинения, но и других авторов. Например, Евгения Евтушенко, что, несомненно, ещё более украсило поэтическую палитру слёта.

БОНДАРЕНКО НАТАЛЬЯ АЛЕКСЕЕВНА родилась в Саратовской области. В 1982 году окончила Саратовский госуниверситет по специальности «биолог-химик». Позднее – московскую заочную школу «Эйдетики», столичные двухгодичные курсы стенографии и курсы скорочтения. Около 20 лет работала в системе образования – в средних школах и ДТДиМ (методистом). 12 лет вела курсы «Развитие интеллектуально-познавательных навыков». А также работала внештатным корреспондентом газет «Новая Сызрань», «Волжские вести», «АиФ-Самара». На данное время руководит службой «Семья» и центром «Семейная родословная».

Литературным творчеством Наталья занимается с 1997 года. Пишет прозу для детей и взрослых, публицистические статьи и очерки. Является членом сызранской писательской организации и членом городского литобъединения. При поддержке администрации г.о. Сызрань и благотворителей выпустила и передала городу в дар свои книги: рассказы для детей «Артёмкины истории и мамы сказки» (2008 г.), двухтомник «Россия в судьбах...» (2012–2013 гг.). Является соавтором книг «Литературная Сызрань», «Славные дочери города Сызрани», двухтомника «Чести достойны». Творчество Н. Бондаренко представляли журналы «Наш современник» (М.), «Русское эхо» (С.), «Сызранская излучина», «Бульвар», «Город мастеров», «Квартира», «Костёр» (С-П), «Муравейник» (М.), «Детская роман-газета» (М.). А также газеты «АиФ», «Самарские известия», «Трудовая Самара», «Наша гильдия», «Волжские вести», «Литературная Сызрань», «Красное Приволжье».

Книга Н. Бондаренко «Артёмкины истории...» отмечена дипломом Международной литературной премии им. В. Крапивина.

Наталья Алексеевна – лауреат городского конкурса «Женщина – 2008 года» в номинации «Литература и журналистика».

ВАРЛАМОВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ родился 9 января 1946 года в райцентре Радищево Ульяновской области. Какое-то время жил в селе Верхняя Маза. После школы поступил в строительный техникум, а затем – в Ташкентский институт железнодорожного транспорта. Основная специальность – инженер-экономист. Активно

занимался культурно-просветительской работой. Президент Сызранского клуба авторской песни и поэзии. Лауреат городской премии «Признание». Издал книги пародий «Не пиши, не пиши, не пиши» и «Привет от дилетанта», а также сборник лирических стихов «Тепло осеннего костра». Публиковался в СМИ Сызрани и Самарской области, в журналах «Карамзинский сад», «Мономах» и «Литературный Ульяновск».

ВОКИН ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в г. Сызрани в 1977 г. Окончил электротехнический факультет Самарского государственного технического университета. Занимался в «Поэтической мастерской» Лидии Невской. Стихи публиковались в газете «Волжские вести», сборниках – «Мир Пушкина» (Самара), «Вектор политеха», «Энергия слова», в №№ 2, 3 альманаха «Сызранская излучина», литературно-художественном журнале «Русское эхо» (Самара). Кандидат технических наук, декан электротехнического факультета филиала ФГБОУ ВО «СамГТУ».

ВОРОНИНА ОЛЬГА БОРИСОВНА родилась в г. Сызрани. Окончила факультет иностранных языков Куйбышевского педагогического института. Работала переводчицей, преподавателем, корректором газеты «Красный Октябрь». Печаталась в книгах «По законам военного времени», «У старого окопа», «Сызрань литературная», в трёх выпусках альманаха «Сызранская излучина», газетах «Волжский комсомолец», «Красное Приволжье», «Красный Октябрь», «Сызранские вести».

ВОРОТЫНСКИЙ ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ родился в 1946 году в г. Кишинёве Молдавской ССР. Окончив школу, работал на производстве, служил в рядах Советской Армии. В 1972 году завершил обучение на историко-филологическом факультете, Ульяновского педагогического института. Работал преподавателем истории и обществознания в сельской средней школе Барышского района, Ульяновской области, затем – в педагогическом училище ГПТУ № 41 г. Сызрани. Занимается отечественной историей дореволюционного периода и краеведением.

ВЯЛЬШИНА НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА родилась 27 ноября 1970 года в городе Сызрани.

Окончила Ульяновский государственный педагогический институт им. И. Н. Ульянова. Работает учителем русского языка и литературы в школе № 22 г. Сызрани. Печаталась в газетах «Стрежень» (г. Ульяновск), «Красное Приволжье», «Волжские вести», в альманахе «Сызранская излучина». Лауреат именной премии главы городского округа Сызрань в номинации «Литература и журналистика» за 2014 год.

ДУНИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ родился в 1929 году в селе Холенёвка Никольского района Пензенской области. Окончил пятигодичное художественное училище. Работал в школах, в Сызранском педучилище, Дворце пионеров, на предприятиях города: СНПЗ и стройтресте № 4, откуда вышел на пенсию. Участник городских художественных выставок, член городского литобъединения. Стихи его публиковались в городской и районной печати, вестнике «ЗОЖ», в коллективном сборнике «Серебряные родники» и литературно-художественном альманахе «Сызранская излучина». Живёт в пос. Варламово. Ветеран награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

ЕЛИСЕЕВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА родилась и живёт в Сызрани. Окончила КГИК, библиотечный факультет. Трудилась старшим библиографом в Центральной городской библиотеке, заведующей профсоюзной библиотекой, заместителем директора и директором Межсоюзной ЦБС. В ОАО «Тяжмаш» занималась молодёжной политикой и журналистикой, работала в профкоме, в отделе управления персоналом, заведовала Музеем трудовой славы. С 2000 года возглавляет работу литературного объединения «Вдохновение». Является бронзовым призёром конкурса детских стихов «Десятая планета», дипломантом Международной национальной премии «Золотое перо Руси – 2009» и Международного творческого конкурса «Рождественская звезда» (2011 г.), лауреатом Межрегионального поэтического конкурса, посвящённого 190-летию со дня рождения

Н. А. Некрасова. Лауреат городского конкурса «Женщина 2011 года» в номинации «Журналистика и литературное творчество», лауреат областного конкурса «Женщина Самарской области 2011 года» в номинации «Журналистика».

Стихи Галины Елисейевой публиковались в антологии «Сызрань литературная», альманахах «Золотая строфа», «Сызранская излучина», «Прикосновение», «Отчий дом», «Стрежень», в журналах «Русское эхо», «Сура», «Невский альманах», в сборниках «Священная война», «Венок Некрасову», «160 признаний в любви», «В счастливом спектре вдохновенья» и других.

Издала четыре книги стихов: «Перекрёсток сияющих глаз» (2008), «Ожидание чуда» (2010), «Время сгущает сознание» (2011), «Русские арабески» (2015). Произведения размещены на сайте «Стихи.ру».

ЕРМАКОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА родилась в 1956 году в Сызрани. Окончила Куйбышевский институт культуры по специальности библиотекосведение и библиография. В настоящее время работает в Центральной детской библиотеке им. А. Гайдара.

Публиковалась в журналах «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Детская роман-газета», «Игровая библиотека», в газете «Волжские вести».

ЕРШОВ МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ родился в 1977 г. в г. Сызрани. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Русское эхо». Лауреат премии журнала «Русское эхо» за 2008 г. Автор книг стихов «Флагшток», «Марафет». Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани.

ЖИЛЮТОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ родился в Сызрани в 1972 году. Учился в СШ № 29. Окончил филиал СамГТУ по специальностям «Технология машиностроения» и «Экономика и управление на предприятии машиностроения». Специалист по организации и управлению производством. Спортсмен. Член Общественного совета при Думе г.о.Сызрань.

ЖИЛЮТОВА АНЖЕЛИКА АЛЕКСАНДРОВНА родилась в 1974 году в г. Пятигорске Ставропольского края. Окончила школу № 29, Сызранский Механико-технологический техникум, Сызранскую музыкальную и Сызранскую художественную школы. Работает дизайнером в рекламном агентстве, художником-иллюстратором и педагогом в творческой студии. Впервые стихи опубликованы в альманахе «Сызранская излучина».

ЖУРЛОВА ГАЛИНА ГРИГОРЬЕВНА родилась в 1953 г. на Сахалине. В 1969 г. приехала в Старую Рачейку. Окончив местную школу и культпросветучилище в г. Куйбышеве, работала библиотекарем, секретарём сельсовета, зам. главы и ведущим специалистом администрации, внештатным автором и фотокорреспондентом районной газеты «Красное Приволжье». В настоящее время – редактор Приложения к сельской газете «Вестник Старой Рачейки» Администрации сельского поселения Старая Рачейка м.р. Сызранский Самарской области.

Книга очерков Галины Журловой «Но прошлое в нас не уснуло... Из истории села Старая Рачейка» вышла в 2004 г., «Напои меня водою ключевой. Деревенские истории» – в 2009 г., сборник «Звалась когда-то ты Ручейкой. О малой родине с любовью» – в 2010 г., «Оставить свой след на земле» к 75-летию Сызранского района – в 2013 г., «И вывели колхоз в миллионеры... Летопись села Новая Рачейка» в соавторстве с Калачёвой Людмилой Александровной – в 2015 г.

Лауреат районного конкурса «Женщина года – 2005» в номинации «Краевед», «Женщина года – 2007» в номинации «Слово». Член Сызранской писательской организации.

ЗИБОРОВ АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ родился 29 января 1953 г. в Крыму. С 1970 по 1974 г. служил и учился в Сызранском высшем военном авиационном училище. С 1975 по 1981 г. получил образование в Пензенском сельскохозяйственном институте по специальности инженер-механик. Работал начальником технической службы в санатории «Волжский Утёс» Шигонского района Самарской области.

В настоящее время Александр Зиборов является членом Сызранской писательской организации города Сызрани. Печатался в самарских журналах «Русское эхо», «Самарский Парнас», в альманахе

«Сызранская излучина», в коллективном сборнике поэзии Шигонского района, в газетах «За Родину», «Волжская коммуна», «Волжские вести», «Время», «Красное Приволжье». Автор сборника стихов «Святой Руси колокола» (2016 г.).

ЗИНОВА МАРИЯ (Ия Нова) родилась и живёт в Сызрани. Автор стихов, песен, литературно-музыкальных постановок, моноспектаклей; мультиинструменталист. Лауреат литературных, вокальных, музыкальных, театральных и фото-конкурсов. Удостоена наград «Успех года – 2011»; «Признание-2016» в номинации «Наша надежда». Обладатель Первой премии молодёжной научно-практической конференции «Научный потенциал города – 21 веку» (2008) в секции «Культурология», городского конкурса профессионального мастерства «Культработник – 2015», IX Межрегионального литературного турнира «Библиотека открывает таланты» (2017).

С отличием окончила Сызранский колледж искусств и культуры им. О. Н. Носцовой и Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет Профсоюзов. Работала заведующей молодёжным отделом и руководителем авторской студии эстрадного ансамбля в Доме культуры «Авангард», награждена многочисленными благодарственными письмами за высокий уровень профессиональной деятельности, за большой вклад в дело эстетического воспитания подрастающего поколения и пропаганду здорового жизненного стиля молодёжи, за активное участие в реализации молодёжной политики.

Публиковалась в журналах «Русское эхо», «Сызранская излучина», «Молодёжная волна», «Литсреда», «Город мастеров», «Квартира 63»; автор поэтического сборника «Прилагательные ко мне». Сведения об авторе вошли в краеведческий библиографический указатель «Сызрань литературная».

КАРЯКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ родился 9 февраля 1959 года в городе Ялуторовске Тюменской области. Работал на заводах Сызрани, электромонтёром (вахтово-экспедиционным методом) на Крайнем Севере в ЗАО «ЛУКОЙЛ ЭПУ Сервис» (г. Урай). Стихи публиковались во многих журналах страны. Автор поэтических книг «России маленькая часть», «Пристани», «У родного порога»; для детей – «В королевстве у букашек». Лауреат Международного конкурса

детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени А. Н. Толстого. Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани.

КИРЮХИН СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в 1949 году в г. Сызрани Куйбышевской области. Работая шахтным электрослесарем, окончил в 1972 году электротехнический факультет Куйбышевского политехнического института (вечернее отделение). Работал на различных инженерных должностях промышленных предприятий городов Самарканда и Сызрани. Автор трёх стихотворных сборников. Член Союза писателей России.

КОНОПЛЁВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ родился в 1971 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Образование педагогическое и высшее юридическое. Пенсионер МВД по выслуге лет.

Лауреат конкурса Национальная литературная премия «Заветная мечта» (г. Москва). Победитель литературного конкурса «Золотое перо» (г. Екатеринбург). Дипломант литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Автор книги «Последняя надежда», сборника детских сказок «Приключения Дэнасёнка», опубликованного в журнале «Народный университет здоровья».

КОНОПЛЁВ ВИКТОР АЛЬБЕРТОВИЧ родился в 1955 году в г. Екатеринбурге. В Сызрани живёт с 1978 года. Всю свою жизнь посвятил музыке. Окончил Уральскую консерваторию, работал преподавателем музыки в Сызранском колледже искусств. В. А. Коноплёв – автор пяти музыкальных спектаклей, многих концертных постановок и произведений в жанре авторской песни, один из создателей КСП «Подснежник». В 2000 году выпустил первую книгу стихов «В том мире». В новой книге «Музыка – любовь моя», вышедшей в 2016 году, автор представил читателям итог своего поэтического творчества за последние 20 лет.

ПРОТОИЕРЕЙ КОРКОДИНОВ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ родился 14 августа 1976 года в городе Пермь. После окончания средней школы закончил колледж искусств и культуры по специальности

концертмейстер-аккордеонист. С 1994 по 1996 гг. служил в рядах Российской армии. Службу проходил в оркестре штаба ПриВО в городе Самара. В 1998 году поступил в Самарскую православную Духовную семинарию. В 2000 году был рукоположен в сан иерея и назначен настоятелем православного Прихода в село Усолье Шигонского района Самарской области. Закончил семинарию в 2004 году. Отец четверых детей.

Автор сборника рассказов для детей «Жаркое из шоколада». (Выпущен издательством ООО «Офорт» в 2014 году.) В 2015 году издательством «Полиграфия» города Сызрани выпущена детская книга «Непростой фонарь». Печатался в альманахе «Дебют» национальной литературной премии «Писатель года 2014» (г. Москва), в православных газетах «Благовест» и «Народная православная газета» (г. Самара), литературном журнале «Юность» (г. Москва), журнале «Лампада», на интернетресурсах. В сентябре 2016 года вышел новый сборник детских рассказов «Ванины рассказы» (г. Москва).

КОРНИЕНКО ОЛЕГ ИВАНОВИЧ родился в 1954 году в селе Котовское на Киевщине. Окончил 1-е Харьковское военное авиационно-техническое Краснознамённое училище и Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. Около 28 лет отдал Сызранскому высшему военному авиационному училищу лётчиков, воевал в Республике Афганистан. Награждён пятнадцатью медалями, в т.ч. «За боевые заслуги».

Печатался в центральных изданиях: «Аврора», «Детская «Роман-газета», «Истоки», «Наш современник», «Московский вестник», «Российский писатель», «Советский воин», «Смена», «Север» (Карелия), «Луч» (Ижевск), «Мономах», «Симбирскъ» (оба – Ульяновск), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза), «Новый Свет» (Канада), «Простор» (Казахстан); «День и Ночь», «Новый Енисейский литератор» (оба – Красноярск) и др.

Член Союза писателей России. Член редколлегии литературных журналов «Волга – XXI век» (Саратов), «Енисейка» (Красноярск). Лауреат Международной литературной премии им. Э.Хемингуэя (Канада, 2016г.), городской премии в области культуры «Признание» (2006г.). Дипломант 4-го Международного литературного конкурса

детских и юношеских произведений им. А.Н.Толстого (2012 г.) и 6-го Всероссийского конкурса писателей баталистов – маринистов «Твои, Россия, сыновья!»(2012). Медаль военно-художественной студии писателей Культурного Центра ВС РФ «За труды в военной литературе» (2014). Медаль им. Героя Советского Союза Владимира Карпова за повесть про Афганистан (2015).

Автор шести книг прозы для детей и взрослых: «Воздушный почтальон», «Декоративный Зяка»(обе – Москва), «Шаги за дверью», «Жизнь за смерть»(обе – Самара), «Добро радовать должно»(Рязань), «Афганец» (Litsvet, Канада). Проживает в г. Сызрани Самарской области.

ЛАНИНА НАДЕЖДА АНАТОЛЬЕВНА родилась в городе Алапаевске Свердловской области. Окончила Куйбышевский политехнический институт, ФАИТ. Работает в РКЦ «Прогресс» (в ЦСКБ) инженером-конструктором. Стихотворения печатались в коллективных сборниках, журналах «Русское эхо», «Камертон», «Симбирскъ», альманахах «Отчий дом» и «Новый Енисейский литератор». Участница творческой мастерской поэта Евгения Чепурных.

ЛИШМАНОВА ЮЛИАНА ПЕТРОВНА родилась в 1970 году в г. Сызрани, училась в средней школе №16. В 17 лет уехала в г. Владивосток, где начала свой трудовой путь секретарём-машинисткой. Потом вернулась в родной город. Здесь работала кондуктором, оператором котельной, санитаркой в госпитале. Сейчас – журналист в газете «Красное Приволжье». Стихи печатались в местных газетах, альманахе «Сызранская излучина», журналах «Русское эхо» (Самара), «Берегиня» и «Природа и человек» (Москва).

МИРОНОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА родилась в 1958 году в г. Сызрани Куйбышевской области. В 1980 году окончила филиал Самарского политехнического института по специальности инженер-электрик.

Является членом Сызранской писательской организации, с 2016 года – кандидат в члены Союза писателей России. Лауреат городской премии «Признание» в сфере культуры и искусства в номинации «Литература» 2012 года.

Автор четырёх сборников стихов для детей: «Солнце – рыжие веснушки», «Весёлый ручеёк», «Что за ягода арбуз», «Приходите в гости, в гости приходите!».

Стихи Елены Мироновой неоднократно публиковались в городской газете «Волжские вести», в районной газете «Красное Приволжье», в альманахе «Сызранская излучина», в журналах «Русское эхо», «Берегиня дома твоего», в детских журналах «Познайка», «Енисейка», «Светлячок», во всероссийской еженедельной литературно-развлекательной газете «Школьник».

В 2008 году подборка стихов поэтессы вошла в антологию «Сызрань литературная»

МИШЕНКОВ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ родился в 1949 году в Сызрани. После окончания средней школы № 15 работал токарем на Комбайновом заводе и заводе Тяжёлого машиностроения. Прослужил 28 календарных лет в оркестре СВВАУЛ. Старший прапорщик в отставке. Артист высшей категории сызранского муниципального оркестра, лауреат областных, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей, лауреат городской премии «Признание». Написал около 60 песен на свои стихи и тексты других авторов. Награждён грамотой межрегиональной общественной организации «Союз ветеранов войн и военной службы военно-воздушных сил» за участие в конкурсе «Лучшая публикация по военно-патриотической тематике».

Печатался в журналах «Русское эхо» (Самара), «Берега» (Калининград), «Агитатор» (Москва), антологии «Сызрань литературная», в сборниках «У старого окопа», «Сызранская излучина», в газетах «За Родину», «Красная звезда», рижском «Автомобилисте», в журнале «Сура» (Пенза), местной периодике. Автор поэтических книг «Откровенья утра моего» (2001), «Иначе жить я не могу» (2013), «Когда зажигаются звёзды» (2014). Автор сборника рассказов для детей «Новенькая» (2016).

Кандидат в члены Союза писателей России.

НЕВСКАЯ ЛИДИЯ ИВАНОВНА родилась в 1951 г. в Тюменской области. Окончила Сызранский машиностроительный техникум. Работала до ухода на пенсию инженером-технологом в ОАО «Тяжмаш».

Л. И. Невская является одним из старейших членов городского литературного объединения. Её стихи печатались в областных и местных газетах, других изданиях, антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», в коллективных сборниках «Поэт года» (в двух), «Воинская слава», вышедших в Москве. Л. И. Невская выпустила в разные годы книги стихов («Понарошку и всерьёз», «По расписанию судьбы», «Времена года – времена жизни»), прозы («Колокольчики», «Лидочка», «Дети баракров», «Шанхайчик»).

ОВЧИННИКОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ родился 15 декабря 1920 года в Сызрани в семье рабочего-железнодорожника. В 1940 году был призван на действительную военную службу. Великая Отечественная застала его на западной границе у города Львова. Войну закончил в немецком городе Бреслау.

После демобилизации окончил Сызранский учительский и Куйбышевский педагогический институты. Работал в школах учителем, завучем, директором. Отличник народного просвещения.

Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Алексея Толстого. Почётный гражданин г. Сызрани. Умер в 2017 г.

ОКУНЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА окончила филологический факультет Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. Работала преподавателем русского языка и литературы. Является членом Сызранской городской организации Союза писателей России.

Лауреат конкурса на лучшие литературные произведения 2000 года, объявленного городской организацией Союза писателей России. Победитель и дипломант литературного конкурса «Посох и Лира» 2009 года в двух номинациях. Дипломант конкурса «Женщина года – 2009» в номинации «Журналистика и литературное творчество».

Лауреат городской премии «Признание». Стихи печатались в средствах массовой информации г. Сызрани, Чапаевска; в литературных журналах «Ваш Взгляд» (Сызрань), «Сура» (Пенза), «Енисейский литератор» (Красноярск), «Луч» (Ижевск), «Русское эхо» (Самара);

в антологии прозы и поэзии «Сызрань литературная»; в альманахе «Сызранская излучина», в сборнике произведений номинантов национальной литературной премии «Поэт года» 2015, 3 том (М.). Автор двух сборников стихотворений: «Моё янтарное лето» (2008 г.), «Окно» (2016 г.).

ПАЙДУЛОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ родился 18 июня 1956 года в г. Артёмовске Свердловской области. Юность встретил в Самаре. С 1985 года живёт в Тольятти. Женат. Имеет дочь и двоих внуков. Ветеран АВТОВАЗа.

Кандидат в члены Союза писателей России. Член Тольяттинского городского отделения Самарской областной писательской организации.

ПАНФИЛОВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА родилась в г. Харькове (Украина) в 1950 году. С 1953 г. жила в Сызрани. Окончила Куйбышевский педагогический институт. В последнее время работала в редакции газеты «Волжские вести». Активно участвовала в работе литературной студии «ЛиСт» при городском отделении Союза писателей РФ.

Первая публикация появилась в 2002 году в сборнике поэзии и прозы «Льётся песня из души», изданном Самарским отделением Литфонда по итогам областного конкурса среди авторов-инвалидов. В последующие годы многие рассказы Панфиловой печатались в журнале «Русское эхо» (Самара) и других областных, городских и районных изданиях.

Автор книг «Ширк-два-три» (рассказы для взрослых) и «Зеркальный лабиринт» (сборник сказок). Ушла из жизни в 2010 году.

ПОРТНЯГИН ИЛЬЯ ОЛЕГОВИЧ родился в 1972 году в г. Иркутске. С четырёх лет живёт в Сызрани. Окончил школу № 8 и Тольяттинский химико-технологический колледж. Служил в Группе советских войск в Германии. Работает в ООО «Самара-Терминал». Увлекается поэзией с юных лет. Стихи публиковались в журнале «Русское эхо», альманахе «Сызранская излучина», местной периодике.

ПОРТНЯГИН ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ родился в 1948 году в г. Мариинске Кемеровской области. Служил на флоте водолазом-глубководником. Окончил филфак Иркутского госуниверситета. Работал грузчиком, электриком, учителем русского языка и литературы. Последние 40 лет – в журналистике. Стихи печатались во многих литературно-художественных изданиях страны. Автор пяти поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. И. Дмитриева. Член Союза писателей России. Живёт в г. Сызрани.

РАБШТЕЙН ИГОРЬ ДАВЫДОВИЧ родился в городе Сызрани Самарской области. После окончания восьми классов 1-ой общеобразовательной школы поступил в медицинское училище, которое окончил в 1992 году. Позже окончил Самарский филиал Бузулукского финансового колледжа. Спустя десять лет окончил Волжский университет им. В. Н. Татищева в г. Тольятти. Первое место работы – Дом инвалидов и престарелых – массажист. После в разные годы работал налоговым инспектором, вновь массажистом в Центральной городской больнице города Сызрани. Последние двенадцать лет место работы – ОАО «ТЯЖМАШ» – от ученика слесаря до экономиста и специалиста отдела продаж. Стихи пишет с юности более двадцати лет.

РЕВЯКИН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в г. Самаре в 1981 г. Учился в Самарском государственном педагогическом университете на филологическом факультете. Печатался в газетах, в журналах «Русское эхо» и «Молодёжная волна», альманахах «Поэтех», «Лабиринт», коллективных сборниках. В 2010 году совместно с Викторией Ревякиной издал книгу стихов «Почему прямые не сходятся? Потому что за окнами радуга!». Автор поэтического сборника «Крик на холме». Помимо литературы, занимается музыкой. Лидер арт-фолк группы «Nottingham». Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

СЕМЁНОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ родился в 1929 году. Во время войны остался без родителей: отец погиб на фронте, мать репрессировали. Окончил Серпуховское военное училище и Ленинградский военный институт физкультуры и спорта, служил в авиационных частях. Стихи и рассказы публиковались в армейских газетах «Красная звезда», «За Родину» (ПриВО), «На страже Родины» (ЛенВО), «На страже Заполярья» (Северный флот). После увольнения в запас жил в Таганроге, где был общественным корреспондентом «Таганрогской правды». В преддверии 70-летия Великой Победы был издан двухтомник Юрия Семёнова «Живём и помним». В него вошли произведения, основанные на личных впечатлениях автора. Позже вышли в свет ещё три книги: «Следы на обочине», «Внештатный детектив» (роман) и «Осколки».

СЕМИЧЕВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ – выдающийся современный поэт, секретарь Союза писателей России, автор 10 поэтических книг, лауреат всероссийских и международных литературных премий. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

СУРКОВ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ родился 25 ноября 1957 года в Ульяновской области. 14 лет проживал в Сызрани. После 8 классов средней школы № 19 поступил в Казанское суворовское военное училище. Окончил Ульяновское танковое училище и Академию бронетанковых войск. Служил на Дальнем Востоке, в Украине, Германии, Москве, С-Петербурге в танковых частях. Работал старшим преподавателем военной кафедры Санкт-Петербургского института машиностроения. После увольнения с военной службы в 1997 году вернулся в Сызрань. В настоящее время работает на военной кафедре СамГТУ. Стихи печатались в газетах Приволжского Военного округа, «Волжские вести в субботу», «Волжские вести», в сборнике «Вектор».

ТВЕРДОХЛЕБОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – поэт, прозаик, художник-иллюстратор, экскурсовод. Член городского литературного объединения при городской организации Союза писателей России. Пишет прозу, сказки, стихи. Публиковалась в журналах Москвы,

Санкт-Петербурга, Самары, Тольятти, Ульяновска, Саратова, Красноярска, Сызрани.

Лауреат литературного форума «Ковдория» в номинации «Литературная сказка для детей». Лауреат городской премии «Признание».

Автор сборника стихов и загадок для детей «Встречи» и книги «Сказки вверх тормашки».

Кандидат в члены Союза писателей России.

ТИМОФЕЕВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1966 году в Сызрани. В 1996 году окончил факультет журналистики Казанского государственного университета. Был корреспондентом районной газеты «Красное Приволжье», а также сотрудником многотиражной газеты ОАО «Тяжмаш» «Машиностроитель». Член Сызранской городской писательской организации. Стихи публиковались в «Литературной Самаре», городских и районных газетах, антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», коллективном сборнике «Серебряные родники».

ТРОШИН ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ родился в 1952 г. в г. Барыше Ульяновской области. Окончив Саратовской геологоразведочный техникум, работал по специальности в Ульяновской области, а затем в Бурятской АССР.

Прозаик, автор книг «Здравствуй, утро!», «До последнего дня» и многих публикаций в коллективных сборниках, журналах, в том числе «Наш современник», «Литературная учёба» и др. Член Союза писателей России. Скончался 23 июля 2010 года.

УЛЬЯНОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ родился 12 июня 1958 года в селе Коптевка Новоспасского района Ульяновской области. В возрасте пяти лет вместе с родителями переехал в Сызрань. После окончания средней школы в 1975 году начал свою трудовую деятельность на заводе тяжёлого машиностроения (ныне акционерное общество «Тяжмаш»). Без отрыва от производства получил высшее образование. Специальность – «Технология машиностроения». Прошёл путь от токаря до руководителя производства гидротурбинного оборудования. Пишет прозу, очерки. Произведения опубликованы в журнале

«Русское эхо», антологии «Сызрань литературная», альманахе «Сызранская излучина», в сборнике «В счастливом спектре вдохновения» и других изданиях. Дипломант национальной литературной премии «Золотое перо Руси –2010».

ФЁДОРОВА ЛЮДМИЛА ФЁДОРОВНА родилась в в 1951 году в Сызрани. Одновременно с учёбой в старших классах обучалась в сызранской художественной школе. Художник-оформитель. Член Сызранской городской писательской организации. Стихи публиковались в газетах «Волжские вести», «Красное Приволжье», в журналах «Наш современник», «Русское эхо» (Самара), в антологии «Сызрань литературная», сборнике «Звалась когда-то ты Ручейкой», альманахах «Золотая строфа», «Сызранская излучина». Автор сборников стихов «Весны лиловые огни», «Моей любви девятый вал», «В поэзию вхожу, как в сад», «Отпущу журавля в небо синее».

ХАВАНОВ ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ родился в 1935 году. Жил в селе Усинском Сызранского района. Окончил Сызранский нефтяной техникум. Служил в ВМФ. Уйдя в запас, поступил на историко-филологический факультет Куйбышевского педагогического института. По его окончании был направлен на учёбу в Академию общественных наук. Защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Работал журналистом, преподавателем в ряде вузов. В 1995 году возглавил исторический факультет Московского городского педагогического университета. Профессор, автор многих книг, брошюр и отдельных научных работ, в том числе и опубликованных за рубежом. Член союза писателей России. Издал несколько поэтических сборников.

ХАРИТОНОВ ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в 1942 году в городе Сызрани Куйбышевской области. Окончил Сызранский трикотажный техникум и Свердловский государственный педагогический институт. Служил в ракетных войсках в Московском округе ПВО. Работал на предприятиях лёгкой, пищевой, химической промышленности и тяжёлого машиностроения в Семипалатинске и Сызрани, а также – журналистом в городской, районной и заводской печати. Публиковал свои произведения в газетах и журналах Москвы

и Подмосковья, Поволжья, Урала и Сибири, в коллективных сборниках. Издал книги стихов: «Околица» (1985), «Полустанок» (2004), «Всплески» (2011) и «Полынок» (2012 г.).

Вячеслав Харитонов – член Союза писателей России, лауреат городской премии «Признание», областной литературной премии имени Виктора Багрова и Всероссийской литературной премии «Мастер», член Союза журналистов РФ.

ЦЫПЛЁНKOBA ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА родилась в 1940 году в Сызрани. Окончила медучилище. Работала медсестрой в детской больнице и фельдшером медсанчасти.

Детские стихи, загадки, скороговорки публиковались в областных и местных газетах, журналах «Мурзилка», «Весёлая нотка», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки» и других. Автор книг стихов для взрослого читателя («Убегу в ромашковую заводь», «Обереги меня, судьба», «Живу в предчувствии весны») и для детей («Непослушный ручеёк», «Я иду по облакам», «Жили-были говорилки», «Грамотейка», «О малыше медвежонке и добром ежонке», «О фантазёрах и фантазёрках»). Член Союза писателей России.

ЧВАНОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА родилась в 1957 г. в Сызрани. Окончила Сызранское медицинское училище. Работала на городской станции переливания крови.

Автор поэтических сборников «На крыльях судьбы», «Сквозь призму жизни», «Обретая свои берега», «Грусть моя исповедальная». Стихи печатались в журналах «Наш современник» (Москва), «Невечерний свет / infiniti» (Санкт-Петербург), «Берега» (Калининград), «Русское эхо» (Самара), «Сура» (Пенза), в альманахах «День поэзии – XXI век» (Москва), «Парадный подъезд» (Санкт-Петербург), «Арина» (Нижний Новгород), «Стрежень» (Тольятти), «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Мир народов Поволжья» (Чапаевск), «Сызранская излучина», в сборнике «Светись, светись, далёкая звезда...» (Москва), в московской «Медицинской газете», в самарской газете «Медицина и фармация», в антологии «Сызрань литературная», в книге «Чести достойны! Потомки ветеранов войны».

Является дипломантом Международного творческого конкурса «Рождественская звезда 2012», финалистом Межрегионального поэтического конкурса «Светись, светись, далёкая звезда...», посвящённого 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, обладателем третьего места во втором областном литературном конкурсе «За далью – даль», посвящённом А. Т. Твардовскому, победителем городского конкурса «Женщина года 2014» в номинации «Журналистика и литературное творчество».

Член Союза писателей России.

ЧЕРНЯЕВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ родился в посёлке Зелёная Роща Челно-Вершинского района Куйбышевской области. После службы в армии окончил Усольский сельскохозяйственный техникум. Работает наладчиком КИПиА в ПАО «АВТОВАЗ». Победитель международного литературного конкурса «Провинции мира и миры провинций» с вручением диплома Европейского конгресса литераторов, г. Прага. Автор двух поэтических сборников. Кандидат в члены Союза писателей России. Живёт в г. Тольятти.

ЮДИНА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА родилась в селе Обшаровка Приволжского района Куйбышевской области. Окончила педагогический институт (физико-математический факультет), Московский заочный народный университет искусств.

Стихи и песни Валентины Юдиной публиковались в журналах «Наш современник», «Начальная школа», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Весёлая нотка», «Познайка», в антологии «Сызрань литературная», а также в ряде других изданий. Ею выпущены в свет сборники песен «Заблудилось детство» (2008 г.), «Солдаты Победы», «На вокзалах Любви» (2010 г.), «Любимые мелодии Валентины Юдиной, или Двести песен обо всём», «Сердце детства моего» (2015 г.), книги «Альпинистка» (2014 г.), «Бессонница», «Другой подход», «Варенькин мяч». Живёт в пос. Сборный Сызранского района. Член Сызранской городской, писательской организации.

Содержание

ЮБИЛЕИ

Вячеслав Харитонов:

<i>«В поэзии, как и в жизни, ничто человеческое мне не чуждо»</i> . . . 4	
<i>Грибник</i>	12
<i>Свой образ отпечатала душа</i>	17
<i>Слово писателя – главное его дело</i>	25

ПРОЗА

Сергей Жилутов

<i>Первый волк</i>	29
<i>Мормышки</i>	32
<i>Сурок</i>	33
<i>Осенние вёрсты</i>	34

Галина Журлова

<i>Глиняный горшок и... стакан соли</i>	36
<i>Такое не забывается</i>	38
<i>Давняя история</i>	40

Александр Карякин

<i>Песня веснянки</i>	42
<i>Таёжный хулиган</i>	44
<i>Кот-алкоголик</i>	47

Александр Коноплёв

<i>Присягают юные</i>	50
---------------------------------	----

Юрий Семёнов

<i>Погоня</i>	57
-------------------------	----

Татьяна Твердохлебова

<i>Горечь шоколада</i>	65
----------------------------------	----

Валерий Тимофеев

<i>Костюм</i>	72
-------------------------	----

Сергей Ульянов

<i>Вовкины победы</i>	78
---------------------------------	----

ПОЭЗИЯ

Игорь Вокин	
<i>Жизнь не впишешь ни в один канон</i>	82
Наталья Вяльшина	
<i>Любовь да воздастся по вере!</i>	85
Алексей Дунин	
<i>Во всём и всегда постоять за Россию!</i>	88
Галина Елисеева	
<i>Катит Волга мерно воды, начинаясь с родника</i>	93
Максим Ершов	
<i>...Я всё равно тебя люблю!</i>	99
Анжелика Жилутова	
<i>И наступает в сердце благодать</i>	102
Александр Зиборов	
<i>Всё так же матушка от счастья светится...</i>	106
Мария Зинова	
<i>Я – скала. И мне имя – твердь</i>	112
Сергей Кирюхин	
<i>Ещё теснее наш заветный круг...</i>	116
Виктор Коноплёв	
<i>И душа по-детски рада</i>	123
Юлиана Лишманова	
<i>Верю, что завтрашний день будет лучше</i>	127
Лидия Невская	
<i>Мы становимся ближе к святому</i>	131
Наталья Окунева	
<i>Лишь счастье, счастье, счастье...</i>	137
Илья Портнягин	
<i>Как хорошо в провинции моей...</i>	144
Олег Портнягин	
<i>Нам дали жизнь в эпоху перемен</i>	149
Игорь Рабштейн	
<i>Я возвращаюсь снова в детство</i>	154
Виктор Сурков	
<i>...И мечта моя светла</i>	159

Людмила Фёдорова	
<i>Ангелы живут среди людей</i>	162
Галина Цыплёнок	
<i>...А любовь осталась прежней</i>	167
Надежда Чванова	
<i>И любовь ты моя, и судьба!</i>	173
Валентина Юдина	
<i>...И тянут каждого из нас к себе истоки</i>	179

ДЕТСТВО

Наталья Бондаренко	
<i>Кладоискатели</i>	184
Ольга Воронина	
<i>Нужно проявить сноровку...</i>	194
Надежда Ермакова	
<i>Нескучный день</i>	196
<i>Сиамка</i>	199
Олег Корниенко	
<i>Лазерная указка</i>	203
<i>Раненый «Орлёнок»</i>	205
Елена Миронова	
<i>Пальму посажу я на своём окне</i>	209
Александр Мишенков	
<i>По лесам идёт молва, что бояться надо льва</i>	215

НАСЛЕДИЕ

Николай Овчинников	
<i>Друг Фома</i>	219
<i>Последняя пятница</i>	225
Елена Панфилова	
<i>Красивая?!</i>	230
<i>Тарелочка</i>	233
Виктор Трошин	
<i>«Сестра во Христе»</i>	237

ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид Воротынский

О правнучке гусара и поэта 244

ГОСТИ

Протоиерей Леонид Коркодинов

Нательный крестик 251

Карантин 255

Надежда Ланина

Поэзия уже сотворена 261

Александр Пайдулов

Во всём я ощущаю Божий храм 264

Дмитрий Ревякин

И шум шагов, и крик отчаянья... 267

Евгений Семичев

Снег идёт на склоне дня по моей судьбе 271

Евгений Хаванов

Всё в жизни разумно и мудро 276

Николай Черняев

...И сладкой тихой болью наполнилась душа 279

ПАРОДИИ

Владимир Варламов

Лягушкам вряд ли нас переорать 284

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

Виталий Байковский 289

Сергей Иванченко 289

Зоя Искаева 290

Елена Катышева 292

Леонид Родионов 293

Татьяна Чёрная 296

Юлия Черных 297

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА 298

ОБ АВТОРАХ 306

СЫЗРАНСКАЯ ИЗЛУЧИНА

Литературно-художественный альманах

Шестой выпуск

Составитель *Олег Портнягин*

Редакторы: *Наталья Окунева, Олег Портнягин, Вячеслав Харитонов*

Художественный редактор *Александр Фирсов*

Фото на обложке *Анатолий Горлов*

Корректор *Наталья Окунева*

Издательство «Ваш Взгляд»

446020, г. Сызрань, Самарская обл.,
ул. Комарова, 10-6

Сызранская городская организация
Союза писателей России

446001, г. Сызрань, ул. К. Маркса, 19,
редакция газеты «Волжские вести»,
телефон (8464) 98-71-43

Подписано в печать 05.02.2018.

Формат 60x90/16. Усл.п.л. 20,5. Печать офсетная.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Ваш Взгляд»

446020, г. Сызрань, Самарская обл.,
ул. Комарова, 10-6

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

6+